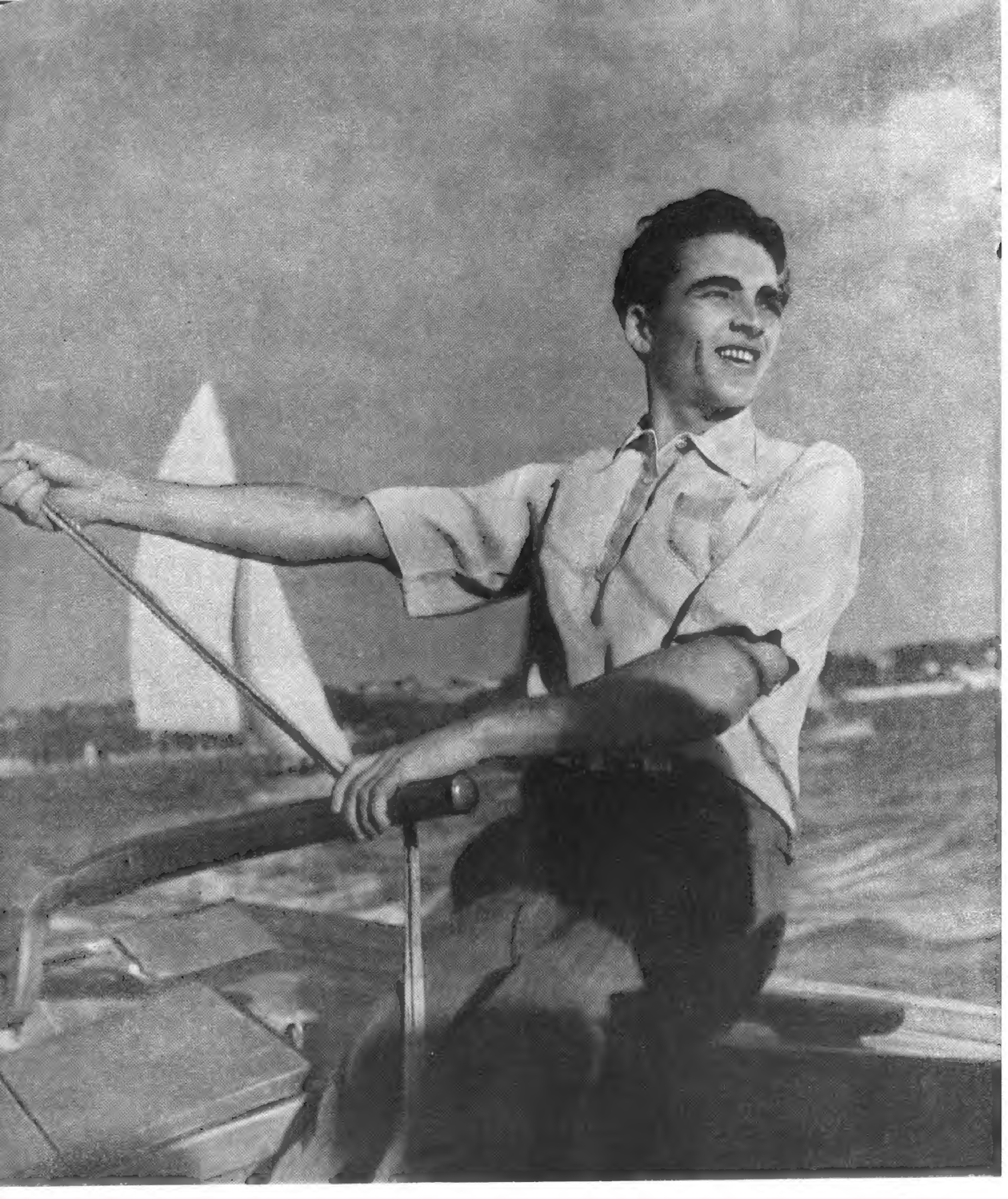

БИБЛИОТЕКА
Журн. „Огонек" „ПРАВДА"
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БУКВАРЬ

Николаевский яхтклуб — старейший в СССР. В прошлом году ему исполнилось 60 лет. *На снимке:* член спортивного общества «Наука» яхтсмен, студент-отличник кораблестроительного института Михаил Красный на тренировке.

Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: ПЕРВОКЛАССНИЦА.
Фотоэтюд В. Мусинова.

На последней странице обложки: НА ПАСТБИЩЕ.
Фото Е. Тиханова.

ОГОНЁК № 36 (1213) 3 СЕНТЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗВЕЗДЫ ТРУДОВЫХ ПОБЕД

Боевые победы летчиков, танкистов, артиллеристов на фронтах Отечественной войны отмечались звездами на самолетах, танках, пушках. Эта традиция поддерживается и на фронте мирного труда. Здесь ведется счет производственных побед лучших людей социалистической промышленности.

На Красноярском заводе самоходных комбайнов, где десятки стахановцев давно завершили свою пятилетку, над станками передовиков водружаются флажки со звездами. Каждая звезда обозначает выполнение годовой нормы.

Лучший фрезеровщик завода Владимир Андреевич Пучко с начала послевоенной пятилетки выполнил 16 годовых норм.

На снимке: В. А. Пучко (слева) и мастер инструментального цеха В. М. Кабанов. Старшая нарядчица А. А. Карпова дорисовывает на флажке шестнадцатую звезду.

Фото В. Евграфова

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ

Академик Е. ТАРЛЕ

В течение всей второй мировой войны японская империя, не щадя сил, яростно боролась, рука об руку с гитлеровской Германией, за порабощение и полное подчинение народов Европы и Азии воле этих двух хищнических держав. Будущая добыча, предназначавшаяся Германии, была в Европе, а добыча Японии — в Азии. При этом предполагалось, что Германии придется уделить часть своих приобретений и поделиться своей гегемонией с союзной муссолиниевской Италией, но Япония, напротив, торжественно и неоднократно провозглашала в течение всей войны, что уж она-то своими завоеваниями в Азии ни с кем делиться не намерена.

Следует заметить, что с момента прихода Гитлера к власти — 30 января 1933 года — и вплоть до разгрома в 1945 году империалистическая пресса Японии неустанно пропагандировала мысль о том, что Японии и Германии выпал на долю «высокий жребий спасти мир от коммунизма» и что за эту «великую будущую заслугу» территориальные приобретения в Европе и Азии, которые ждут Японию и Германию, не могут считаться слишком щедрым вознаграждением. Эта фашистская пропаганда успела за время войны выработать даже своеобразное мнимоисторическое обоснование.

В разгаре скоропреходящих гитлеровских «успехов» среди японской военщины и в шовинистической прессе правящих кругов в Токио была в большой моде и повторялась на все лады мысль о большом сходстве, существующем между новейшей историей Германии и историей Японии.

Германскому народу удалось создать великую державу лишь в 1871 году, а Япония добилась окончательного признания ее в качестве объединенного могущественного государства только в 1895 году, после победы над Китаем. Другими словами, обе эти страны вступили в семью великих держав очень поздно, на несколько столетий позже, чем Англия, Франция, Россия. Отсюда теоретики и идеологи молодого хищнического японского империализма делали прямой вывод, что «Страна восходящего солнца» должна следовать «великому примеру» бисмарковской, вильгельмовской, а особенно гитлеровской Германии: не терять золотого времени, ловить миг, подстерегать всякую благоприятную дипломатическую комбинацию и даже искусственно создавать такое положение, когда представляется возможность с наибольшими шансами на успех, хорошо рассчитанными и тщательно подготовленными молниеносными ударами сломить сопротивление оплошавшего соседа и урвать в свою пользу то, что плохо лежит.

Люди, хорошо изучившие Японию, вроде замечательного знатока ее, теперь уже покойного русского адмирала Азбелева, отмечали, что после удачного для японцев исхода войны с Россией в 1904—1905 гг. в японских придворных, правительственных и крупных капиталистических кругах стала быстро крепнуть точь-в-точь такая психология, какая характерна была для Германии после ее победы над Францией в 1871 году. Страною овладел угар победы, опьянение от успехов, постепенно утрачивалось всякое представление о пределах возможного, за которыми начинается владычество мании величия и фантазерских проектов. Губительнее всего было то намеренное извращение исторической истины, которому предавалась «наука» в Японии при анализе истории русско-японской войны.

Император Муцухито и весь состоявший при нем высший совет сановников, и ответственные министры, и руководящие представители дипломатии отлично знали то, что уже ни для кого из сколько-нибудь осведомленных людей не составляет секрета. Они знали, что когда в начале лета 1905 года Теодор Рузвельт обратился со своим посредничеством к России и Японии и предложил им начать переговоры о мире, то он сделал это вовсе не затем, чтобы «спасти» Россию, а затем, чтобы спасти Японию.

Лучше кого-либо другого японские правители знали, что затяжка войны хотя бы еще на один год грозит Японии полным финансовым крахом, а что с громадной свежей армией Линевича им не только в один год, но даже и в два года не справиться. Они помнили, в какой панике была японская делегация во главе с Комурой, когда в Портсмут пришла телеграмма Теодора Рузвельта о том, что Витте, явившийся к нему из Портсмута, грозит уехать, если японцы будут настаивать на своих первоначальных требованиях. И зная все это очень хорошо, правительство Японии поощряло лживые россказни о том, будто бы только неумелостью и растерянностью Комуры объясняется его уступчивость при выработке окончательных условий Портсмутского мира.

Но вот наступила первая мировая война, и, правильно взвесив силы сторон и поставив свою ставку в завязавшейся грандиозной игре куда следовало, Япония снова оказалась в позе победительницы: изгнала немцев из Китая, а затем, в процессе дальнейшего развития событий, захватила Маньчжурию и стала широким фронтом подбираться к Монголии.

Но тут обнаружилось, что японский империализм уже начал утрачивать ту осторожность, то уменье оглядываться по сторонам, ту способность умерять грабительский аппетит, которые характерны были для предшествующего поколения японских правителей.

Уже в 1918 году японская военщина сделала попытку принять прямое участие в интервенции империалистических держав с целью уничтожения советской власти, но получила должный отпор.

В 1938—1939 гг. японских империалистов постигли неудачи, зловещий смысл которых был ими, правда, учтен, но, как увидим, далеко не в полной мере.

Первая неудача постигла передовой отряд захватнического империализма, разнузданную японскую военщину, под Хасаном. Вторая — под Халхин-Голом. Японские империалисты в данном случае не были нисколько ни умнее, ни глупее империалистов Западной Европы.

Решительно ничего не поняв в природе Великой Октябрьской социалистической революции и в социально-экономических, политических и идейных основах, дающих несокрушимую крепость Советскому Союзу, руководители японской политики уверили себя в том, что Советская Россия — расслабленный колосс на глиняных ногах, который не выдержит решительной схватки. Посол Сигемицу в 1938 году является в Народный Комиссариат Иностранных дел и объявляет, что хотя Хасан по всем договорным актам и всем составленным с обоюдного согласия географическим картам находится действительно в советских пределах, но так как японцам он понадобился, то они его и заберут, а на протесты внимание обращено не будет.

Полный достоинства ответ, который получил Сигемицу, заключался в том, что хотя есть столицы, где подобный тон мог бы оказаться целесообразным и произвести впечатление, но что Москва не принадлежит к числу таких столиц. Прошли сутки, и наглая военная агрессия на Хасан была отбита с чувствительными потерями для агрессора.

Провокация повторилась при последовавшем новом нападении, жертвой которого должна была стать Монголия. Под Халхин-Голом были вконец разгромлены отборные японские дивизии, надеявшиеся без особых препятствий войти в Улан-Батор.

Конечно, в данном случае те круги, которые правили Японией и держали в руках ее прессу, постарались замять происшедшее, чтобы не смущать без нужды верноподданных «сына солнца». Несправедливо было бы утверждать, что эти уроки оказались совершенно безрезультатными.

Именно по мере того, как в Японию приходили безмерно преувеличенные, безобразно раздуваемые геббельсовской прессой известия об успехах гитлеровской орды, опустошавшей европейскую часть Советского Союза, в Японии все больше и больше брала верх тенденция, главным представителем которой с давних пор там считался барон Танака. Сторонники этого направления японской политико-стратегической мысли считали, что будущее Японии не на морях, а на суше, что утверждение японского политического владычества и прочное обеспечение экономической эксплуатации народов Азии и прежде всего Китая имеет первенствующее значение для всего будущего Японии. Борьба против Советского Союза являлась необходимейшей предпосылкой для достижения этой цели.

До сих пор в точности не известны детали и не опубликованы документы, касающиеся секретных, неоднократно прерывавшихся, возобновлявшихся, опять обрывавшихся и снова возникавших переговоров, негласных и неофициальных, между Риббентропом и японскими дипломатами. Однако некоторые моменты, некоторые детали, теперь кажущиеся крайне курьезными всем, но в 1942 году не казавшиеся смешными нашим врагам, заслуживают упоминания. При всей противоречивости, неясности, сбивчивости свидетельств очевидно, что японцы соглашались признавать новой своей границей иногда меридиан города Омска, а иногда восточные отроги Уральского хребта.

Мы не знаем, когда именно в этих переговорах Риббентропу пришлось махнуть рукой на Сибирь и широким жестом окончательно уступить ее Японии. Во всяком случае, как известно, эти переговоры о разделе России не могли быть доведены до благополучного конца вследствие событий 1945 года, приведших к поражению обеих договаривающихся сторон.

В течение всей страшной борьбы, которую вел четыре года и так победоносно закончил Советский Союз, громадная, до зубов вооруженная японская армия, не принимавшая ни малейшего участия в японо-американском состязании, происходившем на море и в воздухе, стояла в Маньчжурии, в Корее, на Квантуне, готовая броситься на нас, когда найдет подходящий момент.

Советский Союз, как признает это теперь даже враждебная нам американская литература о второй мировой войне, боролся против немецкого нашествия лишь одной рукой, так как другая должна была быть наготове против агрессора японского.

Летом 1945 года японская армия, по боевым качествам не уступавшая самым отборным частям германской армии, была наголову разгромлена доблестными Вооруженными Силами Советского Союза.

Мы теперь уже знаем из просачивавшихся впоследствии в американскую печать свидетельств, что главный штаб и политическое руководство Соединенных Штатов еще весной 1945 года были серьезно озабочены вопросом, что придется делать, если японская Квантунская армия будет продолжать войну, укрепившись в Корее и Китае, даже в случае полной американской победы над заблокированными японскими островами. Однако после решительных побед советских сил в Маньчжурии это опасение отпало.

Итак, война в 1945 году окончилась. Один из самых опасных, жестоких, сильных и коварных врагов, каких только имела Россия за одиннадцать столетий своего государственного существования, лежал во прахе.

Нельзя более ярко и в одно и то же время более полно и сжато характеризовать долгую японскую агрессию, чем это сделал наш великий вождь И. В. Сталин в своем Обращении к народу 2 сентября 1945 года: «Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели».

Наш победоносный вождь справедливо говорил об «особом счете к Японии», который может предъявить ей русский народ. В Обращении живо напоминается прошлое: «Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России».

Война тогда кончилась тем, что Россия потеряла Южный Сахалин, Япония утвердилась на Курильских островах и, таким образом, все выходы в океан и даже подступы к портам Камчатки и Чукотки оказались закрытыми.

«Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток».

Эта захватническая цель уже никогда не терялась из виду японским фашистским империализмом, и в 1918 году, без тени каких бы то ни было оснований, Япония при полной поддержке со стороны Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки «вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток».

Не чем другим, как той же заманчивой мечтой внезапным, ловким, истинно разбойничьим нападением оторвать от СССР его дальневосточные владения и захватить землю союзного с ним народа, объясняются уже упомянутые выше два налета — на Хасан в 1938 году и на МНР в 1939 году.

В волнующих строках Обращения говорится о том, что хотя Советский Союз успешно отбивался от всех японских агрессивных поползновений, но только великая победа 1945 года смыла обидные воспоминания о старом поражении: «Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Неисчислимы и в настоящее время еще даже не могут быть сколько-нибудь полно учтены благие последствия советской победы над японским империализмом. Бредовая идея пресловутого организатора бактериологической войны императора Хирохито и его «достойных» сподвижников об объединении Азии под властью японской державы не только навсегда ликвидирована, но поставлены серьезные препятствия новому вторжению японских сухопутных вооруженных сил на Азиатский материк, даже в качестве завербованных и закупленных американских ландскнехтов.

Только полная ликвидация в какой бы то ни было форме японских сухопутных сил на материке, бывшая совершенно не под силу американцам и выполненная и законченная так быстро и блестяще геройскими усилиями советских войск, сделала в дальнейшем возможным такое ускоренное развитие революционных событий в Китае, Вьетнаме, Малайе, Индонезии, Бирме.

Будущее обнаружит, насколько продолжительным окажется порабощение самой Японии ее американскими завоевателями и нынешними обладателями и надолго ли японский народ примирится с мыслью, что его история окончена и что он обращен в подъяремный скот, повинующийся палке погонщика. Быть может, Макартуру, гармонически соединяющему в себе, по свидетельству кое-кого из его приближенных, некоторые свойства восточного сатрапа с чертами удачливого работорговца, суждено пережить в самой Японии горькое разочарование. И, быть может, кучка туземных банковских, биржевых и индустриальных хищников окажется в Японии такой же «надежной» опорой американского преобладания, какой оказался Чан Кай-ши в Китае и Ли Сын Ман в Корее. История ответит на этот вопрос.

Мы не смешивали никогда и не смешиваем теперь японский народ с угнетающим и позорящим его японским правительством. В особенности мы проводим это отличие теперь, когда это «правительство» сделалось марионеткой в руках американского сатрапа Макартура.

И мы твердо знаем, что только с того момента, когда власть над Японией из рук нью-йоркской биржи и ее политических и военных приказчиков перейдет в руки японского народа, откроются перспективы прочного, искреннего, основанного на взаимном доверии сотрудничества между Советским Союзом и Японией.

Они поплатятся за свою агрессию!

МАО ДУНЬ,
китайский писатель

Американский империализм, сунувший свиное рыло в Корею, обжегся. За период своей агрессии на Корейском полуострове он получил хорошую взбучку.

Трижды уже менялись американские командующие, вслед за авиацией и флотом прибыли сухопутные войска, в ход было пущено новейшее американское оружие, но результатом этого было одно поражение интервентов за другим и отступление американских частей на южную оконечность полуострова.

Алчному империализму Америки не пошел впрок этот кровавый урок. Он все еще слепо и яростно лезет напролом. Когда Трумэн опубликовал 27 июня заявление, в котором открыто объявил об американской вооруженной агрессии в Азии, каждая строка этого заявления дышала надменностью и высокомерием: американский империализм, дескать, умеет рассчитывать! Однако розовые планы завоевания Азии для Уолл-стрита проваливаются один за другим.

Причина этого в том, что американские империалисты умеют только считать доллары, количество самолетов, военных кораблей и орудий; но они никогда не были в состоянии учесть и не учли и на этот раз, что силы народа, стремящегося к свободе и независимости, неисчерпаемы. Они не в состоянии понять, что неисчерпаемы силы народов, которые хотят мира и отстаивают мир. Взгляните на гневную волну протеста народов всех стран против американской агрессии в Корее — разве это не доказательство силы лагеря мира!

В заявлении Трумэна с безрассудством провозглашалось намерение и дальше силой оружия охранять последнее пристанище банд Чан Кай-ши — остров Тайвань. Этот акт вооруженной агрессии американского империализма на территорию Китая был сурово осужден в опубликованном официальном заявлении министра иностранных дел Центрального Народного правительства Китая Чжоу Энь-лая.

Китайский народ не только единодушно поддерживает это заявление, но и твердо верит в то, что сумасбродные планы американского империализма будут опрокинуты силами китайского народа. Китайскому народу уже знакомы самолеты, пушки и танки американских империалистов; колосс на глиняных ногах был разнесен в прах мужеством и героизмом китайского народа.

Американским империалистам и их подручным явно не по себе при виде того, как войска США терпят жестокие поражения в Корее. Наш же китайский народ с самого начала глубоко верил в то, что героический корейский народ даст агрессорам сокрушительный отпор. Этот вывод китайский народ сделал на опыте своей собственной борьбы.

Мы столь же глубоко верим и в то, что народы Вьетнама, Филиппин и другие народы Азии, на которые направлена агрессия американского империализма, смогут также окончательно разгромить наглые агрессивные действия американского империализма. Окончательная победа будет за свободолюбивыми народами Азии.

Американские империалисты спешно отправляют в Корею все большее количество самолетов, военных кораблей и сухопутных войск. Некоторые поджигатели войны продолжают истошно вопить о необходимости применения атомной бомбы. Авиация американских империалистов с каждым днем усиливает зверскую бомбежку мирных корейских городов и мирного населения. Но мы прекрасно понимаем, что эти зверства американских империалистов не приведут к другому результату, как только к росту их кровавого долга перед корейским народом, к еще большему размаху патриотической борьбы корейского народа, к еще большему накалу гнева народов всего мира против американских агрессоров.

Даже в самой Америке миллионы американских граждан уже активно выступают против преступных действий своей реакционной правящей клики, против ее политики, идущей вразрез с волей и интересами американского народа. Сотни миллионов трудящихся всего мира — вместе с корейским народом в его самоотверженной и справедливой борьбе.

Американских поджигателей войны ожидает судьба Гитлера. Если и настанет такой день, когда ими будет пущено в ход преступное атомное оружие, то это будет днем похорон американского империализма. Китайский народ, как и народы всего мира, ясно заявил: пусть не надеются империалисты, что им удастся побороть решимость миллионов простых людей сохранить мир. Пусть знают империалисты, что тех, кто подрывает мир, ждет возмездие народов. Пусть не рассчитывают поджигатели войны, что им удастся обмануть бдительность народов и действовать вопреки их воле. Если они будут упорствовать в этом, то гибель, которую они готовят трудящимся, падет на их собственную голову.

Из китайского журнала «Народная литература», август, 1950 год.

Перевод А. Котова

НА НАШЕЙ МИРНОЙ ЗЕМЛЕ

Татьяна ТЭСС

От центра Ленинграда до города Пушкина машина идет не более сорока минут. Дорога коротка, пряма и сейчас ничем особым не примечательна. Но сколько мыслей, сколько воспоминаний может навеять эта короткая дорога, каждый дом, каждый квартал, мимо которых мы сейчас едем, каждое дерево, раскинувшее широкие, пушистые ветви над горячим от солнца асфальтом...

Мне привелось быть в Ленинграде вскоре после снятия блокады. На Международном проспекте, вдоль которого проходит ведущая в Пушкин дорога, тогда еще чернели развалины. Чем величественней здание, тем горестней его руины. На Московском шоссе возвышались огромные, простреленные насквозь каменные коробки. Снежинки неслышно и плавно оседали на угрюмой черноте обгоревшего камня. Продымленные, израненные осколками кариатиды продолжали поддерживать карниз стены уже несуществующего здания. Кариатиды, подобно часовым, не покидающим свой пост, стояли на карауле у руин.

На Пулковских высотах я видела то, что лишь по названию напоминало холмы, склоны, аллеи старого парка. Это было месиво мерзлой глины, щебня, железа, из которого торчали кривые корни обгоревших пней. На обломках стен обсерватории пули и осколки оставили в кирпиче красные, искрошенные следы, напоминающие свежие раны. Среди развалин можно было увидеть обнаженные, покрытые пылью и пеплом фундаменты, построенные некогда для того, чтобы на них покоились драгоценные, чуткие приборы.

Чудовищность разрушения с особой силой ощущалась здесь, где все было создано для научной мысли, научной работы, здесь, где до войны была расположена крупнейшая астрономическая обсерватория и ученые под мирным звездным небом, раскрыв купола павильонов, наблюдали в тишине движение светил.

И вот я снова в Ленинграде и снова еду по той же дороге.

Этот путь, на котором еще недавно так ясно были видны разрушения, принесенные войной, сейчас стал дорогой мира и созидания.

Огромные статные дома стоят вдоль широкого прямого Международного проспекта. Шеренги их как будто нескончаемы; такие же прекрасные новые здания видны на Московском шоссе. Нет и следа развалин, нет ничего, что заставило бы вспомнить о руинах и обломках. Кругом все свежо, все чисто. Вдоль шоссе возле старых узловатых деревьев шумят молодые, недавно посаженные дубки. С дороги видно, как белеют на Пулковских высотах здания новых астрономических павильонов. В парке милосердная зелень прикрыла истерзанную снарядами землю.

Только могучий народ может с такой быстротой залечить нанесенные войною раны. Только мирный народ — народ-победитель — может строить так щедро, так любовно и спокойно,— строить для большой, мирной, счастливой жизни.

И вот открывается город Пушкин.

В него въезжают сквозь украшенные барельефами монументальные Египетские ворота. Прямо против ворот стоит памятник Пушкину. Великий поэт встречает, как хозяин, всех нас, входящих в город, носящий его имя.

У этого памятника есть своя история, своя судьба. В пору временного захвата города фашисты превратили памятник поэта в мишень. С чудовищной методичностью они расстреливали бронзовую статую. Жители города рассказывают:

— У Пушкина было больше ста пятидесяти ранений, главным образом в область сердца и в голову.

Люди говорят о памятнике, как о живом человеке, с нежностью и болью.

Сейчас памятник реставрирован. На гладкой, нагретой солнцем бронзе нет ни шрамов, ни вмятин. Памятник стоит, окруженный цветами, а позади него темнеют пушистые кроны деревьев парка.

О пригородных дворцовых парках Ленинграда можно говорить, как о подлинных произведениях искусства. Их планировка, гармоничная и плавная, с прямыми, как струна, аллеями,— планировка, в которой целомудренная, аскетическая строгость линий соединяется с необыкновенной поэтичностью и мягкостью, была сделана талантливейшими архитекторами того времени. Тысячи русских крестьян-умельцев создавали эти парки. С необычайной полнотой чувствуешь здесь спокойную красоту русской природы.

И, глядя на сочную зелень, на старинные мостики и павильоны, на мягкий песок дорожек, невольно вспоминаешь, как грузно и жестоко прошла по этому парку война. Столетние деревья лежали навзничь, словно сраженные в бою богатыри. Всюду виднелись пробоины и ожоги, всюду были прах, пепел, разрушенье. И вот советские люди вернули старый парк к жизни, украсили и приласкали его заботливыми своими руками. Спустя месяц после Дня Победы Екатерининский парк был вновь открыт для трудящихся. Свыше трех тысяч молодых деревьев посажены на его аллеях взамен погибших великанов. Как всюду на советской земле, здесь снова торжествует жизнь и мир.

Этот парк дорог нам еще и потому, что он был колыбелью творчества Пушкина. Здесь Пушкин учился в лицее, здесь слагал он первые стихи, здесь формировались его ум и душа.

Сквозь зелень видна ажурная скамья, бронзовая фигура задумавшегося юноши-поэта... Он в этом парке у себя дома. Как прекрасны высеченные на цоколе памятника строки:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.

— Пойдем в гости к Пушкину...— говорят экскурсанты, подходя к лицею.

— Ты был у Пушкина? — спрашивает один пионер другого, глядя на окно пушкинской комнаты.

Лицей полностью восстановлен, но рядом с ним горестно возвышаются почерневшие руины Екатерининского дворца.

Мы помним, как здесь сверкал янтарный ледок узорного паркета, как были распахнуты настежь золоченые двери дворцовых зал, как люстры свисали с расписных потолков, подобно огромным диковинным цветам... Стоят развалины дворца, словно зловещий памятник разрушенья. Но рядом светится чистотой восстановленный Александровский дворец, в кото-

Спустя месяц после Дня Победы парк был вновь открыт для трудящихся. Снова зазвенели в его аллеях веселые детские голоса.

ром ныне находится музей А. С. Пушкина. Огромные комнаты музея заполнены посетителями; с вниманием глядят они на драгоценные первые издания «Евгения Онегина», на портреты, гравюры и миниатюры, изображающие Пушкина, на гусиное перо, которым писал поэт. И снова у входа слышно, как кто-то радостно говорит:

— А теперь пойдем в гости к Пушкину...

Позади музея блестит сквозь зелень вода, кружевная тень лежит на песке. Екатерининский парк полон великолепия, прекрасны его здания, его фонтаны и статуи.

И всюду, на всех аллеях дети.

Кажется, что дети полностью владеют роскошным дворцовым парком, что именно они хозяева этого озера и грота, этих старых лиственниц и беседок. Дети гуляют или читают в тени деревьев, дети загорают под лучами солнца у озера, дети сидят с книжками на скамьях у Мраморного мостика, у беседки «Большой каприз». Здесь пионеры и малыши с совочками для песка, здесь серьезные девятиклассницы и вихрастые, загорелые подростки. Дети всюду, но в парке нет ни шума, ни озорной беготни; детские голоса перекликаются со щебетом птиц.

Мимо Камероновой галереи неторопливо идет отряд пионеров с сачками для бабочек, с купальными полотенцами через плечо.

— Где ваш лагерь, ребята?

— На улице Труда.

— Какой организации принадлежит лагерь?

— Папа работает токарем на заводе имени Сталина...— отвечает самый маленький, загорелый и смуглый, как жучок. Мальчугану жарко, щеки его розовы, на носу целое созвездие веснушек...

Почти на каждой улице города Пушкина можно увидеть пионерский лагерь. Многие ленинградские заводы, фабрики, учреждения послали сюда ребят отдыхать. Кроме пионерских лагерей, в Пушкине есть санатории, предназначенные специально для детей.

В одном таком санатории я была в час послеобеденного отдыха. На террасе спали дети. Раскинувшись в кроватках, они спали так крепко, так сладко, словно пили сон по каплям, как чудесный напиток, несущий здоровье и бодрость. Спокойствие и сила мирной советской земли стояли на страже у их изголовья.

Я была в детском доме имени Сталина. Здесь воспитываются сироты, родители которых погибли во время Отечественной войны. Здесь живут дети, отцы которых были убиты в боях под Ленинградом, и дети, которые потеряли матерей во время бомбежек, артиллерийских обстрелов. Здесь живут дети, которые в самой нежной, самой ранней поре человеческой жизни видели вплотную смерть, голод, большую беду. Эти дети доверчивы даже с незнакомым им человеком, маленькие их сердца настежь распахнуты для ласки. Они тянутся к теплу и нежности, как растения, побывавшие в мраке и снова увидевшие белый свет. Время — великий целитель. Забота и тепло — волшебное лекарство.

У девочки, отец которой погиб в бою, защищая Ленинград, спросили:

— Ты помнишь отца?

— Я помню его, но только, как тень...— сказала она тихо.— Не могу вспомнить ни лица его, ни голоса. Я была совсем маленькой, когда папу убили.

В этом детском доме я встретила девочку, мать которой погибла во время блокады Ленинграда. Девочке в ту пору было шесть месяцев. Сейчас ей восемь лет.

— Когда я родилась, мамы возле меня, наверное, не было,— сказала она печально и наивно.

И, глядя на этих осиротевших детей, которых согрела и укрыла под своим крылом наша сильная добрая страна, невольно думалось о том, что ни одна мать, ни один простой человек во всем мире не может желать новой войны. Только профессиональный убийца может быть глух к плачу осиротевшего ребенка. Только сердце, обросшее щетиной, может жаждать крови мирных людей. Долг и обязанность каждого честного человека — добиться запрещения оружия массового истребления людей, оружия агрессии. Тот, кто не борется сегодня за мир, помогает лагерю войны.

Мне запомнилась еще одна девочка. Я спросила, как ее зовут.

— Люля! — сказала она весело.— Меня зовут Люля...

В этом сокращенном имени было что-то очень домашнее; только мать так называет любимую маленькую дочку...

— Ты давно в детском доме?

— Я тут была всегда...— сказала она, но здесь же поправилась:— Ну, не совсем всегда, конечно! Меня привезли в детский дом очень маленькой...— добавила она солидно. На вид девочке было лет одиннадцать.

Я глядела на нее, задумавшись, а девочка, не ожидая вопросов, принялась рассказывать. Она рассказывала о том, как юные натуралисты работают на опытных участках Сельскохозяйственного института. С ними занимается профессор Дроздов — по всему, что говорят о нем, человек внимательный к детям, вдумчивый, бережно воспитывающий в своих юных друзьях понимание природы и любовь к мичуринской науке.

— Я прикреплена к ветвистой пшенице...— рассказывала Люля. Она немного смущалась, и на щеках ее все время то вспыхивал, то исчезал румянец, как будто ее попеременно озарял свет огонька.— На каждую девочку по два рядочка. Ну, пока пшеница была еще маленькой, мы все время делали измерения, как она растет. Прямо глаз с нее не спускали! А знаете, до чего она быстро растет? Еще недавно была всего три сантиметра, а сейчас выше меня! Ну, конечно, если за ней хорошо ухаживать, подкармливать... Воспитывать, одним словом. Пшенице тоже помогает правильное воспитание,— сказала она с достоинством, явно повторяя чьи-то слова, и покраснела.

...Прямо против ворот стоит памятник А. С. Пушкину. Великий поэт встречает, как хозяин, всех вас, входящих в город, носящий его имя.

Фото Д. Трахтенберга

Я молча слушала Люлю. Она рассказывала о том, что воспитанницы детского дома, отличницы Тоня Сергеева, Надя Кривоногова, Ира Логачева, Галя Петрова, Валя Громова, Люся Баринова, Рита Афанасьева, и вместе с ними заведующая учебной частью поехали в Гори. Девочки побывают во всех исторических местах, связанных с биографией товарища Сталина: и в Тбилиси, и в Баку, и в Батуми, и в Гори. Представьте себе ленинградских девочек-северянок, впервые увидевших южное море, розовый закат у Цихисдзири, пальмы набережной. Представьте их, стоящими у маленького домика в Гори — домика, где родился величайший человек мира...

— Тебе хочется поехать в Гори?

— Очень!—сказала Люля и вся вспыхнула.— Очень! Я обязательно туда поеду. Буду хорошо учиться, подрасту немножко и поеду!

И такая уверенность в несомненности будущего счастья была в голосе этой маленькой ленинградской сироты, что забыть эти слова, забыть выражение ее лица невозможно.

...Вечером, когда над городом Пушкином уже стояли густые синие сумерки, я снова проходила мимо детского дома. Белые ночи уже закончились, но вечер все же наступал не сразу, и долго плыл, не тая и не уходя, светлый, мягкий полумрак. Деревья в этом сумраке казались еще темнее, а дома — еще светлей. И всюду на улицах города, некогда больно и глубоко пораненного войной, можно было видеть, как подымаются, словно молодые всходы, новые здания. Велика тяга советского народа к созиданию, к творчеству, к мирному труду.

Воспитанники детского дома, по всей видимости, уже ложились спать. Из открытых окон доносились приглушенный говор, сдержанный смешок, сонная, вечерняя возня, напоминающая щебет воробьев в кустарнике перед закатом солнца.

Послышался тонкий, детский голосок. Он не то жаловался, не то вздыхал, не то вспоминал что-то, доверчиво, кротко и печально.

В ответ прозвучал голос женщины.

— Спи, маленькая...— сказала женщина.— Спи, звездочка! Ложись на бочок и спи... Утром проснешься,— все будет хорошо.

В этом голосе была и нежность материнства, и спокойствие, и великая целебная сила, словно сама мать-Родина говорила в тихий вечерний час с маленькой сиротой.

И девочка умолкла. Наступила тишина, из сада тянуло прохладой.

В новых домах в конце улицы горели огни. Шептались молодые, недавно посеженные тополи. В засыпанных землей воронках цвел и благоухал табак. Великая тишина мира опускалась на город.

Мирные люди, мы строим, а не разрушаем. Мы утешили сирот, осушили слезы матерей. Советский народ силен, он ничего не боится. Это миролюбивый народ, он не хочет войны. И он не просит, а требует мира.

Город Пушкин,
август 1950 года

Приморские совхозы

Фото Галины САНЬКО

Бодрые, здоровые, полные новых сил возвращаются советские люди с курортов Черноморского побережья Кавказа. Москвичи и ленинградцы, украинцы и сибиряки долго еще вспоминают лазурное небо Сочи, залитые солнцем пляжи Гагр, пряный вкус свежих фруктов, разнообразное меню санаториев.

Чтобы вкусно и питательно кормить десятки тысяч людей, требуется множество продуктов. Особенно велик спрос курортов на свежие овощи, молоко, яйца. Щедро, по-хозяйски решает эту задачу советское государство. По указанию правительства на землях Черноморского побережья созданы совхозы, вся продукция которых предназначена для отдыхающих.

За Хостой асфальтовая лента шоссе сбегает с гор в долину реки Кудепсты. Там, где еще недавно был заболоченный пустырь, раскинулся сверкающий белизной, словно весь пронизанный светом поселок.

Солнечные лучи проникают сквозь стеклянные крыши и стены теплиц. По трубам циркулирует вода из котельной. И в холодную погоду под крышами теплый воздух. Помидоры и огурцы вызревают зимой и ранней весной.

На стеллажах опытного участка тянутся вверх стебли винограда.

— Курортникам не обязательно стремиться на побережье к бархатному сезону, — говорит старший агроном Хостинского тепличного хозяйства Н. И. Евстратов. — Скоро мы будем давать санаториям свежий виноград и в начале лета.

За долиной Кудепсты горы все дальше отступают от морского берега. В междуречье Псоу и Мзымты широко простирается Имеретинская низменность, тут и там испещренная болотами, покрытая густыми зарослями граба, бука, ольхи. Дикая, неподатливая человеку земля эта осваивается для посевов.

В лесу стучат топоры, звенят пилы. Экскаваторы роют осушительные каналы. Мощные тракторы корчуют пни.

За два года существования Адлерского овощного совхоза посевная площадь его увеличилась в десять раз. С начала весны до конца осени не сходит с грядок зеленый конвейер: морковь, капуста, томаты, огурцы, самые разнообразные овощи.

Жаркий влажный климат побережья не мешает развитию высокопродуктивного молочного животноводства. Зоотехники Адлерского и Гагринского совхозов сумели акклиматизировать коров таких пород, которые никогда прежде не разводились на Кавказе. Красивые здания коровников похожи на просторные производственные корпуса.

Близ Хосты и Адлера, в Пицунде и Лазаревке,— всюду, где созданы совхозы Главкурортторга, вокруг них вырастают благоустроенные рабочие поселки.

На землях, отвоеванных у лесов и болот, расположились кварталы коттеджей. Мостятся улицы, разбиваются скверы. Для детей рабочих открыты школы, ясли, сады.

Молоко, зелень с грядок чередуются на столе курортников со свежими яйцами и птичьим мясом. На одной только гагринской птицефабрике разводятся десятки тысяч породистых кур и уток.

Это крупное механизированное предприятие, созданное одновременно с совхозами, даст в нынешнем году полтора миллиона яиц и 63 тысячи голов птицы.

Продукция субтропических совхозов делает стол курортников еще разнообразнее и обильнее.

Борьба за мир—долг каждого

Беседа с писателем Ильей ЭРЕНБУРГОМ

— Какова роль интеллигенции и в частности писателей в борьбе за мир?

— Во время войны не было писателя, который достоин этого имени, не принимавшего живого участия в борьбе против фашизма. Литераторы, державшиеся в стороне от этой борьбы, оказались бесплодными — желая сохранить себя, они себя погубили. Теперь борьба за мир — столь же общечеловеческое дело, как в недавние годы борьба против фашистских захватчиков.

Весной я обратился к писателям Запада с открытым письмом, призывая их подписать Стокгольмское обращение. Среди ответивших полусогласием, полуотказом хороший французский романист Андре Шамсон, несколько книг которого переведены на русский язык. Он, резко осуждая атомное оружие и подготовку новой войны, заверяет, что делу борьбы за мир готов посвятить свою жизнь, но вместе с тем, отстраняясь от движения сторонников мира, говорит, что активной борьбой он может «распылить свой моральный авторитет, как писателя». Я думаю, что он неправ. К движению сторонников мира примкнули многие крупные писатели, и мне кажется, что это только повысило их моральный авторитет.

Если взять немецкую литературу за последние полстолетия, то ее представляют два имени: Томас Манн и недавно скончавшийся брат его Генрих Манн. И вот Томас Манн, не задумываясь, подписал Стокгольмское обращение. Нужно ли напоминать о героической борьбе поэта, которого я считаю лучшим поэтом нашей эпохи, Пабло Неруды? В движении за мир приняли участие и писатели, борющиеся за близкие нам идеалы, как, например, французские поэты Луи Арагон и Поль Элюар или немецкая романистка Анна Зегерс или американец Говард Фаст и другие, далекие нам по их мировоззрению, как французский католик Мартен Шоффье или немецкий романист Арнольд Цвейг. Стокгольмское обращение подписал автор «Атлантиды» и других романов Пьер Бенуа. Лион Фейхтвангер, который, как известно, остался в Америке, и несмотря на это обстоятельство, все же счел своим долгом подписать это обращение.

Хочу напомнить, что в Америке присоединение писателя к движению сторонников мира связано для него теперь с известным риском и требует некоторого мужества. Я делю американских писателей на три категории. К первой категории я отношу смелых писателей, выступивших открыто против зачинщиков новой войны. Говард Фаст в тюрьме, и это достаточно хорошо показывает, что значит в Америке быть сторонником мира. Ко второй категории я отношу многих прекрасных американских писателей, обладающих достаточным талантом, но недостаточным мужеством. Я убежден, что они разделяют мысли и чувства сторонников мира, но до сих пор они отмалчиваются. Третья категория — это писатели, пошедшие с зачинщиками новой войны. К ним относится Эптон Синклер. Я не думаю, чтобы «моральный авторитет» этого писателя возрос от того, что он оказался в одном лагере с г. Трумэном.

Мы можем с гордостью отметить, что многие советские писатели принимают самое живое участие в борьбе за мир. Я полагаю, что это благотворно отразится на их литературной работе.

— Каковы, по Вашему, успехи и трудности движения за мир в различных странах?

— Говоря о писателях Америки, я уже указал на те внешние преграды, которые в ряде стран стоят перед движением сторонников мира. Есть и другие трудности. Ложь и клевета, распространяемые печатью, искажают характер движения сторонников мира, и миллионы людей в разных странах, ненавидя войну, еще не знают, как им бороться против угрозы войны.

Американская и американствующая печать изображают движение сторонников мира как движение одной партии, поддерживающей интересы одной страны. Хотя весь мир знает, что монополии атомного оружия не существует, мне приходилось в Англии, в Бельгии, и в других странах слышать утверждение, что атомная бомба «выгодна Америке и невыгодна русским» и что поэтому Стокгольмское обращение «одностороннее».

Между тем таким территориально небольшим странам с плотным населением, как Англия и Бельгия, атомная бомба угрожает в первую очередь, и патриотический долг каждого англичанина и бельгийца состоит в том, чтобы потребовать запрещения этого безумного оружия. Хочу отметить, что за последние месяцы к требованию о запрещении атомного оружия присоединились многие политические деятели буржуазного мира, например, бывшие премьеры Италии Нитти, Бономи и Орландо, бывший председатель бельгийского сената Анри Ролен, некоторые депутаты-лейбористы, французские радикалы.

Американская и американствующая печать за последние недели ожесточенно нападает на сторонников мира, говоря, что все их движение сводится якобы к требованию запрета атомного оружия.

Это очередная ложь и клевета. В Стокгольме, обратившись с документом, известным теперь всему миру, участники сессии заявили, что запрет атомного оружия разрядит напряжение и что этот запрет будет первым шагом к установлению подлинного мира. Каждый честный и не сбитый с толку человек понимает, что сторонники мира, выступая против атомного оружия, отнюдь не являются сторонниками ни других смертоносных изобретений Америки, как, например, бактериологической войны, ни того оружия, которое было уже в ходу в годы второй мировой войны, например, минометов, фугасок, танков. Сторонники мира требуют теперь прекратить изобретенную американцами «холодную войну» и начать переговоры для установления прочного мира.

Второй конгресс сторонников мира состоится в октябре или ноябре этого года, и он покажет, насколько выросло это движение по сравнению с Парижским конгрессом. Есть страны, как Франция и Италия, где движение за мир настолько сильно, что даже люди, связавшие свою судьбу с американской политикой, все чаще и чаще выдвигают идею нейтралитета этих стран. Они понимают, что французский и итальянский народы не пойдут в поход за интересы Америки.

Недавно я был в Англии. Там движение сторонников мира до последнего времени было слабым. События в Корее показали рядовому англичанину, что ждет его, если он не заставит свое правительство отказаться от безоговорочного послушания Вашингтону.

Несколько недель тому назад Америка потребовала у подвластных ей правительств западноевропейских стран новых мер для подготовки войны. В Англии, Франции, Дании, Норвегии объявлено о предстоящем понижении жизненного уровня в связи с ростом вооружений. Таким образом, вопрос о мире и войне перенесен с газетных столбцов на обеденный стол каждого рядового гражданина. Нет нужды говорить о том, что это также усилит движение сторонников мира. Наконец, то культурное одичание, которое неразрывно связано с пропагандой войны, заставляет колеблющихся деятелей культуры примкнуть к нашему движению. Я думаю, что только бесчестные люди присоединяются к подготовке войны или спокойно умывают руки.

Интересно поведение английского драматурга Пристли, отказавшегося подписать Стокгольмское обращение. Он абсолютно лишился душевного покоя, каждую неделю он теперь публично объясняет свою позицию, которую он явно не может объяснить даже самому себе. Хотя Пристли думает, что своими заявлениями он борется против движения сторонников мира, по-моему, он способствует этому движению, показывая своим читателям и слушателям, какова расплата за попытку уйти от ответственности.

— За последнее время Вы побывали в ряде западноевропейских стран. Вы знали эти страны до войны, изменилась ли теперь там жизнь?

— Жизнь настолько изменилась в этих странах, что у меня иногда бывало впечатление, что я попал в знакомую квартиру, где живут другие люди и живут по-другому. Конечно, города на месте, за исключением тех городов или кварталов, которые уничтожены войной. Нужно сказать, что отстраивают на Западе мало. Очевидно, правительства этих стран, несмотря на «американскую помощь», не располагают средствами на строительство. Да это и понятно: американцы дают деньги не на дома, а на бомбы и снаряды. Что касается частных предпринимателей, то они предпочитают покупать американские акции.

Во Франции до сих пор многие портовые города представляют собой нагромождение развалин. В западных секторах Берлина не построено ни одного доме. В Лондоне меня также поразило огромное количество временных барачных домов и неразобранные развалины в центре города. Люди живут короткой жизнью: боятся подумать о том, что будет завтра или послезавтра. Если почитать французские, или английские, или итальянские газеты, то не начнешь ни дом строить, ни строить планы на будущее.

Заработки во Франции по сравнению с довоенными возросли в десять раз, а цены — в двадцать раз. Значит, люди живут вдвое хуже. В Англии до сих пор существуют карточки на мясо, на сахар, на жиры, на яйца, чай, мыло. Во многих английских семьях, где я бывал, люди пили чай без сахара или подавали крохотные крупицы сахара, и чувствовалось, что это ценнейшая вещь. Хорошие английские шерстяные изделия можно увидеть скорее в Стокгольме или Цюрихе, чем в Лондоне.

План Маршалла перепутал все, этот «план» оказался самым бесплановым явлением из всех, которые я видел. Зачем-то привозят во Францию рыбу из Норвегии или Голландии, а французские рыбаки должны выкидывать сардины в море. Бельгию наводняют американским и немецким текстилем, и в Бельгии позакрывались текстильные фабрики. Швейцарцы жалуются, что не могут продавать свое сгущенное молоко потому, что соседние со Швейцарией страны должны довольствоваться американским молочным порошком. Можно было бы привести много таких примеров.

Люди значительно меньше читают, чем до войны, на это жалуются издатели. Вместо книг покупают маленькие журнальчики американского типа с не столь развлекательным, сколь оболванивающим чтивом. В театрах меньше публики, театры окончательно уступили место кино, где идут почти исключительно американские фильмы. Я не хочу этим сказать, что жители Западной Европы, стран с большими культурными традициями, одичали, но миллионы простых людей поглощены трудностями борьбы за кусок хлеба и серьезно обеспокоены призраком новой войны.

— Над чем Вы сейчас работаете?

— Если участие в движении за мир я считаю плодотворным для писателя, то это не означает, что непосредственно оно не поглощает много времени, отрывая автора от работы над книгой. Я все же надеюсь, что мне удастся написать продолжение «Бури». Это должна быть история послевоенных лет, жизнь рядовой интеллигенции в Советском Союзе, во Франции, в Германии, в Америке. Я вернусь к судьбам доктора Крылова, Наташи, Мадо, Лежана, Лансье и других героев «Бури».

На Тарасовой горе

Над безбрежными просторами, на высокой горе у берега привольного Днепра, высится памятник народному поэту Украины Тарасу Григорьевичу Шевченко.

Как умру — похороните
На Украйне милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу.

Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей...

Так завещал поэт, и народ выполнил его волю. Страстный патриот и революционер, Шевченко звал в своем «Завещании» к борьбе против векового рабства и угнетения.

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите
И горячей вражьей кровью
Волю окропите.

Всей душой любил поэт родную землю, ее благодатную природу, свой измученный в неволе, истерзанный и нищий народ. Великим сердцем он чуял, что солнце свободы воссияет над украинской землей.

Ныне со всех концов Советской страны едут люди в Канев, чтобы с благоговением подняться на гранитные ступени монумента, установленного в Каневе в 1939 году. Салютуют дорогой могиле пионеры, приносят цветы колхозники. У подножья памятника любимого поэта поет жизнерадостная молодежь о большом счастье народном.

Это счастье, что он видел
Видел издалека,
Разлилось по Украине,
Словно Днепр широкий...

так писал о Шевченко поэ
братского белорусского наро
да Янка Купала.

Прекрасен бронзовый мо
нумент, воздвигнутый Тарас
Шевченко его потомками. И
нет дороже и краше памя
ника бессмертному кобзари
чем свободная и счастливе
жизнь украинского народа.

На многие десятки километров видны отсюда Днепр и широкие украинские степи.

Здание музея. Здесь экскурсанты знакомятся с жизнью и деятельностью Тараса Шевченко.

Воля к победе

Ти Ри Сан — это цепь гор, тянущаяся через провинции Чолла и Кенсан. Земли провинции Чолла уже освобождены. В провинции Кенсан в эти дни Народная армия ведет ожесточенные бои с американскими интервентами

В горах Ти Ри Сан бесстрашно действуют отряды народных мстителей. Военный корреспондент пхеньянской газеты «Минджю чосон» сообщает, что когда под ударами Народной армии вражеские войска отступали по дорогам Южной Чоллы, они несли большие потери и вдали от линии фронта. Американские машины подрывались на американских минах, которые партизаны добыли в бою. По отступающим войскам интервентов партизаны днем и ночью ведут огонь.

В деревню Джюгжен вошел отряд лисынмановцев. Крестьяне немедленно известили об этом партизанское командование, и партизаны ворвались в село и переловили лисынмановцев. В присутствии всех жителей партизаны от имени народа судили вражеских солдат. Тех, кто был обманут, освобождали, тех, кто сознательно предавал народ, кто по указке американцев убивал женщин и детей, постигла заслуженная кара.

В другой деревне во время такого суда неожиданно появившаяся банда лисынмановцев окружила крестьян и партизан и предложила им сдаться. В ответ все юноши, девушки и женщины деревни попросили у командира партизанского отряда разрешение взять оружие пленных лисынмановцев и принять участие в бою. Так отряд народных мстителей сразу вырос втрое. Бросившись в контратаку, партизаны прорвались и ушли в горы...

Сейчас эти места освобождены Народной армией.

* * *

С чувством гордости пишут корейские газеты о быстром восстановлении нормальной жизни в освобожденных районах. Отчеты о собраниях крестьян Юга, посвященных земельной реформе, отражают теплую, взволнованную благодарность тружеников земли своему народному правительству. Повсюду энергично работают народные комитеты. «Они усердно служат народу»,— пишет газета.

В Чунчене под руководством народного комитета развернулись восстановительные работы. Текстильные фабрики, разрушенные варварскими бомбардировками американских воздушных пиратов, восстановлены и уже дают продукцию. В городе работают телефон, телеграф, электростанция. Несмотря на яростные бомбардировки, ведут поезда железнодорожники.

Машинист Пак Тя Дип не раз попадал со своим поездом под бомбежку и обстрел, но всегда доставлял груз фронту. В эти дни, сообщает газета, машинист-герой на повышенных скоростях водит поезда в два—три раза тяжелее, чем водил до войны.

Корреспондент газеты Пак Пен Рин описывает подвиги коллектива одного завода, который первым в Корее досрочно выполнил двухлетний план. Рабочие этого завода сейчас в двух сменах выпускают столько же продукции, сколько раньше в три смены.

* * *

Нельзя без возмущения читать статьи и заметки, которые публикует в эти дни газета «Минджю чосон» о зверствах американских интервентов, продолжающих убивать мирное население.

В одной из корреспонденций читаем: «Над Пхеньяном снова появились американские самолеты. Значит, сейчас снова посыплются бомбы. В окрестностях города стерты с лица земли многие деревни. Здесь нас встречают лишь молчаливые воронки. В этих мирных селах не было никаких военных объектов. Здесь были дети, старики, женщины. Их бомбили американские летчики.

Всюду человеческие тела, разорванные на части. Трудно это видеть. Но наш гнев сильнее горя!

Крестьянка Но Сук Тя случайно уцелела после зверской бомбардировки деревни. Она говорит: «Я покормила ребенка и уснула. Вдруг слышу взрыв. Я подняла голову и не увидела своего дома. Вижу: все погибло. Разрушены дома соседей — все наше село

Американцы уничтожают наш народ. Они разрушили мирную нашу деревню и мирный наш дом, убили милого моего сына и милую мою дочку.

Американские летчики — это звери!»

Делегация корейской молодежи была горячо встречена участниками недавно закончившегося второго конгресса Международного союза студентов. На трибуне конгресса — студент Сеульского университета Ким Бон Ун. Справа — лейтенант Народной армии Ким Пэ Хым показывает участникам конгресса американское оружие, захваченное в боях Народной армией

Плакат, опубликованный в пхеньянской газете «Минджю чосон»: «Все на фронт, — за родину!»

* * *

В одной из статей газета «Минджю чосон» пишет о том, что в ожесточенных наступательных боях, которые ведет Народная армия, снова отличился Герой Корейской народно-демократической республики Ким Хон Неп.

Враг, имевший на этом участке крупное численное превосходство, предпринимал одну за другой яростные контратаки. Ким Хон Неп и его боевые товарищи неизменно отбивали их. Когда командир взвода был ранен, Ким Хон Неп заменил его.

У солдат кончались боеприпасы. А вооруженный до зубов враг все лез и лез вперед в слепой ярости. Ким Хон Неп приказал приготовить гранаты. Вражеские солдаты уже готовились торжествовать победу, когда на них посыпались десятки гранат. Интервенты снова отступили.

Ким Хон Неп поднял бойцов взвода, они бросились преследовать врага. В этом бою взвод Ким Хон Непа взял в плен восемьдесят вражеских солдат и захватил трофеи — шестьдесят четыре новых американских автомата, двенадцать карабинов, один тяжелый пулемет и один легкий.

* * *

Журналист Ю Кен Бок пишет в газете о подвиге рабочего судостроительной верфи — Ким Сан Дона.

У одного из причалов корейского порта стояло судно с грузами для фронта. Американские самолеты бомбили и обстреливали порт. Корабль, стоявший у причала, загорелся.

Увидев это, рабочий верфи Ким Сан Дон бросился на палубу судна. Из трюма уже показались языки пламени. Не раздумывая, Ким Сан Дон бесстрашно прыгнул в трюм, помогая команде вытаскивать грузы. На нем обгорела одежда. Тело было обожжено, но рабочий-патриот продолжал выносить ящики на палубу.

В этот момент американцы сбросили на корабль еще три бомбы. Ким Сан Дон бросился к сирене корабля. Над портом раздался долгий, тревожный гудок. Рабочие верфи поспешили морякам на помощь. Пожар потушили, и ценные грузы и судно были спасены.

* * *

Каждый день пхеньянские газеты печатают письма крестьян, рабочих, служащих освобожденных районов, в которых они благодарят Народную армию и вождя корейского народа Ким Ир Сена за освобождение от ига империалистов. В этих письмах трудящиеся Кореи обещают все силы отдать борьбе за независимость, процветание и счастье Кореи.

Юноши в своих письмах на имя Верховного главнокомандующего Народной армии просят послать их на линию огня. В письме группы рабочих провинции Канвон говорится: «Освобожденные Народной армией, мы клянемся вместе со всем народом бороться с американскими интервентами—врагами нашей родины. Мы говорим доблестным народным воинам: мы идем с вами плечом к плечу. Каждый из нас готов немедленно отправиться на фронт, чтобы уничтожить американских интервентов и их подлых лисынмановских пособников и навсегда обеспечить свободу и независимость родной стране».

ШЕФЫ ЛЕСНЫХ ПОЛОС

Под вечер в высоком августовском небе над раскаленными волжскими курганами показалась тяжелая туча. Потом другая, третья... Стало темно. По зеленым строчкам лесонасаждений, налетая на крохотные всходы дуба, пригибая к земле юные ростки ясеня и акации, пробежал предгрозовой ветер. Неожиданно все вокруг озарилось светом вспыхнувшей молнии. Раздался оглушительный гром. Хлынул ливень...

Но гроза скоро утихла, и зарядил мелкий, обложной дождь. Всю ночь крохотные деревца стояли понуро, опустив сморщенные листочки. А утром, когда над левым берегом Волги поднялось солнце, ясени и акации повеселели: они стали как будто выше, расправили ветви и засверкали крупными каплями росы на освеженных, разгладившихся листьях.

На Камышинскую лесозащитную станцию позвонили из Сталинградского обкома комсомола:

— Поздравляем с дождем. Растут?

— Спасибо. Растут. Не забывайте о сорняках.

— Не забываем. Завтра и вам выедет подмога...

После дождя трава пошла обильная. Она плотно обступила нежную поросль деревьев. Если сорняки не выполоть, дубки, ясени и акации могут оказаться в опасности. И вот к Дубовке и Камышину мчатся грузовики с «подмогой». Сталинградские комсомольцы, шефы государственной лесозащитной полосы Камышин — Сталинград, выехали на борьбу с сорняками.

Молодые сталинградцы по-хозяйски заботятся о подшефной лесозащитной трассе. Недавно произошел такой случай. Комсомольцы Иванов и Рощин шли вдоль рядов дуба, выдергивая траву руками. Невдалеке они заметили бездействующий культиватор.

— Почему он стоит? — спросил Рощин у одного из работников лесозащитной станции.

— Поломался. Сейчас его потащат в мастерскую.

— А что с ним случилось?

— Так, пустяки...

— Эх, товарищ!.. — укоризненно сказал Рощин. — Ведь Иванов — токарь, а я слесарь. Давайте инструмент...

Через час культиватор пошел в дело. Острыми ножами он взрыхлил корку земли и срезал корни трав.

Сотни юношей и девушек по призыву обкома, горкома и райкомов комсомола заняты в эти дни на лесозащитной полосе Камышин — Сталинград, названной «трассой юности». Каждый трудится на своем участке, любовно ухаживая за деревьями, которые он лично посадил весной нынешнего года. И маленькие, едва заметные дубочки, тоненькие, нежные ясеньки и акации жадно тянутся к солнцу.

Молодежь Сталинграда славно поработала в дни закладки лесозащитной полосы. Весной более 3 тысяч юношей и девушек предприятий, строек и учреждений города произвели на трассе посев и посадку леса на площади 3151 гектар. Это составляет 67 процентов всего объема посадочных работ на полосе Камышин — Сталинград.

Сейчас в разгаре не менее ответственное дело — уход за ростками деревьев. Взрыхляя землю, выпалывая травы, молодые лесоводы стараются сохранить все принявшиеся деревья. До конца лета им предстоит проделать пять — шесть прополок.

Одновременно идет подготовка к осенним посадкам леса. Отряды комсомольцев, пионеров, школьников вышли на сбор семян древесных и кустарниковых культур, которые осенью будут заложены в почву.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

Шахты мира

Знатный врубмашинист Петр Маркович Мельник.

К вечеру в Донбассе оживает каждый шахтерский поселок. Нарядно одетые девушки собираются у цветущих палисадников. Юные пионеры выбегают на улицу. Девушки и дети несут цветы. Много цветов. Их выращивали заботливые матери и сестры в садиках коттеджей, где живут шахтеры.

— Куда вы, девушки?

— Встречать победителей...

...Шахтный двор напоминает шумный перрон вокзала, где ожидают близких людей. Затем наступает торжественная тишина. Все взоры обращены к шахтному зданию, куда подымается клеть. Дверь с грохотом отворяется, и выходят шахтеры. Черные, искрапчатые, они щурят глаза на ярком солнце. Девушки и пионеры спешат к ним с букетами. Мастера оглядываются кругом. На всех транспарантах и плакатах большими буквами написано слово «мир».

Вот шагает по шахтному двору врубмашинист комсомолец Петр Мельник. Под словом «мир» на красной доске обозначены последние показатели Петра Мельника. Вступив в июле на стахановскую вахту мира, он обязался дать 9800 тонн угля, а дал 15 тысяч тонн!

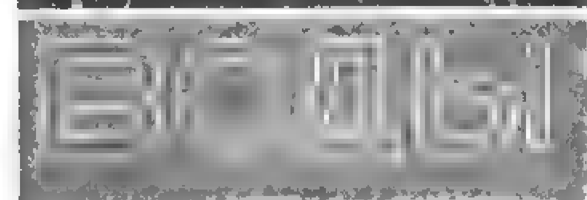
Шахту имени Орджоникидзе треста «Макеевуголь» комбината «Сталинуголь» называют шахтой мира. Шестой участок, где трудится Петр Мельник, еще в марте перешел на работу по графику цикличности. И этот график выполняют тут из месяца в месяц.

Горняки Украины борются за мир тысячами тонн сверхпланового угля и руды. И каждый вечер победителей при выходе из шахты встречают дети, матери, жены.

К. ВАСИЛЬЕВ

Печальна, безрадостна заволжская степь в конце лета. Коричневатая, голая земля, однообразно расцвеченная редкими кустиками серебристой полыни, простирается всюду, куда хватает глаз, сливаясь на горизонте с белесым небосводом. Прокаленная солнцем, обожженная горячими суховеями, степная почва нищенски бедна влагой. Сколько бедствий и страданий искони приносили народу частые, периодически повторяющиеся здесь засухи! Не этим ли суровым местам, относимым наукой о климате к «зоне недостаточного увлажнения», человечество обязано происхождением древнего мифа о «живой воде»?

Вековечная мечта о чудодейственной влаге, способной преобразить засушливую степь и навсегда избавить тружеников земли от недородов и голода, становится в наши дни реальностью. Ирригация Заволжья — неотъемлемая часть великого сталинского плана преобразования природы. Во многих совхозах и колхозах на общей площади в десятки тысяч гектаров созданы участки искусственного орошения. Из рек, перегороженных плотинами, из прудов, вырытых в степи, вода по системе каналов подается на поля, питая посевы.

Как сократить путь воды к растению, как с наибольшим эффектом использовать животворную силу влаги, как, наконец, облегчить и упростить труд человека на ирригационном строительстве и обработке земли? Не один год советские агрономы и ирригаторы ищут ответов на эти вопросы. Настойчивые поиски их ныне обобщены в постановлении Совета Министров СССР, опубликованном 18 августа 1950 года, «О переходе на новую систему орошения в целях более полного использования орошаемых земель и улучшения механизации сельскохозяйственных работ».

В Заволжье, на учебных полях Саратовского сельскохозяйственного института новую систему орошения можно наблюдать в действии.

Золотистое жнивье пшеничных полей, сочная зелень люцерны резко выделяются на фоне серовато-коричневой, выжженной солнцем степи. Словно островок в море или оазис в пустыне! Посевы тянутся по ровному плато над крутым обрывом. Внизу, в зарослях камыша, узкой полоской извивается крохотная речушка Саратовка. Сейчас, в конце лета, в ней и курица хвоста не замочит. Но весной, в паводок, Волга заливает всю прилегающую пойму, образуя на лугах одно огромное озеро.

По крутому склону берега проложен рельсовый путь. По нему, подобно вагону фуникулера, движется на колесах платформа насосной станции. С помощью лебедки ее можно поднимать и опускать в пределах тридцати метров, в зависимости от уровня реки.

Наверху, на трансформаторной подстанции, включают ток, и на платформе начинают работать насосы. Речная вода устремляется по трубам к магистральному каналу, идущему вдоль поля. Сначала кажется непонятным, как же вода достигнет посевов: ведь поле занимает сотню с лишним гектаров, а канал проложен только по его обочине. Но всмотримся внимательней, проследим путь воды, быстро текущей в отлогих, заросших травой берегах. Тут и там, на равном расстоянии друг от друга, по берегам канала сделаны деревянные затворы. От них к полям тянутся узкие канавки, почти не заметные на первый взгляд. Это и есть временные оросители. Вот затворы подняты, и от магистрального канала ответвляются потоки. Вода струится по временным оросителям. Отсюда она отходит в стороны, по выводным бороздам. От борозд идут поливные полосы, подводящие влагу непосредственно к корням растений.

Вода устремляется все дальше в глубь поля. Если взглянуть сверху на зеленый массив овса, весь он окажется прочерчен узенькими, сверкающими на солнце, водяными дорожками.

Рядом с овсом, выращиваемым на зеленый корм скоту, расположены участки уже скошенной комбайном пшеницы. И здесь углубления оросителей и борозд почти не выделяются на жнивье: они так же густо закрыты стерней, как и все поле.

— Вот вам наглядное преимущество новой системы орошения, — говорит профессор Сергей Андреевич Делиникайтис. — Если бы здесь вместо временных оросителей были проложены постоянные каналы, то сколько полезной площади отняли бы они у посевов, как густо расплодились бы на берегах сорные травы! Да и сами участки были бы крохотными — комбайнам на них не развернуться.

Профессор С. А. Делиникайтис — пионер новой системы орошения в Заволжье. Уже около сорока лет работает он на засушливых землях Саратовской области. Руководя кафедрой в сельскохозяйственном институте, Сергей Андреевич совмещает преподавательскую и исследовательскую работу с практическими опытами на полях. Орошаемый участок на берегу речки Саратовки создан в послевоенные годы по его инициативе силами дружного коллектива научных сотрудников и студентов.

Сейчас, когда убирается урожай колосовых, заведующий участком, студент четвертого курса Василий Крупнов, с гордостью демонстрирует свои достижения — пыш-

Профессор С. А. Делиникайтис с образцами пшеницы и овса, выращенными на поливном участке.

ные, почти в рост человека, снопы пшеницы. Сорта «Мелянопус-069» и «Эритроспермум-82/02», выращенные на поливных землях, дали в среднем по 22 центнера с гектара, а на отдельных площадях, убранных комбайном,— до 44 центнеров. Под солнцем желтеют еще не сжатые тучные колосья особо ценных высокоурожайных сортов. Ветвистая пшеница из Грузии, «Бис-Басбидай» из Средней Азии впервые посеяны на засушливой почве Заволжья. «Гости с юга» — влаголюбивые растения, без искусственного орошения они вообще не могли бы ужиться здесь. А благодаря поливам урожай их составит не менее 60 центнеров с гектара.

Вслед за уборкой на полях опытного участка начинается вспашка под зябь. Мощные гусеничные тракторы перепахивают, заравнивают углубления временных оросителей и выводных борозд. Когда же будущей весной в почву лягут семена, вся система орошения без большого труда будет восстановлена в несколько дней. Канавокопатель — массивный стальной агрегат, похожий на очень большой окучник,— легко врезаясь в землю, оставляет за собой готовые временные оросители. Другая машина — чугунный каток — пройдет вслед за канавокопателем, тщательно обминая русло. Третья — тракторный бороздодел — проложит на пашне поливные борозды. И снова заработают насосы, снова из речки по трубам и каналу на поля устремится вода.

Канавокопатель и каток, применяемые в системе временных оросителей, построены на заводах Саратова по проектам профессора С. А. Делиникайтиса. По его же замыслу осуществлена и конструкция фуникулерной насосной станции.

— Напрасно, однако, думать, что методы, совершенствуемые нами здесь, не были испытаны в колхозной практике,— говорит Сергей Андреевич. И поясняет: — По справедливости, честь применения первых временных оросителей принадлежит именно колхозникам.

В 1936 году в колхозе «Путь к коммуне», Пугачевского района, Саратовской области, строительство постоянных каналов требовало огромного количества рабочих рук и длительного времени. Тогда-то у колхозников возникла мысль устроить на полях временные оросители. Сказано — сделано. В деревенской кузнице в три дня под руководством Сергея Андреевича смастерили деревянный канавокопатель, прицепили его к трактору. И вместо того, чтобы тратить месяцы на строительство постоянных каналов, сеть временных оросителей проложили на площади в 55 гектаров за 6 часов 20 минут.

Профессор Делиникайтис не успокоился на этом. Он задался затем целью применить временные оросители на еще более обширных площадях. В 1939 году в колхозе имени Чапаева, Ивантеевского района, временная сеть была проложена по посевному просу на площади в 153 гектара в течение всего только 8 часов 11 минут. 19 мая этот большой массив был еще не орошаем, а 21 мая по всем оросителям на поле пустили воду. Годом позже временные оросители в колхозе имени Чапаева были сооружены на площади в 350 гектаров.

— Что же помешало дальнейшему распространению начинания заволжских ирригаторов?

— Обычно ссылаются на войну,— отвечает Сергей Андреевич и отрицательно покачивает головой.— Нет, дело тут не в трудностях, вызванных войной: они давно изжиты социалистическим сельским хозяйством. Дело в ведомственном консерватизме многих земельных органов.

Профессор приводит немало примеров явного противодействия, которое он встречал за минувшие годы. Теперь, к счастью, все это в прошлом. Инициатива, идущая снизу, сломала бюрократические рогатки. Начинания ирригаторов Заволжья, опыт Хакасской автономной области ныне, после решения Совета Министров СССР, становятся достоянием всего советского крестьянства.

Борьба за «живую воду», преобразующую засушливые земли, становится массовым, всенародным движением.

С. МОРОЗОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фуникулерная насосная станция на берегу речки Саратовки

Фото Е. Соколова

Памятник писателю В. Я. Шишкову, установленный на его родине, в городе Бежецке, Калининской области

Юбилей заводских ветеранов

Слева направо А. П. Рогожин, И. Ф. Мазюк, В. Г. Шумов, С. И. Струтинский, М. А. Пиорко.

Фото Н. Калина

Этих пятерых стариков знает, пожалуй, весь Киев. В первых рядах праздничных демонстраций они несут знамя, пробитое пулями. То самое знамя, которое развевалось на баррикадах в октябре 1917 года, когда рабочие киевского «Арсенала» выступили за власть Советов.

Недавно общественность столицы Украины отметила юбилей участников исторического восстания, ветеранов труда: Сергея Иосифовича Струтинского, Михаила Андреевича Пиорко, Василия Георгиевича Шумова, Ивана Филипповича Мазюка и Александра Петровича Рогожина. Полвека своей жизни каждый из них отдал честному труду на родном заводе.

После торжественного собрания «именинников» усадили за большой праздничный стол. Их окружили родные, друзья по работе.

Младшему из ветеранов — Михаилу Андреевичу Пиорко — 65 лет, старшему — Ивану Филипповичу Мазюку — 80, но никто из них не покинул производства. Мазюк — контролер отдела технического снабжения. Пиорко — кузнец, награжден орденом Ленина, за послевоенную пятилетку выполнил десять годовых норм. Двадцать лет бессменно возглавляет электроцех завода А. П. Рогожин.

...Встал из-за стола Михаил Андреевич Пиорко, и в зале воцаряется тишина. Он поднимает бокал и говорит:

— Дорогие друзья! Спасибо, что не забыли нас, стариков. Сегодня один из самых радостных дней моей жизни. Как ни стар я, но думаю еще пожить при коммунизме. Только и в счастливый час тревожит мое сердце печаль. Не вижу я на этом празднике своих орлов-сыновей. Владимир погиб смертью храбрых на фронте, а Василия повесили фашисты на Крещатике. Так вот, не хочу я, чтоб и впредь погибали наши сыновья и дочери, братья и сестры. Проклятье людоедам, поджигателям войны! Я поднимаю тост за мир во всем мире.

До поздней ночи приносили телеграммы: ветеранов поздравляли разъехавшиеся по всей стране их друзья и ученики.

М. СЕМЕНОВ

Колхозная лаборатория артели имени Ленина Ессентукского района, Ставропольского края. Здесь готовят экспонаты для районной сельскохозяйственной выставки.

Фото Г. Зельма

Копилка народного опыта

Суточная норма выработки тракторной молотилки «МК-1100» — 24 тонны, а машинист Березнянской МТС, Черниговской области, И. Бредюк довел ее до 141 тонны. Его опытом заинтересовались не только на Украине. Знатного машиниста пригласили на совещание механизаторов столичной области.

Передовики сельского хозяйства Подмосковья с интересом выслушали также рассказы об опыте украинского тракториста тов. А. Гиталова, мировой рекордсменки по урожайности льна житомирской звеньевой Н. Заглады, черниговской звеньевой А. Макарец, получающей с одной площади одновременно урожай двух культур — кукурузы и тыквы. В украинские колхозы выезжала группа колхозников, агрономов, партийных и советских работников.

Москвичи собирают богатейший народный опыт на Украине; туляки, сибиряки, ярославцы, уральцы в свою очередь знакомятся с достижениями новаторов Московской области и других районов страны. Каждый колхоз, стремящийся быстрее двигаться вперед, внимательно следит за успехами других артелей.

Пропаганда и внедрение в производство достижений науки и передового опыта — дело большой государственной важности. Как подчеркивается в Постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве», это — одно из главных условий повышения культуры земледелия, развития всех отраслей сельского хозяйства.

Недавно в Министерстве сельского хозяйства СССР создано Главное управление сельскохозяйственной пропаганды. Такие же управления созданы в союзных республиках, а также при областных и краевых управлениях сельского хозяйства. В районах организуются группы пропаганды.

На новое управление Министерства сельского хозяйства возложены большие задачи. Оно будет обобщать опыт передовиков, разрабатывать предложения по обязательному внедрению в колхозах, совхозах и МТС научных открытий, а также достижений новаторов.

Подготовка колхозных кадров, лекции в колхозах, учебные и научно-популярные фильмы, районные, областные и краевые сельскохозяйственные выставки, издание массовыми тиражами брошюр, книг, плакатов, освещающих достижения агрономической науки и передовой практики, — все это должно быть организовано в широких масштабах, по-государственному.

С 1 октября начинается подготовка массовых колхозных кадров на трехлетних агро-зоотехнических курсах без отрыва от производства. Колхозникам, успешно освоившим программу курсов, будет присваиваться звание мастера сельского хозяйства 1-го и 2-го разрядов и выдаваться аттестат с указанием полученной специальности.

Мастера сельского хозяйства получат серию книг «Агрономия на дому». Подготавливается к печати «Библиотека колхозника», которая в доступной форме даст представление о современной сельскохозяйственной науке в ее тесной связи с практикой и опытом новаторов.

Сейчас многие передовые колхозы вместо хат-лабораторий создают дома сельскохозяйственной культуры, в которых сосредоточивают пропаганду достижений науки и опыта передовиков, а также массовую агро-зоотехническую учебу колхозников.

Создание управлений сельскохозяйственной пропаганды поможет тому, чтобы копилка драгоценного народного опыта не только постоянно пополнялась, но и широко использовалась всеми колхозами, совхозами и МТС.

В. ФЕДОРОВ

КОДЖОРИ

Дорога круто идет вверх мимо синих, бархатных гор. Селение Коджори находится всего в получасе езды от Тбилиси, на высоте около 1500 метров над уровнем моря. Оно окружено изумрудной листвой густых лесов. Сюда, на живописные просторы, летят ветры, срываясь с далеких вершин Кавказского хребта и Арарата. Они-то и создают необыкновенную свежесть и чистоту коджорского воздуха.

Излюбленное место царской охоты и отдыха тифлисских богачей, летняя резиденция наместника русского царя в Грузии — таков был Коджори в дореволюционную пору. Сейчас он стал одним из чудеснейших детских курортов. Здесь созданы санатории и здравницы, в которых все подчинено одной цели — охране здоровья детей.

...Звонкая пионерская песня летит над просторами Коджори. Пять подружек, пять воспитанниц детского дома — грузинка Валя Цецешвили, азербайджанка Тамара Рзаева, армянка Лена Манукян, гречанка Фиала Иоаннади и украинка Рая Чумаченко — в такт песни шагают по дороге. Их загорелые лица дышат здоровьем. В руках огромные букеты полевых цветов. Они возвращаются с прогулки. Навстречу им важно шагают неуклюжие круглолицые малыши. Это самые маленькие жители коджорских здравниц — всеобщие любимцы, питомцы детского дома для дошкольников.

Здесь расположены десять детских домов Грузии. 1250 ребят круглый год живут на одном из лучших курортов страны. Дети находятся под постоянным и заботливым надзором педагогов и врачей.

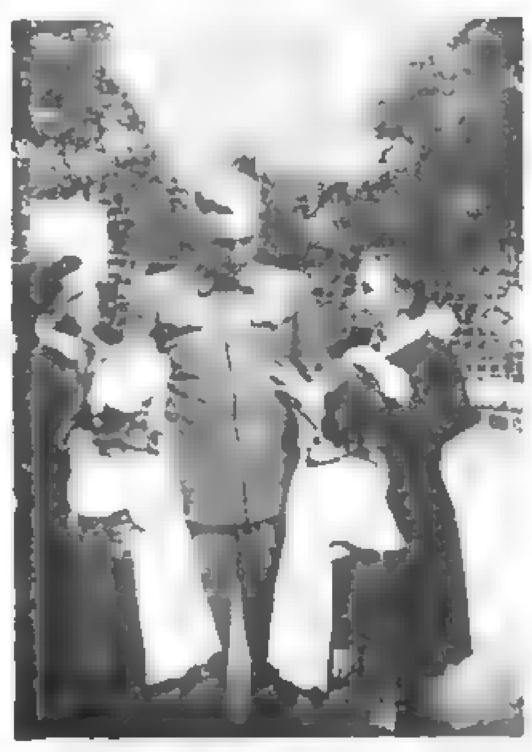
Летом увлекательные прогулки по окрестностям Коджори, путешествия в горы, уход за растениями — большинство молодых плодовых садов выращено руками ребят. А зимой все дети школьного возраста учатся. В Коджори открыта большая школа, где обучение ведется на грузинском и русском языках.

К услугам маленьких обитателей курорта хороший клуб с большой библиотекой и читальней, с комнатами для кружковых занятий и просторным зрительным залом. Когда раздвигается красный шелковый занавес и на сцену выходят юные певцы, танцоры и музыканты, по клубу разносятся звуки чонгури и кяманчи, звонкие удары бубна. Восьмиклассница Дарико Зетгенидзе выразительно читает стихи Н. Бараташвили:

> Люблю этих мест живописный простор
> Найдется ли что-нибудь в мире волшебней,
> Чем луг под луною, когда из-за гребня
> Повеет прохладою ветер с Коджор?

И вслед за чтецом хор запевает песню о счастливом детстве советских ребят.

Е. КРЕЧЕТОВА

Директор детского дома В. Сикарулидзе со своими воспитанницами.

НЕВСКИЙ В ЛЕСАХ

Невскому проспекту скоро минет два с половиной века. Но он вечно молод и продолжает хорошеть день ото дня. Его строили и украшали замечательные русские мастера. Кто не знает воронихинского Казанского собора, мостов, перекинутых через каналы, Гостиного двора и бывшей Думы! Невский воспели русские поэты и писатели.

С Невским связаны многие знаменательные страницы в истории не только города, но и страны. Через Невский шли красногвардейцы в октябре 1917 года на штурм Зимнего... Сюда собрались ликующие ленинградцы, чтобы в дни великой Победы встретить сталинскую гвардию, возвратившуюся с фронта...

Ленинградцы любят свою главную улицу, берегут ее, украшают. В этом году весь проспект преображается: меняют крыши, реставрируют лепку, красят фасады. В лесах Дворец пионеров, Дом искусств.

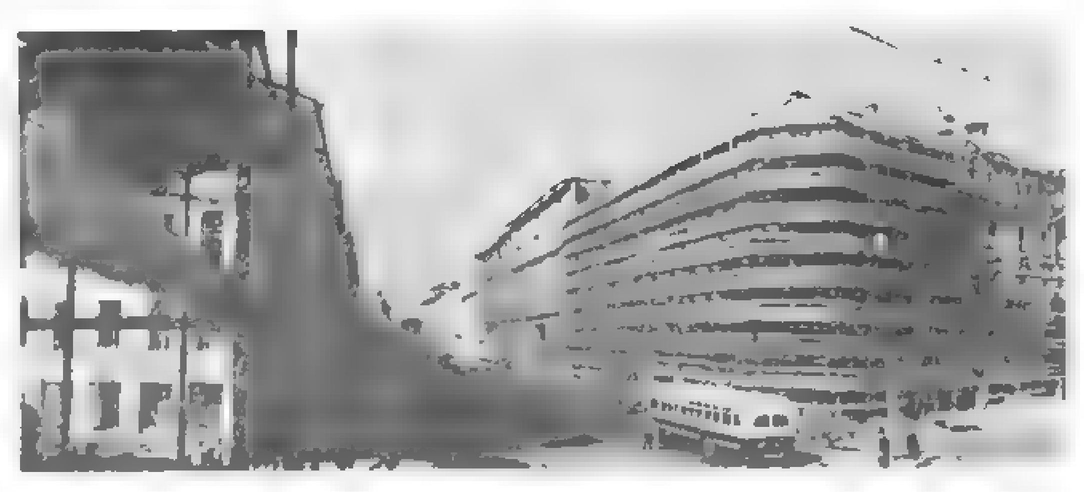
Многие районы города прислали сюда свои строительные бригады: о том, чтобы Невский стал еще более прекрасным, заботятся все ленинградцы. Правительство отпустило большие средства на реконструкцию центральной магистрали города: за лето будет израсходовано около семи миллионов рублей.

...Мы идем по Невскому — от Адмиралтейства к Московскому вокзалу. На лесах алые полотнища и вывески: «Вахта мира», «Здесь работает бригада знатных кровельщиков, братьев Преображенских», «Досрочно закончим ремонт фасада!», «Здесь работает бригада отличного качества штукатуров товарища Егорова»... Некоторые здания уже освободились от лесов, и в солнечный день особенно привлекательны свежеокрашенные фасады с их колоннами и реставрированными архитектурными деталями.

Крышу дома на углу Литейного проспекта ремонтирует старый кровельщик Н. А. Наумов, работающий по строительному делу около 30 лет.

— Я думаю, что теперь, — говорит он, — когда весь Невский заблестит новыми красками, ленинградцы еще больше полюбят свой главный проспект.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Невский проспект в эти дни

Фото Д. Трахтенберга

«Заговор обреченных» Н. Вирты в Ярославском государственном драматическом театре имени Ф. Г. Волкова. Финальная сцена. Справа — народная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии А. Д. Чудинова в роли Ганны Лихта.

Фото В. Мастюкова (ТАСС)

Ярославский театр в Москве

— Волкову, Волкову всем мы обязаны! Он, незабвенный Федор Григорьевич, здесь, в Ярославле, сто лет тому назад впервые привил к нашей жизни новое искусство!

Прошло еще сто лет, и эти слова, произнесенные гениальным русским актером Михаилом Семеновичем Щепкиным о Волкове, основателе театра на Руси, повторяются нашими современниками.

Имя Федора Волкова с честью носит театр, работающий в Ярославле — там, где в 1750 году первый русский актер поставил свой первый спектакль. Недавно торжественно был отмечен двухсотлетний юбилей Ярославского театра. Многие его артисты, режиссеры, работники сцены были удостоены правительственных наград, многим были присвоены почетные звания.

На протяжении августа театр-юбиляр гастролировал в Москве. За это время он показал лучшие свои постановки последних лет: «Доходное место» А. Островского, «Васса Железнова» и «Егор Булычев» М. Горького, «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Настя Колосова» В. Овечкина и другие.

Успех гастрольных спектаклей показал, что театр последовательно развивает лучшие традиции русского сценического искусства, берущие начало в творчестве его зачинателя Ф. Г. Волкова. Представления волковцев привлекали много зрителей.

Одна из ведущих актрис Ярославского театра, народная артистка РСФСР А. Д. Чудинова, в беседе с корреспондентом «Огонька» сказала:

— Московские артисты всегда были желанными гостями в Ярославле. В летописях нашего театра значатся выступления Щепкина, Ермоловой, Ленского, Федотовой, Садовских, Яблочкиной, Турчаниновой, Остужева, Станиславского, Москвина, Качалова и многих других корифеев столичной сцены. Эти встречи укрепляли давнюю дружбу двух старинных центров отечественной сценической культуры — Ярославля и Мо[illegible]

Уже второй раз наш театр гастролирует в столице. И на этот раз мы покидаем Москву, полные благодарности. Встречи с рабочими московских заводов, с интеллигенцией столицы принесли нам много живых и свежих творческих впечатлений. Весь наш коллектив полон желания достойно ответить на правительственные награды, на одобрение московских зрителей новыми достижениями.

Дружба со зрителем

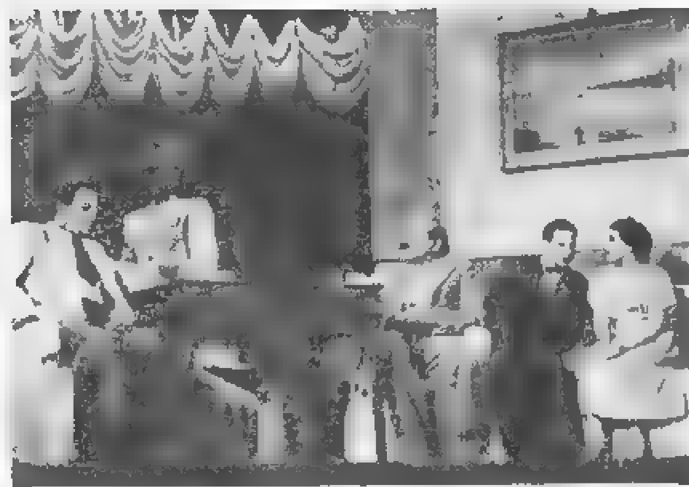
«Я воевала коммунисткой, буду жить и умру тоже коммунисткой», — с гордостью отвечает американскому офицеру русская девушка Таня Егорова. В зрительном зале гремят аплодисменты...

Постановкой пьесы Вадима Собко «За вторым фронтом» начал свои гастроли в Свердловске Нижне-Тагильский государственный драматический театр.

С первого же спектакля между артистами и зрителями установилась тесная дружба. Свердловский зритель увидел, что молодой коллектив много и плодотворно работает над созданием глубоко патриотических современных произведений. Советская пьеса заняла в репертуаре этого театра ведущее место.

Театр нижнетагильцев возник четыре года назад и уже осуществил сорок семь постановок. В их числе «Два лагеря» А. Якобсона, «Дорога первых» уральского драматурга А. Салынского, «Роковое наследство» Л. Шейнина и другие. В Свердловске состоялась премьера пьесы Н. Базилевского «Закон Ликурга» по роману Т. Драйзера «Американская трагедия».

Из русской классики театр показывает на гастролях «Не все коту масленица» А. Островского, инсценировки «Дворянского гнезда» и «Анны Карениной».

Сцена из спектакля «Роковое наследство» Л. Шейнина в постановке Нижне-Тагильского драматического театра

Фото А. Гостева

Спектакль «За вторым фронтом», — пожалуй, лучшая работа театра. Под руководством постановщика, главного режиссера И. Саламатина, творческий коллектив создал яркий, идейно насыщенный спектакль. В нем есть ряд надолго запоминающихся актерских удач — светлый и чистый облик Тани Егоровой (Т. Степанова), американский делец Сэм Гибсон (Г. Постников), Джен Кросби (И. Новикова) и другие.

В Свердловске тагильцы играют в здании Театра музыкальной комедии. У себя же в Нижнем Тагиле они не имеют пока постоянного помещения и поэтому стали передвижным театром рабочего зрителя: выступают в клубе железнодорожников, на Уралвагонзаводе, Тагилстрое и т. д. Встречи с рабочими, обсуждение с ними спектаклей — благоприятная среда, в которой испытывается и крепнет мастерство артистов.

Сейчас в центре Нижнего Тагила начато строительство театрального здания. Театр будет играть в своем новом помещении с 7 ноября 1951 года.

Е. ХМЕЛЬНОВ

Свердловск.

Замечания по поводу...

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Новый французский министр обороны «социалист» Жюль Мок организует для борьбы против «внутреннего врага» охранные части по образцу эсэсовских частей Гиммлера.

(Из газет.)

Когда бы Гиммлер видеть мог,
Сколь преуспел в своей «охранке»
Фашистский выученик Мок,
Он объявил бы Моку: «Данке!»[1].

Эмиль КРОТКИЙ

[1] «Данке» — по-немецки «спасибо».

ПАРАД СИМВОЛИЧЕСКИХ ВОЙСК

...Фактически американские действия в Корее поддерживает только Англия, в то время как США лишь пытаются заставить другие страны послать войска в Корею.

Некоторые другие страны, вероятно, пошлют в Корею лишь «символические войска», численностью в несколько сот человек для участия в этой бесчестной войне.

(Из газет.)

Рисунок Вал. Медведева

ДОБРОВОЛЬЦЫ СО СТАЖЕМ

Газета «Паэзе сера» сообщает, что американская агентура в Риме ведет среди реакционных и преступных эмигрантских элементов вербовку в состав так называемого корпуса добровольцев для отправки в Корею. «Добровольцам» предлагается 150 тысяч лир «премии», жалованье в сумме 10 тысяч лир в день с момента записи в «корпус добровольцев», а также американский паспорт.

С записавшихся берут дополнительную подписку в том, что они «готовы сражаться на стороне американцев».

— Хотите служить в «корпусе добровольцев»?

— Конечно, сэр. Мы уже убивали с целью ограбления и всегда делали это добровольно.

Рисунок Е. Гурова

ЧЕМПИОНЫ ЕВРОПЫ

Н. Смирницкая.

В. Богданова.

Л. Щербаков.

А. Андреева.

Н. Думбадзе.

СОВЕТСКИМ СПОРТСМЕНАМ ВРУЧЕНО ДЕВЯТЬ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ

С 23 по 27 августа в Брюсселе проводились крупнейшие международные спортивные соревнования на первенство Европы по легкой атлетике. В них участвовало около тысячи сильнейших легкоатлетов 22 европейских стран. С успехом выступили в соревнованиях спортсмены Советского Союза.

Девять советских легкоатлетов завоевали звания чемпионов Европы и награждены золотыми медалями. Кроме того представителям советского спорта вручено 15 серебряных и 15 бронзовых медалей.

Чемпионкой Европы в толкании ядра стала москвичка Анна Андреева. Она толкнула ядро на 14 м 32 см. На втором месте оказалась советская спортсменка Клавдия Точенова, на третьем — Остермайер (Франция).

Ленинградка Наталия Смирницкая — чемпионка Европы в метании копья. 47 м 60 см — таков бросок советской метательницы. Второе место заняла Баума (Австрия).

Звание чемпиона Европы в тройном прыжке завоевал Леонид Щербаков. Его лучший прыжок — 15 м 39 см. Никто из спортсменов других стран не смог прыгнуть дальше 15 метров.

Чемпионкой Европы в прыжках в длину с разбега стала молодая советская спортсменка Валентина Богданова. Она прыгнула на 5 м 82 см, значительно превысив результаты голландки Луст, занявшей второе место.

Во второй раз завоевала звание чемпионки Европы известная советская дискоболка Нина Думбадзе. Брошенный ею диск пролетел 48 м 3 см. Второе место заняла советская метательница Р. Шумская, на третьем оказалась итальянка Жантили.

Советские бегуны Н. Каракулов, Л. Санадзе, В. Сухарев и Л. Каляев завоевали звание чемпионов Европы в эстафетном беге 4×100. Они пронесли эстафету за 41,5 секунды. На втором месте — бегуны Франции.

В ходе соревнований советские легкоатлеты установили три новых всесоюзных рекорда: Е. Сеченова — в беге на 200 метров (24,8 секунды), Ю. Литуев — в барьерном беге на 400 метров (52,4 секунды) и команда в составе С. Комарова, Х. Поттера, Г. Модой и П. Кияненко в эстафете 4×400 (3 минуты 15,4 секунды).

Советская команда набрала в соревнованиях лучшую сумму очков — 132 на втором месте команда Франции — 119 очков, на третьем Англии — 117.

К концу соревнований корреспондент «Огонька» связался по телефону с Брюсселем и беседовал с заместителем руководителя советской спортивной делегации А. А. Гусевым.

— Несмотря на дождливую погоду, — сообщил тов. Гусев, — все пять дней соревнований стадион «Эйзель» был переполнен. Советских спортсменов зрители встречали с большой теплотой и сердечностью. Вся печать отмечает высокую спортивную технику и отличную тренированность советских легкоатлетов. Многочисленные корреспонденты осаждают гостиницу «Централь», в которой разместилась наша делегация.

Советские легкоатлеты счастливы, что им удалось в труднейших и напряженных соревнованиях еще раз продемонстрировать силу советского спорта.

В. Сухарев, Л. Каляев, Л. Санадзе и Н. Каракулов

«КОРРЕКТОФОН»

Корректировать — значит улучшать, вносить поправки там, где они необходимы. Корректофоном назвал кандидат медицинских наук И. Я. Деражне сконструированный им аппарат для лечения дефектов речи.

Круглая эбонитовая коробочка с двумя резиновыми трубками и обычный электрический шнур — так выглядит корректофон Деражне. Когда аппарат включен в сеть и резиновые трубки вставлены в уши больного, он слышит густой, низкого тона шум, напоминающий рокот летящего самолета. И это... все!

Какое же отношение имеет шум к лечению заикания? Оказывается, имеет и притом большое. В этом убеждают нас свыше ста человек, полностью или в значительной степени излеченных от заикания корректофоном Деражне.

Под действием корректофона пациентка читает гладко, без заикания. Справа — И. Я. Деражне.

Фото Н. Козловского

...Как известно, знаменитый греческий оратор Демосфен в молодости страдал косноязычием и заиканием. Как же он устранил этот дефект речи? Древние источники утверждают, что Демосфен изо дня в день приходил к морю и здесь, на пустынном берегу, произносил длинные и страстные речи. Его будто вылечило уединение...

Нет, говорит Деражне, не уединение. Демосфена вылечило прежде всего море, точнее, неумолчный шум морского прибоя. Именно этот шум помог будущему афинскому оратору разорвать прочную цепь условного рефлекса неполноценной физиологии речи, которая сложилась и окрепла в его мозговых центрах.

Каким же образом рождается в мозгу человека этот условный рефлекс и что надо сделать для того, чтобы раз и навсегда устранить его?

Правильно ответить на этот вопрос помогло И. Я. Деражне тщательное и глубокое изучение трудов основоположников русской материалистической физиологии и, в первую очередь, гениальных работ И. П. Павлова.

Причиной, порождающей заикание, чаще всего бывает испуг. Психическая травма, или, как ее называют, «павловская сшибка», происшедшая в мозгу человека со слабой нервной конституцией, приводит нередко к расстройству речи

Но возникшее заикание еще не влечет за собой на первых порах прочно сложившегося условного рефлекса неправильной речи. Такой рефлекс вырабатывается в сознании позднее, на почве и под влиянием так называемого страха речи

Слушая свое затрудненное произношение, человек, как правило, болезненно реагирует на каждую ошибку. Так рождается страх речи, который ведет к еще большему заиканию. В результате и образуется прочный, крепнущий с годами условный рефлекс.

Причиной, которая приводит к образованию условного рефлекса заикания, является то, что больной слышит свою неправильную речь. Значит, надо лишить его на время этой возможности. Тогда разрушится цепь «благоприобретенного» условного рефлекса, и к больному вернется нормальная речь.

Метод временного выключения слухового самоконтроля применялся в медицине и раньше, в частности при потере голоса певцами. Но использовавшаяся в качестве глушителя механическая «трещотка» была несовершенна, и лечение не всегда давало нужные результаты. Киевский врач И. Я. Деражне первый применил этот метод для лечения дефектов речи и сконструировал портативный, безотказно действующий аппарат.

...Аппарат включен в сеть. Сидящий с корректофоном больной читает вслух книгу. Находясь в соседней комнате, вы вначале не верите, что это тот самый человек, который обычно с большим трудом произносит каждое слово. В большинстве случаев первый же сеанс вносит в речь человека, страдающего заиканием, заметные коррективы: он начинает читать легче и свободней. Шум аппарата снимает слуховой самоконтроль, и у больного со временем исчезает страх речи.

Корректофон Деражне имеет большое, многообещающее будущее.

Н. НИКОЛАЕВ

Пойманный ветер

А. ДОРОХОВ

Усовершенствованная ветряная мельница «Д-10» колхоза «Новая жизнь», Киевской области.

Ветроэлектростанция «Д-18» мощностью в 25 киловатт.

В вашей памяти, наверное, остались с детства строки из пушкинской «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе...

Но вряд ли вы задумывались над тем, что, продолжая гонять тучи и волновать моря, ветер мог бы без ущерба для этих почтенных занятий выполнять и другую, не менее полезную работу.

Мы сердимся на ветер, когда он срывает с нас шляпу. Мы мечтаем о нем в душный летний день. Но немногие представляют себе подлинные масштабы тех огромных возможностей, которые таят в себе проносящиеся над нашими головами воздушные течения.

А между тем ветер — неисчерпаемый и щедрый источник энергии.

Существует конкретный подсчет академика А. В. Винтера. На основании точных данных он утверждает, что, построив достаточное количество ветряных двигателей, мы сможем получать в год 20 миллиардов киловатт-часов и экономить таким образом 20 миллионов тонн топлива.

Вот какой гигантский запас энергии хранит для нас природа!

Эта энергия практически неистощима. До тех пор, пока над землей будет светить солнце, будут дуть и ветры.

Эта энергия всегда под рукой. Уголь и нефть приходится добывать из недр земли и привозить за сотни верст к топкам машин. Гидростанции можно строить только на берегах рек и озер и оттуда передавать силу воды, преобразованную в электрический ток.

А ветер есть всюду, где он может понадобиться. Он дует над пустынями и городами, над заводами и пашнями. Это, так сказать, источник энергии с бесплатной подачей к месту потребления.

Почему же все-таки и сегодня ветер остается почти неиспользованным?

При всех достоинствах он имеет существенный недостаток: это — непостоянство. Недаром говорят: «Непостоянен, как ветер».

В одной из московских обсерваторий, ведущих наблюдения за воздушными течениями, как-то отметили, что за две минуты их сила менялась сто двадцать раз! Вот и применяй энергию, которая так неустойчива!

В той же Москве средняя сила ветра обычно составляет 4—4½ метра в секунду. А сравнительно недавно, в мае 1937 года, над столицей пронесся трехминутный ураган, с корнем вырвавший вековые деревья в парках и опрокинувший несколько трамваев. Его сила достигала примерно 40 метров в секунду. Легко ли сконструировать двигатель, призванный справляться с таким диапазоном скоростей!

Возможность бесплатно получать энергию всегда казалась очень заманчивой. Поэтому попытки заставить ветер служить человеку начались на Руси еще в глубокой древности. Вооруженные лишь топором да пилой, талантливые «умельцы» возводили ветряные мельницы на безграничных просторах великой русской равнины.

Первоначально это были самые примитивные механизмы, бравшие от ветра меньше десятой доли его силы. И работали они только тогда, когда ветер дул в одном направлении. Но уже к середине XV века сельские плотники стали строить и такие мельницы, которые можно было устанавливать по ветру. Правда, для этого надо было поворачивать на фундаменте все сооружение. А не успеешь повернуть — налетит шквал, и от крыльев останутся одни щепки.

Творческая мысль народных строителей настойчиво искала более совершенные конструкции. В истории русской техники XVII—XVIII веков сохранились имена механика-самоучки Петра Ермолаева и новгородского крестьянина Михаила Замыслова, создававших оригинальные мельницы с рядом остроумных приспособлений. Но уровень тогдашней техники ограничивал стремления новаторов.

К 1916 году в России насчитывалось 250 тысяч ветряных мельниц. Они перемалывали почти половину урожая, хотя помольщикам и приходилось иной раз подолгу дожидаться ветреной погоды. И это было единственным в стране применением ветра. Решение проблемы во всей ее широте стало возможным лишь в наши дни, благодаря успехам советской науки.

Ведь для того, чтобы целесообразно и полностью подчинить себе какую-либо силу, надо прежде всего хорошо ее знать.

Первым человеком в мире, «поймавшим» ветер и изучившим все его особенности, был великий русский ученый, основатель современной аэродинамики Николай Егорович Жуковский. Он заключил ветер в аэродинамическую трубу, и с этого момента праздный гуляка перестал быть загадкой. Новый источник энергии подвергся изучению. Открылись законы, которым он повинуется.

Установленные Н. Е. Жуковским теоретические положения позволили его ученикам и последователям создать советскую школу аэродинамики. Впервые в основу конструирования ветродвигателей были положены точные математические и физические расчеты. Опередив западную науку, наши ученые и инженеры дали формулы, по которым вычисляется наиболее выгодная форма лопастей двигателя. И это сразу же сдвинуло вопрос с мертвой точки.

Попрежнему простейшим ветродвигателем остается сельский ветряк. Но как резко отличается он от тех, что ставились еще три десятка лет назад!

Вот, скажем, новая деревянная ветряная мельница системы советского инженера, доктора технических наук Е. М. Фатеева. Ее башня не обшита тесом, а сделана из решетчатых ферм, которые не тормозят воздушного потока. Рассчитанные по законам аэродинамики, крылья захватывают больше ветра.

Такие ветряные мельницы успешно работают в нескольких колхозах Рязанской области. Их конструкция настолько несложна, что постройка не представляет затруднений для колхозной бригады плотников. Да и материала на них уходит вдвое меньше, чем прежде. При размахе крыльев в 8 метров они дают 170 килограммов муки в час, при размахе в 16 метров — 400—500. Это в 2—2½ раза больше, чем давали при той же величине ветрового колеса старые мельницы.

Наряду с «омоложением» старушек-мельниц организованные в советское время научно-исследовательские институты и конструкторские бюро создали ряд оригинальных ветродвигателей самого различного назначения.

Все эти двигатели также отличает новая форма лопастей, позволяющая лучше улавливать воздушный поток. В классической «стране ветряных мельниц» — Голландии — лучшие мельницы используют не больше 10—20 процентов энергии ветра. Лопасти наших ветродвигателей превращают в полезную работу 40 процентов. Голландские мельницы начинают работать лишь при ветре, дующем со скоростью 6 метров в секунду. Для пуска наших ветродвигателей достаточно скорости 4—4½ метров. Разница как будто не так велика. Но дело в том, что именно такова наиболее частая сила ветра на территории СССР.

Большое значение может иметь и идея так называемого инерционного выравнивателя, предложенного талантливым русским изобретателем А. Г. Уфимцевым. Ведь всякий двигатель должен работать равномерно и безостановочно. А ветер дует обычно порывами. Если передавать его силу прямо на станок или машину, они также будут двигаться толчками. Если же ввести в конструкцию созданный Уфимцевым маховик с чрезвычайно малым трением в опорах, то инерция, развиваемая его вращением, позволит поддерживать равномерное вращение в течение 3—5 минут, от одного порыва ветра до следующего.

Но и направление ветра беспрестанно меняется. Кто же будет все время изменять угол лопастей или поворачивать весь двигатель? Советские конструкторы возложили эту работу на плечи самого ветра.

Стоит воздушному потоку усилиться, как под его давлением автоматически начинают действовать особые стабилизаторы, размещенные позади крыльев. Концевые части лопастей поворачиваются и притормаживают движение. Ослабнет ветер — и лопасти приходят в первоначальное положение. Если же налетит шквал, двигатель сам примет безопасную позицию, и струи воздуха будут скользить между его крыльями.

А за переменой направления ветра чутко следят другие механизмы,— виндрозы. Пока он дует прямо «в лоб», виндрозы бездействуют. Но стоит ветру зайти сбоку или даже сзади, как они тотчас заработают и повернут весь двигатель в нужном направлении.

Благодаря всем этим усовершенствованиям ветровые колеса вращаются равномерно и непрерывно, и двигатель безотказно работает много лет.

Первая мощная ветросиловая установка была построена в Баку в 1924 году для откачки нефти с большой глубины. Ее сконструировал коллектив инженеров под руководством Н. В. Красовского и Г. Х. Сабинина.

Семь лет спустя в Крыму была сооружена могучая ветроэлектрическая станция, по тому времени самая большая в мире. На морском берегу близ Балаклавы строители воздвигли башню из стальных ферм, а на ней установили ветровое колесо поистине гигантских размеров. Размах его лопастей был равен 30 метрам — высоте девятиэтажного дома! При среднем ветре наружные концы крыльев двигались со скоростью самолета. Эта установка мощностью в 100 киловатт работала на общую электросеть, используя даровую энергию морских штормов. Она была варварски разрушена гитлеровцами.

Перед войной в одном из советских научно-исследовательских институтов разработали конструкцию ветросиловой станции мощностью уже в тысячу киловатт, с колесом диаметром в 50 метров.

Идею советских инженеров подхватили в Америке. В годы военного «процветания» американская печать с рекламными восторгами описывала пуск на одном горном плато в США ветросиловой станции с размахом лопастей в 54 метра.

Но вся затея окончилась позорным провалом. Наскоро состряпанная конструкция, не подкрепленная достаточно серьезными теоретическими расчетами, оказалась весьма несовершенной. Первая же сильная буря разрушила ее. Угольные и нефтяные компании злорадствовали. Они получили лишний довод для борьбы с использованием той энергии, которая угрожает их прибылям.

В нашем социалистическом государстве развитие техники определяется только интересами народного хозяйства. Советские люди упорно стремятся подчинить человеку все силы природы. Поэтому мы настойчиво и планомерно овладеваем энергией ветра.

Наиболее широкое применение получили ветровые двигатели на наших арктических научных станциях. Любое горючее ценится на Дальнем Севере буквально на вес золота, а ветер там, особенно на островах и побережье Ледовитого океана, всегда в изобилии. Советская промышленность выпускает для полярных районов особо надежные ветряки, которые не боятся ни морских шквалов, ни сорокаградусного мороза. Небольшие ветродвигатели, не нуждающиеся в обслуживании, освещают дома зимовщиков, дают электрическую энергию на хозяйственные нужды и питают радиоустановки — единственную связь полярников с Большой Землей в долгую зиму.

Крайний Север и Крайний Юг несхожи между собой почти во всем, кроме одного: топливо дорого и на скалистых островах Арктики и в пустынных районах Средней Азии. Леса и торфа в песках нет, а уголь и нефть зачастую приходится привозить за тысячи километров если не на самолетах, то на верблюдах. И здесь проблему дешевой энергии решают ветродвигатели. В первую очередь с их помощью орошают поля. При среднем ветре—а их на юге тоже более чем достаточно — двигатель «Д-18» поднимает с десятиметровой глубины до 100 тысяч литров воды в час. Этого хватает, чтобы полить от 10 до 25 гектаров посевов.

Но для того, чтобы увидеть современный ветродвигатель в действии, вовсе не надо забираться так далеко от Москвы. С каждым годом ветровое колесо на ажурной вышке становится все более обычной деталью колхозного пейзажа и в нашей средней полосе. Особенное значение приобрел «голубой уголь» — так называется в технике сила ветра — именно сегодня, когда мы практически подходим к тому, чтобы в каждом крестьянском доме светила «лампочка Ильича», в каждой избе-читальне репродуктор, как мечтал Ленин, передавал газету из Москвы, на каждой колхозной ферме появились электрические помощники людей. Чтобы успешно решить поставленную товарищем Сталиным историческую задачу сплошной электрификации и радиофикации деревни, мы должны заставить работать не только малые реки и ручьи, но и вольно гуляющий ветер.

Дело в том, что во многих районах нашей огромной страны даже полное использование силы воды не покрывает целиком всей потребности окрестных колхозов в электрической энергии. Здесь воде должен помогать ветер, особенно в зимнюю пору, когда сила течения воды падает а средняя сила ветров вырастает вдвое. Объединенные с ветроустановками, маломощные сельские электростанции значительно увеличат годовую выработку энергии.

С гениальной прозорливостью это предвидел Владимир Ильич Ленин. Еще в апреле 1918 года по его указанию в план важнейших работ Академии наук была включена проблема применения ветродвигателей для механизации сельского хозяйства.

Но тогда наша промышленность еще не имела возможности наладить массовый выпуск простых и дешевых ветродвигателей. Советская социалистическая промышленность, созданная в годы сталинских пятилеток, может выпускать нужное количество ветродвигателей наиболее простой конструкции, рассчитанных на деревню.

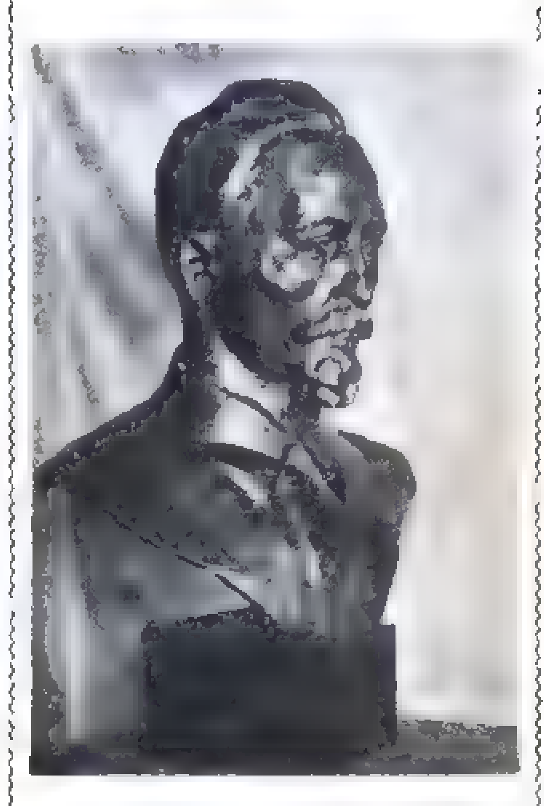
Даже один из самых малых ветродвигателей, «Д-3,5», дает достаточно энергии для освещения электричеством школы, читальни, для питания радиоприемника или киноаппарата. А такой ветродвигатель, как «Д-18», конструкторы которого В. И. Сидоров, В. С. Шаманин, А. В. Кармишин и другие получили Сталинскую премию, целиком покрывает потребность в электрической энергии развитого колхозного хозяйства. При ветре силой 8 метров в секунду этот двигатель дает мощность в 25 киловатт.

Уже во многих колхозах Московской, Киевской, Сталинградской, Челябинской, Курганской, Джамбулской и других областей колхозные ветряки подают воду для поливки огородов и на скотные дворы, режут корма, размельчают удобрения, пилят дрова, освещают жилые дома, клубы, больницы, приводят в движение сельскохозяйственные машины.

Так ветер постепенно приучается к полезной работе. Но это лишь первые его шаги. Последние исследования Г. Х. Сабинина, Н. В. Красовского, Е. М. Фатеева и других энтузиастов «голубого угля» уже намечают реальные возможности создания таких мощных установок, которые давали бы тысячи киловатт! И это открывает новые чудесные перспективы.

Советские люди преображают природу, используя силы, заложенные в ней самой. Одна из таких могучих сил — ветер. Мы уже поставили его на службу человеку. Но, может быть, недалек тот день, когда советские ученые смогут заставить ветер переделывать географию нашей страны. Мечта исследователя и инженера уже видит, как в безлюдных пустынях юга ветер, завывающий сейчас в песках барханов, станет добывать из глубины земли таящуюся там воду — и пустыня покроется зеленью. На далеком Севере ветер начнет обогревать гигантские теплицы овощей и злаков. В тех степях, где порывы знойного ветра сейчас сушат почву и лишь гоняют по земле клубки перекати-поля, его сила будет орошать цветущие луга.

Мы знаем, что в нашей стране сбываются самые смелые мечты!

Ф. Э. Дзержинский. Бюст работы скульптора А. Стемпковского, воспроизведенный методом гальванопластики.

Электричество—скульптор

Электричество — универсальный «работник»: оно пилит деревья и шьет одежду, освещает дома и плавит сталь, водит поезда и записывает речь. «Работник» этот оказывается также искусным художником.

Инженер Н. В. Одноралов показывает два бюста: гипсовый, вылепленный скульптором, и медный, скопированный электричеством,— удивительные по сходству.

Пластическую скульптуру воспроизводят в металле методом художественной гальванопластики. Вот один из способов. Оригинал условно разделяют на части и, чтобы получить отпечатки, заливают гипсом. Изогнутые края слепков осторожно удаляют, соединяя куски в монолитную форму. Она представляет собой точную копию произведения. Только в ней все наоборот.

Форму погружают в сосуд с медным купоросом и серной кислотой. В растворе накапливаются ионы меди. К электродам подается ток. От одного полюса к другому несутся ионы, и на форме осаждается медь. Однако глаз не замечает этого движения: поверхность раствора зеркальна.

Электричество неутомимо откладывает слой за слоем. Этим процессом управляют особые проводники, прикрепленные к разным местам формы. Их то включают, то выключают, и изображение равномерно обво- [illegible]

Спустя несколько дней скульптура готова.

Художественная гальванопластика обладает многими преимуществами. Литая скульптура очень тяжела и нуждается в чеканке. Гальванопластическая скульптура не требует обработки и весит в 10—15 раз меньше литой.

Начало художественной гальванопластике свыше 100 лет назад положил русский ученый, академик Б. С. Якоби.

В наши дни старинный русский метод возродился на высоком уровне. Сотрудники ленинградского завода «Монументскульптура» и Московского института прикладного и декоративного искусства Р. Н. Берилсв, Б. И. Морозов, П. Г. Семенов, П. Т. Чаплыгин, Н. В. Одноралов разработали новую, совершенную технологию репродуцирования скульптур и внедрили ее в производство. Их труд увенчан высокой наградой — Сталинской премией.

Я. КОРШ

Н. К. Пимоненко. ПО ВОДУ. — Гос. музей украинского искусства, г. Киев.

Н. К. Пимоненко

(1862—1911)

Николай Корнилович Пимоненко родился в Киеве в 1862 году. Он учился в Киевской рисовальной школе, из которой вышло немало талантов. Здесь в разные годы получили первоначальное художественное образование Левитан, Серов, Врубель, Крыжицкий и многие другие. По возвращении из Петербургской академии художеств Пимоненко занимался в Киевской школе преподавательской деятельностью.

Весь свой талант Пимоненко посвятил изображению жизни украинского села. Будучи прекрасным знатоком деревенского быта, Николай Корнилович создал ряд ярких, правдивых произведений. В этом смысле Пимоненко относится к той же категории жанристов, что и Перов или В. Маковский.

Писал Пимоненко жаркую полевую страду («Страда», «Пахарь», «Уборка сена»), чудесные картинки из жизни сельской детворы («Брод», «Последний луч», «На речке»), веселые сцены деревенских празднеств («После свадьбы», «Гопак»), грустные «Проводы рекрутов», насыщенную душным зноем «Перед грозой» и полные нежного чувства лирические картины «У колодца», «По воду».

Во всех произведениях Пимоненко, выполненных с мастерством замечательного реалиста, встает перед зрителем образ труженика украинской земли.

Картины Пимоненко пользовались исключительной популярностью. В 1904 году художнику было присвоено звание академика живописи.

Скорбя о смерти Н. К. Пимоненко, Репин писал:

«Какая убыль для «Передвижной». Он был истинный украинец; не забудется краем за свои правдивые и милые как Украина картины и живые картинки».

Н. К. Пимоненко. ПОСЛЕ СВАДЬБЫ.

Гос. музей украинского искусства, г. Киев.

Н. К. Пимоненко. ПЕРЕД ГРОЗОЙ.

Гос. музей украинского искусства, г. Киев.

Н. К. Пимоненко. У КОЛОДЦА.

Гос. музей украинского искусства, г. Киев.

Далеко по цеху разносится гул большого строгального. А рядом со станком сгорбился на высокой табуретке старый строгальщик Семеныч. Он сидит, уткнув нос в воротник изрядно потертого, промасленного полушубка, и, кажется, дремлет. Но это только кажется. Из-под густых, насупленных бровей зорко следят за работой живые, совсем не стариковские глаза. Вот Семеныч замечает что-то, встает и берется за масленку.

— А ну, давай... — подгоняет он станок, подмазывая его на ходу. — Думаешь, не вижу? Задремал старик! Не тут-то было... Это теперь моду такую взяли: чуть что — ремонт! Нет, брат, у меня не забалуешь!

Вздохнув, старик усаживается на свое место и опять замирает в привычной позе.

По цеху, осматривая работы на станках, медленно продвигается начальник цеха. Наконец он добирается и до Семеныча.

— А ты, старина, чего съежился? Нездоровится, что ли?

Больше из уважения, чем по необходимости, Семеныч останавливает строгальный.

— Какое наше здоровье! — ворчливо отвечает он. — Скрипим помаленьку, и ладно...

— Ладно-то ладно, да не совсем... Давненько я хочу с тобой по душам побеседовать и все как-то времени не выберу...

Семеныч с подозрением косится на начальника.

— Скажу тебе прямо, — продолжает начальник, — станок у тебя всегда в порядке... Да и сам ты работник неплохой, а вот производительность обидная...

Семеныч вдруг отворачивается к станку и начинает подтягивать в нем какую-то гайку.

— Мохом ты оброс, Семеныч, маленько... Честное слово! Гляди, какой небритый! Огонька в тебе производственного не вижу, огонька!..

— Какие там еще огоньки!.. Оттопали мы свое... — недовольно отзывается старик. — Сделай милость, Никита Степаныч, отойди... Как бы, грешным делом, столешиной не задеть.

— Постой, постой... Я хочу с тобой по душам, а ты мне что же?.. Вот я, например, слыхал, что наши комсомольцы хотят тебя в стенгазете изобразить! А я говорю, мы с ним и так дотолкуемся.

— А пускай!.. Ихнее дело газетки писать, а мое — работать!

— Да ты, старина, не обижайся...

— А... а... а... чего там!

Рисунки П. Голубь

Семеныч

Рассказ

М. ЗОТОВ,
бригадир Люберецкого завода имени Ухтомского

Стахановцу Д. Н. Преснову

Семеныч торопливо достает из кармана круглую жестяную коробочку с нюхательным табаком и, захватив из нее щепотку, сует себе в нос.

— Мы, Никита Степаныч, знаем, что к чему... Зна-а-ем... Да только из годов я вышел насмешки-то принимать!

Седые, нависающие усы старика раздраженно шевелятся. Побагровев, он с азартом чихает. Вынув синий в белую клетку платок, обтирает усы и решительно поворачивается к станку.

— Ты что, и разговаривать со мной не хочешь?

Старик угрюмо молчит.

Но, странное дело, начальник ничуть не обижается. Постояв немного, он с удовлетворенным видом шагает дальше.

Семеныч запускает строгальный и усаживается на свое место.

— Им что?.. — бурчит он в воротник полушубка. — Они бы тó сосчитали, сколько лет — и все без брака! Станок не в пример другим содержу! Скорость им подавай!.. А где ее взять в мои-то года? Горячи, да некстати... И Никита Степаныч тоже... Не обижайся, говорит...

Вспоминается, что редактор стенгазеты хорошо рисует карикатуры и, наверно, на этот раз постарается. Недаром он при встречах вежливо здоровается, а сам глазами так и стрижет...

Старик не может сидеть спокойно. Ворочается на табуретке, то подбирает ноги, то снова их распрямляет. Наконец, не выдержав, вскакивает... И как раз кстати: оставленный без надзора станок чуть не загнал всю работу в брак! Семеныч резко останавливает станок. Размахивая руками, бегает возле него и ругается... И как ругается! Достается и освещению, и станку, и инструменту, и даже цеховой уборщице, подошедшей убрать стружку.

Незаметно приближается конец смены. Закончив работу, Семеныч вяло убирает станок. Вот уже мимо гурьбой прошли рабочие, а он всё еще почему-то медлит... Можно заметить, что старик частенько посматривает на дверь в красный уголок. Вот он видит, как туда с папкой подмышкой проходит редактор цеховой стенгазеты. Выждав немного, Семеныч бросает тряпку под станок и отправляется следом. Расхаживая по помещению, он усиленно рассматривает портреты на стенах, будто совсем не замечая редактора, работающего тут же за столиком над заметками. Постепенно продвигаясь все ближе, Семеныч, словно только теперь заметив его, грубовато спрашивает:

— Все пишешь?

— Пишу, — скромно сознается редактор. — А ты что здесь прохаживаешься?

— Стало быть, дело имею.

— Это интересно! — оживляется редактор и откладывает перо. — Заметку хочешь подать?

— Нет уж, это вы всех критикуете, — отмахивается старик. — Я до этого не охотник!.. Ты мне лучше скажи: когда ваша газетка выйдет?

— А вот побольше заметок соберем, тогда и выпустим...

— Опять, поди, рисовать кого будете?

— Как это рисовать? — не сразу догадывается редактор. — Ах, да ты имеешь в виду карикатуру? Так это же, папаша, редакционная тайна!

— Подумаешь, тайна... Весь цех смотреть будет!..

— Нет, нет, этого я тебе сказать не могу... — упирается редактор. — Может, мы как раз тебя и решим изобразить.

— Постой, да за что же?

— Почему «За что...» Просто дружеский шарж!..

— Шарж? — повторяет Семеныч не совсем понятное ему слово и вдруг наклоняется к самому уху редактора: — Слушай, а что ежели бы меня в это самое дело не того... Ты сам посуди...

— Уж это будет решать редколлегия... — улыбаясь, отвечает редактор. — А потом, что ты так всполошился?

— Всполошишься, когда ни за что ни про что в газетку пихают... За это, брат, тоже не погладят!..

— Знаешь, папаша, — редактор снова берется за перо, — я думаю, твоя старуха тебя заждалась. Серьезно!

— Это тебя не касается... — сердито обрывает Семеныч. — Скажет тоже, ей богу!.. Да моя старуха на том свете давно.

Старику хочется еще что-то спросить, но у редактора такой занятой вид, что пропадает всякое желание разговаривать.

На следующий день Семеныч с самого утра поднимает шум. С необычным для него оживлением он бегает по цеху, держа в каждой руке по резцу.

— Ишь, моду какую завели! — кричит он, свирепо поводя усами. — Что я им, кузнец, что ли?

— А ты их к начальнику на стол! — советует ему известный в цехе насмешник и озорник Сашка Ушаков. — Раз кузнец заболел, пусть сам кует!

— А что же ты думаешь? И отнесу, — угрожает старик. — Скорость спрашивают, а резцы не кованы!

Подбежав к своему станку, он с шумом бросает резцы на пол. Явно настроенный покуражиться, подходит к столу мастера.

— Чего делать-то?

— А вот возьми штампик, — говорит ему тот, протягивая чертежи и наряд. — Хорошо, если бы к концу смены махнул...

— Больно машистый... Не видишь — расценок тридцать часов!

— А ты тряхни стариной да по-стахановски и ахни!

— Ахни да махни — только и слов у тебя! — сразу закипает старик. — А резцы мне кто ахать будет? Ты, что ли?

Мастер задумчиво почесывает себе подбородок.

— И когда ты угомонишься, старый? Ведь есть резцы у тебя!

— А ты мне их давал?

— Давал — не давал, а есть.

— Нет у меня никаких резцов, нет! — уже кричит Семеныч. — Любите на готовенькое! Мастерами называетесь...

Сердито ворча под нос, он уходит. Установив при помощи блока огромный штамп на станке, он задумывается: как быть дальше? Брошенные им резцы валяются на полу. Старик небрежно толкает их ногой... Однако чем же все-таки работать? Запасные резцы припрятаны у него в укромном местечке, но взять их оттуда нельзя. Ведь он только что кричал, что их у него нет! Постояв немного в раздумье, он отправляется по цеху.

Станочники, привыкшие всегда видеть его только у станка, теперь с удивлением поглядывают на него... Молоденькая строгальщица, заметив, что он несколько раз прошел мимо, простодушно спрашивает:

— А что это ты, дедушка, тут все ходишь и ходишь!.. Потерял что-нибудь?

— Тебе что за дело? — огрызается старик.— Работаешь — и работай, а не суйся, где тебя не спрашивают!

— Да так это я... спроста...— робко говорит испуганная таким оборотом строгальщица.

Семеныч идет дальше. В его продвижении по цеху заметна известная последовательность. Возле некоторых станков он не останавливается вовсе и даже, проходя мимо, пренебрежительно поводит плечом.

Зато у станка лучшего в цехе токаря, Анохина, работавшего раньше у него учеником, он задерживается... Заготовка вала, установленная на этом станке, вращается так быстро, что глаз не улавливает ее движения и кажется, что она стоит неподвижно. Точно рассчитанным движением Анохин подводит к ней резец. Молнией сверкает в воздухе раскаленная докрасна стружка и падает за станок. Проход сделан. Анохин снова подводит резец, и снова сверкает в воздухе снятая стружка.

Семеныч невольно отодвигается. Ему кажется, что стружка должна обязательно упасть на проворные руки Анохина.

— Что, отец, страшновато? — Анохин задорно взглядывает на Семеныча живыми черными глазами.

Старик молчит.

— Твой ученик, твой... Не забыл еще... А теперь, видишь, что получилось? Скоростник! — не без гордости говорит Анохин.

— Опасная вещь... Аж глядеть боязно...

— Я это дело еще не совсем освоил,— делится своими соображениями Анохин.— Думаю вот отвод стружки устроить... Может, присоветуешь что? А?

— Непривычное дело. Скоро больно!

Заинтересовавшись их беседой, подходит фрезеровщик Угольков.

— Что, старый, смотришь? — спрашивает он Семеныча.— Учиться, что ли, пришел?

— Чему учиться-то? Глаза выхлестывать?

— А неужто, как ты, у станка возиться?

— Лучше повозиться, да с толком...

— Не видно что-то толку у тебя.

Семеныча так и передернуло:

— Смотря кто глядеть будет... Ежели ты, так ничего и не увидишь!

— Нет, устарел ты на такие дела! — решительно говорит Угольков.— Там у себя на станке всю жизнь проспал...

У Семеныча даже затряслись руки:

— Ну, это мы еще посмотрим, кто что проспал!..

— Ну, ну, довольно! — вступается вдруг за Семеныча Анохин.— Не обижать старика!..

Семеныч некоторое время смотрит то на одного, то на другого станочника, будто выжидая. Потом, махнув рукой,— что, мол, с вами толковать-то? — идет к себе.

— Подумаешь, взялись... Как бы я вас сам на старости лет всех не поучил! — разговаривает он сам с собой по дороге.

Видно по всему, что старик крепко задет за живое... Брошенные им резцы валяются у станка на прежнем месте. Старик поднимает их и несет затачивать. Один он затачивает по-старому, а другой как-то поиному. Однако в работе они быстро выходят из строя. Первый почти тотчас же, а второй немного позже. Упрямый старик затачивает их вторично, и опять резцы быстро приходят в негодность. Но, видимо, старик уже подметил в их работе что-то полезное для себя. Он долго и тщательно их осматривает. Появляется желание «прочистить мозги» — понюхать табаку. Но какая-то внезапно мелькнувшая в голове мысль заставляет его забыть об этом.

— Стой, стой...

Сунув табакерку в карман, он хватается за резец и почти бегом направляется к точилу. Ему кажется, что если удачная мысль ускользнет, то он уже никогда ее не поймает. Теперь он ведет заточку с учетом предыдущего опыта. Не тонкий конец, а более массивная часть резца должна сначала врезаться в крепкую сталь. Устанавливая резец на станке, он с тревогой спрашивает себя: «А что, если ошибся? Ограничится ли все одной поломкой резца? Может, пострадает и сам станок, на котором я отработал столько лет без поломок?» При одной мысли об этом старику становится не по себе. Но, вспомнив, как он называет про себя, «опасную» работу скоростника Анохина, Семеныч все-таки решается рискнуть, и, еще раз проверив установку резца, он, не снимая руки с выключателя, осторожно пускает строгальный. Из-под резца, синея и дымясь от нагрева, ползет невиданной толщины стружка. Расширенными от волнения глазами старик смотрит на нее. Кажется, вот-вот резец разлетится в куски. Но один проход уже сделан, а резец, сверкая лезвием, стоит, как новый! Семеныч, облегченно вздохнув, отирает с лица пот. Не дав как следует остыть стружке, подхватывает ее и, перекатывая с ладони на ладонь, осматривает.

— Так, так, та-а-ак... пойдет дело, пойде-е-ет...

Он уже смелее включает станок, а сам берется за масленку:

— А ну давай, старый, вывози... Еще маленько... Так, так... Ходом пошло, ходом... Давно бы так-то...

Часа через два штамп был обстроган окончательно.

От такого успеха Семеныч теряется. И, вместо того чтобы снимать готовый штамп со станка, он как-то бестолково топчется на месте. Успокоясь немного, старик осматривается по сторонам и тут только замечает подошедшего парторга. Подняв с полу кусок стружки, тот с интересом рассматривает ее.

— Ты что это, Михаил Трофимыч, аль диковинку какую нашел?

Парторг прикидывает на руке вес стружки...

— Да вот гляжу, больно уж стружечка у тебя увесистая!

Семеныч лукаво прищуривается:

— А что, разве нельзя?

— Очень даже можно... Только вот мне непонятно, как ты исхитрился?

— С перепугу это я...

— Ты все шутишь, старина, а я серьезно...

— А я-то что же, смеюсь, что ли? Обещали комсомольцы в газете пропечатать! Обещали! Скорости, видишь ты, у меня, у старого черта, маловато... Ну, я и того...

— Не слыхал я что-то про это...

— Станут они тебя спрашивать! Сами с усами!

— И давно ты так приладился?

— Да вот штампик, как видишь, отделал...

— И все молчком?

— А чего орать? Сперва работу покажи, а потом и людей вводи в раж!.. Так я понимаю...

Семеныч усмехается. Он снимает со станка штамп и проделывает это так усердно, будто ничто другое на свете не занимает его. Однако это не мешает ему заметить, что парторг, уходя, кладет себе в карман кусок стружки, которую он до этого с таким интересом рассматривал.

Получив отметку контролера, что работа принята, Семеныч подходит к мастеру.

— Ты что? — спрашивает тот.— Все упрямишься? Резцы никак не найдешь?

— А на кой они мне прах? Без них обошелся...

— Ну, вот видишь, а шумел,— наставительно выговаривает мастер.— Ну, а ко мне зачем пришел?

— А то и пришел, что кончил!..

Семеныч отводит глаза в сторону, а сам искоса наблюдает, какое впечатление произвели его слова.

— Что кончил?

— Что, что!.. Работу, конечно...

— Как? Всю?!

— Ну, известно, всю!

На момент взгляды их встречаются.

— Постой... Да ты шутишь, что ли? — недоумевает мастер.— Я помню, там расценок — тридцать часов!..

— Был, да сплыл!..

— Нет, нет...— мастер встает из-за стола.— Ты мне что-то загибаешь, старик! Не вредно будет и взглянуть...

Он идет следом за Семенычем. Озадаченно рассматривает готовый штамп на полу. Как бы не доверяя глазам, легонько проводит по нему рукой.

— И обстроган прилично!

— Прилично!..— вскипает Семеныч.— А ты мою плохую работу когда видал?

— Нет, ты там как хочешь, старик: обижайся, не обижайся, — говорит мастер,— а ты все-таки мудрец! Ей богу! И, главное дело, все втихую... Гляди ты, какая стружка! Мудрец и есть!

Однако начать новую работу Семенычу так и не удается. Он еле успевает установить ее на станке, как его вызывает начальник.

— И зачем я ему понадобился? — с напускным удивлением говорит старик.— Только от работы отрывают!

Семеныч одергивает на себе полушубок, расправляет усы и не спеша уходит. Перед дверью в кабинет останавливается. Потом несмело толкает ее. В образовавшуюся щель видны сидящие за столом начальник и главный инженер завода. Парторг стоит у окна с папиросой в руке. Семеныч пятится от двери, желая выждать, пока уйдет главный инженер, но начальник уже заметил его и делает знак войти.

— А, Семеныч!.. Ждем тебя, ждем...

Старик, войдя, останавливается около дверей.

Главный инженер, мельком взглянув на него, берет с письменного стола кусок синей с фиолетовым отливом стружки. Семеныч сразу узнает ее.

— А вы знаете, это действительно что-то феноменальное! — говорит главный инженер.— Тем более для строгального!..

Начальник жестом предлагает Семенычу подойти поближе.

— А вот вам и виновник торжества!

— Скажите, — главный инженер с неожиданной для его полного тела живостью повертывается к Семенычу,— а как станок? Ничего?

— Станок-то? Вроде как ничего... Тут, видишь ты, заточку особую надо...

— Заточка-то заточкой...— говорит главный инженер.— Но вы должны понять, что это огромная нагрузка для оборудования.

— Нагрузка, она, конечно, есть,— соглашается Семеныч,— но ежели со станком поласковее...

— Как вы сказали? Поласковее? Замечательно! Но какой же это все-таки станок? Я что-то не припоминаю...

Начальник напоминает, где станок находится.

— Ах, этот... Так, позвольте, это ж старье!

— Как и его хозяин, — неожиданно добавляет Семеныч.

— А ведь вы, кажется, давно на заводе?

— Сорок восемь годков... сорок девятый пошел...

— Почти полвека? И все на одном станке. Но почему вы не смените его? Ведь он неудобен!

— Я ему несколько раз предлагал,— вставляет начальник.— По мне, говорит, и этот хорош!

— Привык я к нему,— признается Семеныч.— Как-нибудь век скоротаем...

— Ну, ну... Будет выдумывать-то...

Начальник быстро поднимается из-за стола.

— Позволь тебя поздравить, Семеныч, с серьезным успехом! Что ж, давай руку-то!

Но Семеныч, покраснев, как будто его поймали на нехорошем, пятится от начальника:

— Не твердо я еще, Никита Степаныч... Как бы конфуза какого не вышло...

За начальником подходят поздравить главный инженер и парторг Потом все вместе отправляются в цех.

Под любопытными взглядами окружающих Семеныч держится с достоинством. Перед самым пуском станка он для большей торжественности снимает кепку и кладет ее на инструментальный шкафик.

— Вы моего старика не хайте...— говорит он о станке, как о живом существе.— Он только с виду ледащий...

Остальная часть фразы тонет в шуме запущенного станка. Главный инженер пригибается к столу станка, чтобы удобнее было наблюдать.

— Нет, это просто удивительно! — восклицает он с заблестевшими от удовольствия глазами.— И что любопытно — тянет старый станок. Заснять, обязательно заснять! И вас, конечно, как автора,— повертывается он к Семенычу.— Только знаете что? Вам побриться необходимо.

— Что, братец, попался? — начальник, улыбаясь, хлопает старика по плечу.— Говорил я тебе, что мохом оброс.

Едва начальство расходится, как старика окружают соседи-станочники.

— Чего это они у тебя собирались?

— Видишь ты, стружку крупную снимаю, ну и... удивляются.

С этого дня популярность Семеныча стала заметно расти. У его станка нередко можно было увидеть двух или трех посетителей из других цехов. Вначале они с молчаливой почтительностью следили за работой старика. Потом брали в руки стружку и, рассматривая ее, покачивали головами... Польщенный старик терпеливо давал самые подробные объяснения, не замечая, что на это уходит много рабочего времени. Как-то раз по уходе таких посетителей даже беспечный Сашка Ушаков со вздохом сказал:

— Как погляжу я на тебя, Семеныч, трудновато тебе приходится!.. Того и гляди без получки оставят!..

— Я и то думаю приемные часы завесть,— отшучивался старик.

— Я слышал, сам министр будто к тебе собирается!

— Будет врать-то!..

Появление в цехе фотографа сразу привлекает внимание станочников.

— Сейчас нашего старика снимать будет! — вполголоса передают они друг другу.

— Сначала мы зафиксируем рабочий процесс! — объявляет фотограф, пристраивая свой аппарат на треногу.— И вы мне, конечно, поможете?

Буркнув что-то, Семеныч берется помогать.

— Теперь вы — главное, а станок будет фоном. Попрошу, пожалуйста, разденьтесь!

Семеныч начинает медленно стаскивать с себя затасканный полушубок. Под ним оказывается новый, темной расцветки джемпер. Подбородок старика начисто выбрит, а усы подстрижены. Некоторым из наблюдающих даже кажется, что по цеху плывет легкий запах одеколона.

— И кепочку, пожалуйста...— просит фотограф.— А то, знаете, лицо затянет...

После небольшого размышления Семеныч расстается и с кепкой. С неестественно напряженным лицом он замирает у станка. Со стороны ему кричат:

— Старик! Давай твой полушубок заброшу!

— Семеныч! Зачем усы подстриг? Нюх потеряешь!!

Ослепительно вспыхивает магний. Облегченно вздохнув, Семеныч начинает одеваться.

Проходит несколько дней. Жизнь цеха продолжает двигаться своим обычным путем. Но теперь этот путь уже не кажется таким обычным старому строгальщику. Работа, которую он в силу многолетней практики выполнял, почти не думая, вдруг обернулась к нему какой-то другой, совсем непривычной стороной. Она заставила увидеть в ней что-то такое, чего раньше он и не замечал вовсе.

Да и внешне он изменился. Насквозь промасленную кепчонку, которую он уважительно именовал рабочей, теперь заменила немного старомодная, но зато кожаная фуражка. Из-под ворота спецовки стал выглядывать краешек добротной шерстяной фуфайки. Знаменитый полушубок лежал, как подстилка, на сиденье табурета.

Только отношения с редактором продолжали оставаться неясными. По крайней мере так казалось старику. Он, конечно, понимал, что теперь положение его в цехе изменилось, и при встречах с редактором старался не замечать его. Но одна и та же мысль каждый раз беспокоила его: «А кто его знает?.. Возьмет да «дружески» и измордует? Молодежь!..»

Как-то однажды, придя в цех, он увидел вывешенную свежую стенгазету. Несколько рабочих оживленно обсуждали что-то. Семеныч в нерешительности остановился...

— Ребята! Смотрите-ка, Семеныч-то наш, как святой! От лысины аж сияние...— услышал он знакомый голос Сашки Ушакова.

Сердце старика екнуло: «Неужели?..»

Не желая служить мишенью для шуток, он прошел прямо к себе.

«И чего ржут, черти, и чего ржут?» — с досадой думал он, прислушиваясь к хохоту рабочих.

Только во время работы, выбрав момент, когда все были заняты, он решился подойти к стенгазете. Приладив на нос старые, не раз чиненные очки, он разглядел на видном месте свою фотографию в красиво сделанной цветными карандашами рамке. Ниже была помещена заметка, в которой рассказывалось о его резце.

Старик, смущенно покашливая, отошел от стенгазеты.

В этот день время до обеда проскочило особенно быстро. Сидя в столовой, он был оживленнее обычного. Много разговаривал со своими приятелями за столом. Те приставали к нему:

— А с тебя, Семеныч, причитается... с премии-то...

— Что вы, ребята! Какая премия?

— Ну вот еще, какая!.. Прогремел со своим резцом в мировом масштабе!

В самом прекрасном настроении Семеныч вернулся в цех. Между станков расхаживал парторг, раздавая заводскую газету. Семенычу захотелось как можно скорей ее получить. Но он не был подписчиком. Конечно, попросить почитать можно у каждого, но ему хотелось сохранить этот номер на память. Проще всего было обратиться к парторгу, но ведь тот обязательно скажет: «Какой ты нескладный, старик! Предлагал подписаться — не надо, я не курящий! А теперь написали о тебе — давай скорей!»

Размышляя, как бы все получше устроить, Семеныч незаметно подошел к станку и вдруг на своем столе обнаружил кем-то забытую газету. Не вдаваясь в размышления, он поспешно надел очки. На второй странице сверху живо отыскал три фотографии. На средней он узнал самого себя у станка, а на боковых была заснята его работа старым и новым резцом. Разница в съеме стружки даже на фотографии получалась разительная.

Слезливо заморгав, Семеныч засуетился... Сложив газету вчетверо, хотел было убрать ее в карман, потом передумал. Повел глазами кругом и увидел невдалеке от себя парторга. Тот, улыбаясь, смотрел на старика. Расправляя на ходу газету, Семеныч пошел к нему.

— Вот, Михаил Трофимович, чья-то ко мне попала.

Парторг, глянув за спину Семеныча, кому-то подморгнул. Семеныч хотел посмотреть, кому, но не успел... Чьи-то руки обхватили его сзади... Сашка Ушаков сильным рывком поднял старика от пола.

Напрасно старик старался вырваться из обхвативших его крепких рук. Он видел вокруг себя смеющиеся лица. Слышал взрывы дружного смеха... Очки его соскочили с носа и болтались, держась на одном ухе.. А он все взлетал и взлетал в воздух...

Спас его цеховой гудок, напомнивший об окончании обеденного перерыва.

Оставленный всеми, старик стоял посреди цеха, красный, взъерошенный, сердито поводя большими усами.

— Четвертиночку,— зашептал ему кто-то на ухо сзади,— не забудь поставить... с премии-то... Аж упрел с тобой!

Семеныч обернулся. Сашка Ушаков, отирая со лба пот, ухмыляясь, смотрел на него.

— Я тебе поставлю... Я тебе поставлю,— погрозился ему старик.— И так все пуговицы начисто оборвал.

Народ Вьетнама победит!

О. САВИЧ

Демократическая республика Вьетнам была провозглашена пять лет назад, 2 сентября 1945 года. Это одна из самых молодых демократических республик в мире, но в ней живет древний народ: он впервые упоминается в истории за 4 тысячи лет до наших дней.

Страна была независимой более 900 лет — вплоть до завоевания Индокитая французами в середине прошлого века. С тех пор власть безраздельно принадлежала французскому генерал-губернатору, переименованному недавно для приличия в «верховного комиссара». Губернаторами Индокитая перебывали многие французские генералы и адмиралы, министры и депутаты, включая социалистов, и каждый из них оставил в стране следы жестокостей и крови. Официально они подчинялись французскому министру по делам колоний. На самом же деле они вместе с самим министром были ставленниками и цепными псами подлинного хозяина этой колонии — Индокитайского банка.

Банк был учрежден крупными французскими колониальными фирмами в 1875 году, и основной капитал его был определен в 8 миллионов франков. Учредители внесли, однако, только 2 миллиона: они хотели немедленных барышей при небольших затратах.

Банк и его филиалы до последнего времени владели или распоряжались земельными угодьями Индокитая — от необъятных плантаций до крохотной пяди крестьянской земли. В руках банка были угольные копи, водный и железнодорожный транспорт, рудники, строительная промышленность, водная и электрическая энергия, каучуковые и чайные плантации, спиртовые, сахарные и соляные заводы. Наконец, банк захватил основу всей индокитайской экономики — рис, начиная от той горсти зерна, которую сеятель бросает в вспаханную землю, и кончая миллионами мешков, выгружаемых в портах всего мира.

Как огромный спрут, Индокитайский банк опутал своими щупальцами всю страну. Акционеры банка не брезговали торговлей живым товаром. В одном из австралийских портов было официально зарегистрировано, что в трюме пришедшего в порт французского корабля находились «рабы, низведенные до состояния рабочего скота».

Недавно депутат католической партии МРП вопил во французском Национальном собрании: «Мы вложили в Индокитай 52 миллиарда франков по курсу 1939 года, то есть 1000 миллиардов по курсу 1950 года. Естественно, что эти интересы должны охраняться».

И католический депутат потребовал новых налогов, новых расходов и новых французских жизней для колонизаторской войны, которую ведет сейчас французский империализм во Вьетнаме.

Во время второй мировой войны французские администраторы и заправилы Индокитайского банка рьяно сотрудничали с японцами, предавая и Вьетнам и Францию.

Вдохновленные великой освободительной борьбой Советского Союза против немецкого фашизма и японского империализма, патриоты Вьетнама самоотверженно сражались за свою свободу и независимость, против японских захватчиков. Никто не снабжал их оружием. Черчилли, трумэны и деголли рассыпались перед борющимися вьетнамцами в комплиментах, скрывая до поры до времени свою ненависть и страх перед освободительным движением колониальных народов.

Когда Советская Армия разгромила Германию и Японию, первыми выступили против вьетнамского народа английские колонизаторы. Пришедшее к власти лейбористское правительство решило «поддержать порядок» в этой части света и поручило это грязное дело.. японским милитаристам. Однако Эттли и Бевину пришлось отказаться от намерения захватить под шумок колонию французского союзника.

Во Вьетнам стали прибывать сначала деголлевские генералы и адмиралы, пока что без войск, с адъютантами и советниками. Генералы, адмиралы, советники и министры стремились затянуть переговоры с молодой республикой, они торговались, раздавали обещания, клялись и обманывали. Тем временем новое реакционное правительство переправило во Вьетнам достаточное количество войск, и тогда началась открытая война французских колонизаторов против вьетнамского народа.

* * *

Позорная, подлая война длится более трех лет — война рабовладельцев против свободных людей, война предателей против патриотов. Эту войну французская реакция вкупе с правыми социалистами пытается прикрыть ханжеским лицемерием, лживыми словами о «цивилизаторской миссии» Франции. Но эта ложь не может никого обмануть. «Грязная война» во Вьетнаме, как называют ее трудящиеся Франции, ведется за барыши Индокитайского банка, а в последнее время — за барыши Уолл-стрита.

Почему французские войска с помощью США не смогли справиться со сравнительно небольшим, почти невооруженным народом? На это есть три причины. Во-первых, беззаветный героизм вьетнамского народа, возглавляемого коммунистической партией и ее славным вождем Хо Ши Мином. Во-вторых, горячее сочувствие всех миролюбивых и свободолюбивых людей мира. В-третьих, непрекращающаяся борьба французского народа против несправедливой, хищнической войны во Вьетнаме.

Девяносто процентов всей вьетнамской территории освобождено народной армией.

Ныне оккупанты занимают только дельты двух рек — Красной и Меконга — и расположенные в этих дельтах города.

В оккупированных районах народ задавлен жесточайшим гнетом. Помещики, сдавая крестьянам землю в аренду, забирают себе до 70 процентов урожая. Вербовщики рабочей силы обманом заставляют голодающих людей подписывать контракты на несколько лет и отвозят их на такие работы, на которых человек никогда не доживает до конца своего срока. Деревенские богатеи покупают у родителей девочек в возрасте от 10 до 16 лет и потом перепродают их. Эта торговля открыто производится и в Сайгоне.

В дельтах двух рек, оккупированных французскими войсками, попрежнему 9 человек из 10 неграмотны. На каждую тысячу деревень полторы тысячи кабаков и десяток школ. Преподавание истории в школах доводится до царствования Людовика XVI: вьетнамцы ничего не должны знать даже о буржуазной революции во Франции.

Местные жители обязаны уступать дорогу белым. Солдаты экспедиционного корпуса безнаказанно убивают крестьян в деревнях, жгут деревни. Около каждого занятого оккупантами города — концентрационные лагери, в которых содержится более 30 тысяч человек. Со всяким, кто заподозрен в сочувствии республике, расправа коротка. Впрочем, не слишком коротка: предварительно арестованных подвергают самым невероятным пыткам, описание которых можно найти во французских газетах. Людей зарывают в землю, оставляя на поверхности голову, затем выпускают красных муравьев — они заползают в рот, в нос, в уши и в глаза жертвы и добираются в конце концов до ее мозга...

Велик счет вьетнамского народа к душителям его свободы!

* * *

Около двадцати лет назад в Гонконге был созван конгресс всех марксистских группировок Индокитая. Здесь они слились в единую коммунистическую партию. Виднейшим участником конгресса был немолодой уже вьетнамский революционер Нгуен Ай-куак. Он стал одним из руководителей новой партии, находившейся в подполье. Через три года полиция арестовала его в том же Гонконге. Затем он был освобожден. Вскоре распространился слух о его смерти. Но через девять лет, когда на антифашистском конгрессе, состоявшемся в Южном Китае, было принято решение о создании единого фронта борьбы с японцами, виднейшей фигурой этого конгресса снова оказался Нгуен Ай-куак, девять лет ведший подпольную работу. Теперь его зовут Хо Ши Мин.

На первых в истории Вьетнама свободных выборах народ избирает Национальное собрание, и первое же постановление этого Собрания кончается словами: «От имени всей представляемой им нации Собрание горячо благодарит временное правительство и заявляет, что президент Хо Ши Мин, поистине, достоин своей страны».

Оккупанты чувствуют себя на занятой ими территории очень непрочно. «Днем положение кажется одним, ночью—другим. Когда наступают сумерки, страна переходит в руки партизан»,— пишет английская «Манчестер гардиан», а «Сэнди таймс» конкретизирует: «французы отсиживаются на своих передовых заставах до вечера, а затем уходят в казармы, страшась темноты; и тогда в деревни приходят партизаны».

В эти дни самый популярный в народе лозунг: «Все для быстрейшего перехода к генеральному контрнаступлению!» Объединенный фронт народа мобилизует все силы на помощь армии и партизанским отрядам, прорвавшим недавно линии обороны французов во многих местах Южного и Центрального Вьетнама.

В освобожденных районах земля, принадлежавшая французам и предателям, распределяется между семьями беднейших крестьян и бойцов Народной армии. Из рабов, в лучшем случае из жалких издольщиков, крестьяне превращаются в хозяев своей страны. В ряде районов совершенно ликвидирована неграмотность, и нигде количество неграмотных не превышает 20 процентов. За пять лет открылись тысячи школ, школьники обучают чтению и письму своих родителей, а порою и дедов. В рядах Народно-освободительной армии неграмотных нет.

Народные воины храбры и выносливы. Их оружие разношерстное: японское, французское, английское, американское — кто бы из завоевателей ни побывал во Вьетнаме, ему приходилось что-нибудь оставлять в руках тех, кого он собирался покорить. Вьетнамские солдаты могут сутками, не двигаясь, без еды, сидеть в засаде, они без устали совершают длиннейшие переходы по непроходимым для европейцев джунглям. Но еще больше, чем эта выносливость, американских «специалистов» и французских военных удивляет то, что один корреспондент назвал «вдохновенной сопротивляемостью».

Буржуазным корреспондентам не понять, откуда они взялись после 80 лет беспрерывного угнетения, такие дисциплинированные, отважные солдаты.

Народ Вьетнама обрел наконец свободную родину, и никому не собирается отдавать ее. Когда Советский Союз признал Демократическую республику Вьетнам, весть об этом была сообщена в отряды Народной армии, которые вели бои. «Страна свободы признала нас детьми свободы!» — эта крылатая фраза облетела всех бойцов.

Народ Вьетнама достоин победы, и он победит!

Верен родине, верен народу

[redacted]

— Уэн Ван Сой получил звание Героя первой степени!

Глашатай опустил рупор, прислушался. На соседней вышке — за тридцать домов отсюда — его поняли. Тогда он снова приложил рупор к губам:

— Уэн Ван Сой первым ворвался в расположение французского поста.

— ...поста-а! — отдалось, как эхо...

От вышки к вышке передают глашатаи весть о подвигах героев освободительной войны.

Так народ узнал, что Уэн Ван Сой заколол пять солдат неприятеля, заставил замолчать французского пулеметчика и этим открыл дорогу батальону Народной армии Вьетнама.

Этим батальоном командовал молодой офицер Во Сон Винь.

Нам привелось встретиться с Во Сон Винем в Москве, где он остановился по пути из Вьетнама в Чехословакию, на второй конгресс Международного союза студентов.

— С Уэном мы большие друзья,— говорит молодой офицер.

Во Сон Винь развертывает перед нами карту Вьетнама.

— Мой друг Уэн отличился вот здесь,— говорит он и показывает на село, расположенное в центре страны.

На карте много городов и сел заштриховано красным карандашом: это районы, освобожденные доблестными солдатами Хо Ши Мина. Мы видим на карте и розовую штриховку — ее тоже очень много. Это районы партизан, где существует народная власть и где опасаются появляться солдаты французского экспедиционного корпуса. Здесь же, на карте, и белые пятна — города и села Вьетнама, все еще оккупированные чужеземными войсками.

...Батальон готовился к новой атаке, и Уэн Ван Сой сидел на корточках перед домом командира, чистил оружие и сочинял песню. В этой песне герой обращался к своему оружию:

Ты и я близкие друзья,
Мы вместе отправимся в бой,
И ты меня не предашь!..
Ты поможешь мне встретиться
С сыновьями.
Они сегодня в плену,
Но завтра будут свободны.
Они завтра будут свободны,
Мы победим и изгоним врага
С нашей родной земли...

Уэн еще раз спел эту песню, потом записал ее на листке бумаги и листок этот прикрепил к штыку.

Командир батальона долго рассказывает о своем боевом товарище. Чувствуется, что он любит его и гордится его солдатской отвагой, его поэтическим даром.

Мы просим Во Сон Виня рассказать и о себе. Он делает это спокойно и обстоятельно. Сейчас его родной город во власти врага. Отец его работал на заводе, а когда пришли оккупанты, он вместе с другими рабочими унес по тропинкам этот завод в горные леса.

— Как унес?

— На спине. И станки и инструмент рабочие перенесли в леса, в глубь страны. Теперь завод стал военным. Он выпускает оружие.

Во Сон Винь и солдаты его батальона — участники многих боев. Они дрались за Ханой, освободили Бокан.

До оккупации в этом городе было двенадцать тысяч жителей. Но когда солдаты французского экспедиционного корпуса начали наступление, почти все жители Бокана ушли в горы, и там родился новый город. Народный совет не прекращал своей деятельности. Незадолго до освобождения Бокана Во Сон Винь был вызван к генералу. Здесь были и офицеры из других частей. Они тщательно разработали план штурма.

И вот Бокан свободен!

Народный совет в полном составе вернулся с гор. Вслед за ним вернулись и жители. Они по узким тропинкам, не зная сна и отдыха, шли в родной город. Они торопились: хотели скорее встретиться со своей Народной армией и поблагодарить ее.

— Жители пришли в город с национальными флагами республики и портретами Хо Ши Мина,— рассказывает Во Сон Винь. — Они на улицах готовили пищу и подносили нам в глиняных горшках сладкий суп, рис и фрукты. Мы брали эти подарки: как можно отказать, когда подарок от чистого сердца! Женщины целовали нас и плакали от счастья, а дети пели песню о президенте Хо Ши Мине и песню о героизме его солдат.

Президент Демократической республики Вьетнама Хо Ши Мин.

Когда батальон Во Сон Виня ворвался в Бокан, город был пуст. Многие дома французы разрушили и сожгли. Город, живописно расположенный на трех холмах, казалось, никогда не оживет. У подножья каждого холма и на многих улицах французские солдаты оставили десятки и сотни мин. Солдаты Народной армии удаляли мины. У всех на устах снова было имя Уэн Ван Соя. Вынося из дома мину он кланялся хозяевам, ожидавшим его у входа, и говорил: «Теперь заходите».

Прошло немного времени после освобождения Бокана — и города не узнать. Народный совет восстановил разрушенные дома. Пущены фабрики, работают мастерские, на пепелищах вырастают новые жилища.

В боях за Бокан Народно-освободительная армия захватила много пленных. Среди них были не только французы и сенегальцы, но и бывшие эсэсовцы, привезенные сюда из Западной Германии.

ШЕСТЬ КУСКОВ СЫРА

Во Сон Винь снова наклоняется над картой и отыскивает на ней кружок, закрашенный розовым карандашом.

— Вот здесь,— говорит он,— в расположении французского экспедиционного корпуса партизанит мой друг.

Во Сон Винь откидывается на спинку кресла и в первый раз широко улыбается.

— Я посмотрел на это розовое пятно — партизанский район — и вспомнил Сау Дау,— объясняет он.— Сау Дау — знаменитый партизан. Но мало кто в стране знает это его настоящее имя. Чаще всего Сау Дау зовут Шесть Кусков Сыра.

— Как?

— Шесть Кусков Сыра. Дело в том,— поясняет Во Сон Винь,— что Сау Дау в последнее время специализировался на подрыве воинских поездов. Каждый раз, отправляясь к железной дороге на диверсию, он берет с собой мину, маленькую бутылочку вина и большой кусок сыра.

Наметив место для диверсии, Сау Дау подкладывает мину и отползает от железнодорожного полотна. Он прячется где-нибудь в кустарнике и поджидает поезд. Иногда ему приходится ждать очень долго. Тогда он и начинает есть свой сыр. Приближается поезд, и Сау Дау зажигает шнур. Так он взорвал шесть поездов и съел в ожидании шесть кусков сыра.

Глашатаи, передававшие с вышек новости, рассказывали о подвиге Сау Дау. Но случилось так, что один из глашатаев, не расслышав имени, не знал, как назвать партизана. А народ требовал подробностей. И тогда глашатай назвал партизана Шесть Кусков Сыра.

С тех пор все называют Сау Дау — Шесть Кусков Сыра. Его называют так, хотя он взорвал с тех пор много других поездов...

ВСТРЕЧА С ХО ШИ МИНОМ

Перед самым отъездом в Прагу на конгресс Международного союза студентов Во Сон Винь был назначен начальником штаба полка.

Он получил из рук генерала это новое назначение, и смешанное чувство радости и огорчения охватило его. Шутка сказать, начальник штаба полка! Это было признанием его боевых заслуг, свидетельством его быстрого роста. Конечно, он был очень и очень горд. И в то же время ему было жаль расставаться с батальоном, в котором он прослужил пять лет. Жаль было расставаться с Уэн Ван Соем и с другими братьями по оружию, с которыми он делил радости и горести боевых походов.

Молодой офицер еще не привык к своей новой роли — начальника штаба полка, и чувствуется, что здесь, в Москве, вдали от родины, его не покидает мысль о родном батальоне.

Во Сон Винь вынимает из полевой сумки альбом. Там много снимков. По ним можно проследить всю его жизнь. Вот невеста Во Сон Виня, а вот его брат. На другой странице — бойцы его батальона и, конечно, рядом с командиром — Уэн Ван Сой, Герой первой степени.

На почетном месте в альбоме мы видим портрет президента Демократической республики Вьетнама Хо Ши Мина.

— Вы когда-нибудь встречались с президентом?

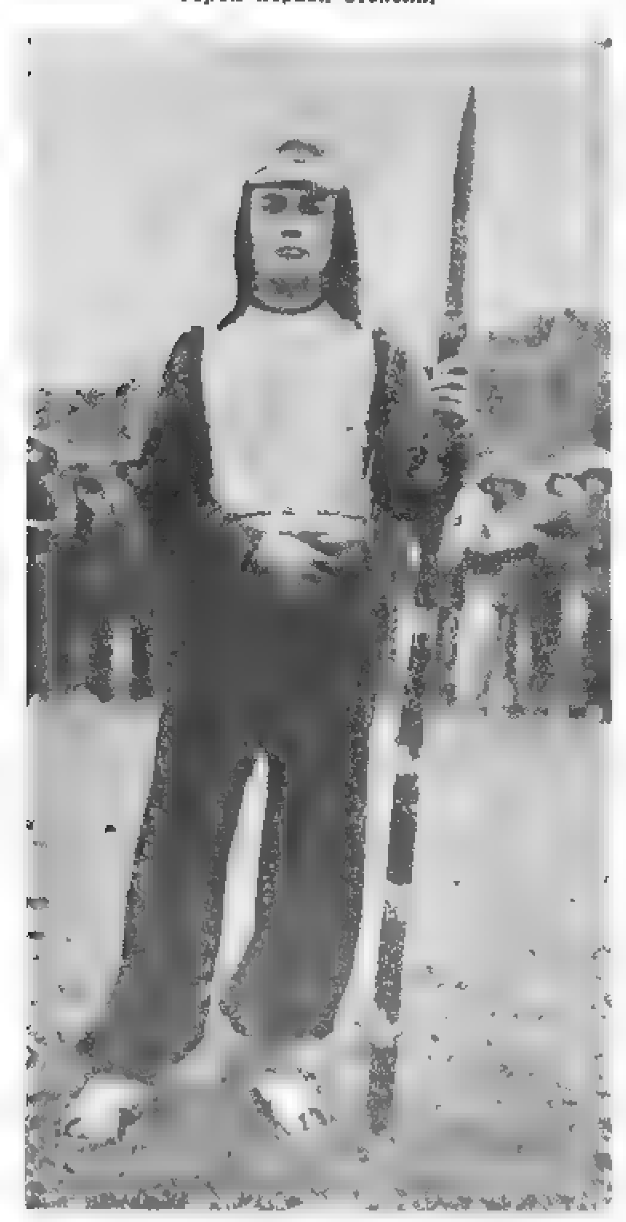
— О да! — отвечает Во Сон Винь, и лицо его светлеет.— Я даже с ним разговаривал. Это было в военной школе. Я учился в школе офицеров, когда к нам приехал Хо Ши Мин. Я расскажу сейчас об этом. Но прежде два слова о том, почему весь борющийся Вьетнам так предан Хо Ши Мину и так горячо его любит. Наш президент — человек чрезвычайно простой, душевный, очень смелый и мудрый. В нем олицетворено все лучшее, что есть в нашем народе.

На всех заводах и фабриках, во всех школах Вьетнама взрослые, юноши, дети лучшее, что у них есть, дарят Хо Ши Мину. Осваивает, например, завод новый вид оружия и лучший образец посылает Хо Ши Мину. Или выпущена новая хорошая ткань, и она посылается в дар Хо Ши Мину. И к каждому подарку прилагают письмо, в котором рабочие и крестьяне обещают еще лучше работать для победы, а школьники — еще лучше учиться.

Во Сон Винь — офицер Народной армии.

Хо Ши Мин передает все эти подношения лучшему солдату, лучшему партизану или лучшему рабочему. При этом он тоже пишет письма. Часто приходит такой подарок от президента в армию. И вот командарм в торжественной обстановке вручает подарок и письмо Хо Ши Мина самому храброму солдату...

Уэн Ван Сой – боец Народной армии Вьетнама – Герой первой степени.

Да, я хотел рассказать о том дне, когда первый раз увидел нашего президента. Он приехал в школу и говорил с нами о государственных делах. Он рассказывал о том, с какой симпатией французский рабочий класс и все прогрессивное человечество относятся к нашей борьбе за свободу и независимость Вьетнама. Он говорил о наших задачах и о тех трудностях, которые нам еще предстоит преодолеть. Он как бы заглядывал в завтрашний день нашей страны, и этот день нам представлялся прекрасным.

Хо Ши Мин подошел ко мне, подал руку и спросил, как меня зовут. Я ответил. Тогда он спросил: «Для чего вы поступили в эту школу?» Я сказал: «Для того, чтобы научиться хорошо воевать и быстрее прогнать врагов с нашей вьетнамской земли». В тот день Хо Ши Мин напомнил нам о девизе, написанном на знамени офицерской школы: «Верен родине, верен народу».

— Пусть эти слова всегда ведут вас вперед,— сказал президент и вместо прощального приветствия повторил: — Верен родине, верен народу!

Во Сон Винь много думал об этой встрече. Он написал письмо в свою родную деревню на севере Вьетнама, сегодня еще занятую врагом. Это письмо было адресовано его невесте, и его должны были отнести к ней партизаны. За этой девушкой уже давно охотятся оккупанты. Они знают, что она работает где-то на севере Вьетнама, что перед самым приходом вражеских солдат она руководила эвакуацией женщин, детей и стариков в горы. Они знают также, что эта девушка сейчас возглавляет подпольный женский союз, помогающий Народно-освободительной армии.

— Мы не виделись с ней с 1945 года,— говорит Во Сон Винь,— с тех пор, как я оставил учебу в университете, чтобы начать службу в армии. Пять лет... Но мы регулярно переписываемся. Верные товарищи доставляют нам вести друг от друга.

Такие вышки можно увидеть во всех деревнях освобожденного Вьетнама.

ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ!

— Весть о том, что американские империалисты начали открыто вмешиваться во внутренние дела нашей республики, что они посылают оружие и деньги французским оккупантам, была встречена Народной армией и всем вьетнамским народом с глубоким негодованием.

Так говорит Во Сон Винь.

Для полка, где он служит, нынешнее лето было наполнено напряженной учебой. В свободные часы солдаты помогали крестьянам убирать урожай или строить новые дома. Уэн Ван Сой собрал группу неграмотных и обучал их чтению и письму...

В жаркий летний день, когда полк, построив точно такие же укрепления, какие строят французы, учился их штурмовать, в поле, где шли учения, прибежал посыльный. Он вручил Во Сон Виню телеграмму. В ней говорилось: «Генерал разрешает вам выехать в Прагу на Конгресс студентов».

В тот же вечер друзья собрались на квартире начальника штаба полка, чтобы проводить его в далекий путь.

— Ты все посмотри как следует и все запиши, чтобы потом, вернувшись, рассказать нам!

На следующее утро Во Сон Винь сел на велосипед и направился в город, где находится Центральный комитет Союза демократической молодежи Вьетнама. Отсюда он выехал в Чехословакию.

И вот сейчас он задумчиво смотрит на карту своей страны. Быть может, он думает о невесте и сестрах. А может быть, ему представляются сейчас картины боев на Севере, где он родился и вырос...

Мы спрашиваем:

— Знает ли народ Вьетнама о подвигах французских докеров, отказывающихся перевозить оружие для «грязной войны»?

Этот вопрос выводит нашего собеседника из задумчивости.

— Конечно! Мы очень признательны простым рабочим Франции за их братскую солидарность,— говорит он.— Часто от вышки к вышке передаются имена храбрых докеров Марселя, Тулона, Ла Рошели, докеров, которые предпочитают голодную смерть работе на войну с Вьетнамом.

Во Сон Винь подходит к окну и открывает его. В комнату врывается шум московской улицы. Молодой вьетнамский офицер смотрит вдаль, на широкую оживленную площадь, на Спасскую башню Кремля и ее большие часы. Наверное, они что-то напомнили ему, эти часы, потому что вдруг, энергично повернувшись ко мне, он взволнованно говорит:

— Никогда, никогда я не забуду тот вечер, когда услыхал по радио о том, что ваша великая страна признала мою республику. Мы были очень и очень счастливы и, казалось, стали сильнее. В тот вечер мы не могли оторваться от приемника и ловили каждое слово, а потом услыхали бой часов... Этих!

— Да, этих.

Он говорит, что представлял их себе именно такими, и потом снова в своих мыслях переносится на родину.

Пять лет назад волей народа в огне боев родилась Демократическая республика Вьетнам. Враги рассчитывали, что тяжелая война и голод сломят волю народа. Но свободный народ самоотверженно преодолевает все трудности борьбы. Его победа близка, потому что каждый вьетнамец верен родине, верен народу.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Из цикла «Слава миру»

АННА АХМАТОВА

ПЕСНЯ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети, как голубь мира,
О песня звонкая моя!
И расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей Отчизне человек.
Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей!
Всех вас у дальнего порога
Ждут очи ласковых друзей.
Лети ж в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

30 ИЮНЯ 1950

Бессмертен день, когда одною грудью
Страна труда восстала против зла
И молвила:
—Я подлому орудью
Не дам творить бесчестные дела.
Кто хартию Стокгольмскую подпишет
И кто бороться до конца готов,
Он в этот миг великий зов услышит —
То эхо миллионов голосов,—
Оно к своим врагам неумолимо,
Оно не замолчит и не простит,
А каждое подписанное имя,
Как новый шаг по верному пути.

1950 ГОД

Пятидесятый год — как бы водораздел,
Вершина славного, невиданного века,
Заря величия, свидетель мудрых дел,
Свершенных волей человека.

Там — в коммунизм пути, там юные леса,
Хранители необозримой шири,
И дружеские крепнут голоса,
Сливаясь в песнь о вечном мире.

А тот, кто нас ведет дорогою труда,
Дорогою побед и славы неизменной,—
Он будет наречен народом навсегда
Преобразителем вселенной.

С САМОЛЕТА

I

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз, я на нее,
На Родину, глядела,
Я знала: это все мое,
Душа моя и тело.

II

Как мой лучший день, я отмечу
День, когда о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

III

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома, ужели дома!
Как все ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

* * *

Прошло пять лет — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя, и русские поляны
Давно полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят;
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел,— там ныне мирный трактор,
Где выл пожар,— благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью,— зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки,—
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала и могучей и свободной,
Страна моя! Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ

Чей дух извечно молодой
Над этим краем веял,
Пустыню напоил водой
Прохладною
и золотой
Пшеницею засеял!..

Там, где, рождаясь, суховей
С тупым упорством дул,
Сжигая дальний цвет степей,—
Там легонькая тень ветвей,
Черкез и саксаул.

Цветут хлопковые поля
И великаны тополя,
Где птица не летала.
Чья воля провела канал
Там, где верблюд изнемогал
И вихрь песчаный заметал
Иссохший труп шакала!

СЕВМОРПУТЬ

Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда ничьи не шли следы,
Где замерзала ртуть,
Под северным сияньем,
Где не видать ни зги,
Под злобным завываньем
Неистовой пурги —
Вернейшей изо всех дорог
Корабль доверив свой,
Не ослабел, не изнемог
Тот разум огневой.

Илья Вылко

Далеко в Арктике лежит остров Новая Земля. Холодные воды северных морей омывают его скалистые берега, кругом громоздятся тяжелые полярные льды. Быстро проходит здесь лето и долго тянется темная полярная зима с пургой и метелями.

Председатель Островного совета И. К. Вылко — человек, хорошо известный на Севере. В молодости он много путешествовал вдоль побережья Новой Земли (кстати, ему принадлежит одна из первых карт острова) вместе с известным полярным мореплавателем Владимиром Русановым. В одной из своих книг, вспоминая о ненце И. К. Вылко, о том, как он в продолжение трех лет занимался съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли, прославленный исследователь Арктики писал: «Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к Северу, терпел лишение голодом. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. Бесконечное число раз рисковал Вылко своей жизнью, для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой закоченевшие руки, Вылко чертил карты во время самых опасных сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни и ртуть становится твердой, как сталь».

В. Русанов говорил о Вылко, что он «читает книгу природы так же, как мы читаем книги и газеты...»

Но только при советской власти развились и получили признание разносторонние таланты этого замечательного человека. Илья Константинович — не только бессменный «президент» Новой Земли, он в то же время путешественник, художник, сказитель, исследователь.

Несмотря на свои 63 года, И. К. Вылко — активный член Всесоюзного географического общества. На заседаниях Общества в Архангельске были заслушаны его доклады о первых ненецких мореплавателях, ненецком фольклоре. Он выступал также как блестящий сказитель и переводчик. Память старого ненца хранит сотни былин, сказаний, песен о своем народе. В Архангельске Вылко пропел былину «Ерсалню» в 2 тысячи строк — о ненецкой родовой войне. Сказитель знает много старинных песен об отважных ненцах-мореходах, о вожаках тундровой бедноты.

Одну из своих любимых песен председатель Островного совета посвятил своему учителю и другу, полярному исследователю В. Русанову.

«Целое лето, — говорит Вылко, — вместе с Русановым я веду на судне 10 человек русских. Целое лето среди тяжелых пловучих льдов у меня была хорошая дружба с русским Русановым. Целое лето двухмачтовое судно и неумолчный стук мотора. Хорошая дружба была с русским Русановым. У нас было две головы и одно сердце».

В этом году Архангельский областной комитет радиоинформации впервые записал на пленку песни, сложенные ненецким сказителем. В одной из своих былин И. К. Вылко говорит:

«Из года в год бывает весна,
Лето бывает тоже.
Осень, срастаясь с зимой,
На смену лету приходит.
Не вернется лишь старая жизнь,
И незачем ей возвращаться.
Другая жизнь наступила,
Радость в чумы с ней пришла,
И песня другая звучит
Веселая и боевая».

И БРАГИН

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Две книги эстонского писателя

Освальд Тооминг пришел в художественную литературу из газеты. Возможно, этим объясняется его особенная зоркость ко всему новому, чем богат каждый день советской действительности в Эстонии.

Повесть «Новые люди», опубликованная два года назад, построена на материале, показывающем борьбу за дальнейшее развитие сланцевой промышленности в республике. Новая книга писателя, «Зеленое золото», вышедшая в начале 1950 года, о передовых людях Эстонии, властно взявшихся за переделку природы. И в той и в другой книге автор обнаружил умение отобрать из событий окружающей жизни такие, в которых с наибольшей полнотой сказалось новое, творческое отношение человека к труду, принесенное победой социализма.

Повесть «Новые люди» была первым художественным произведением О. Тооминга. Автор задался целью показать, что для советских людей, проникшихся сознанием государственной важности выполняемого ими дела, нет непреодолимых препятствий или непобедимых трудностей.

На сланцевых промыслах стало заливать водой одну из самых богатых шахт. Подземная река, каких немало в болотистых почвах Эстонии, ринулась через пробой в штрек. Угроза аварии нависла над промыслом. Малодушные, ленивые или робкие люди, относящиеся к труду как к повинности, а не как к творчеству, готовы сложить руки. Их мнение таково, что надо бросать шахту. Но парторг Палу и старый шахтер Папп предложили другой план: вырыть в соседней низине канал ниже уровня подземных вод и отвести воду в реку.

Сюжет повести построен на борьбе этих двух мнений, двух разных начал — отсталого и новаторского. План главного инженера Келлика, советующего бросить шахту, отвергнут. Восторжествовал большевистский план Палу — Паппа.

В процессе осуществления плана росли и мужали люди, обретая в себе новые черты социалистического человека.

Та же тема всепобеждающей силы социалистического труда решается и в романе «Зеленое золото». На лесные разработки, где привык себя чувствовать хозяином внутренне равнодушный к делу строительства социализма карьерист Осмус, пришел новый лесничий — Реммелгас. В годы войны он боролся в рядах Советской Армии за социалистическую Эстонию. Посланный партией в лес, он и в свою мирную профессию лесничего принес фронтовые навыки.

Первым делом Реммелгаса было произвести своего рода «разведку» — определить ценность людей, с которыми ему предстояло работать. Он встретил многих честных работников, горячо любящих свое дело и готовых самоотверженно трудиться на благо молодой советской Эстонии. Именно таков чудаковатый нелюдим лесник Михкел Нугис, поначалу недоверчиво встретивший нового лесничего.

Такова дочка Нугиса Аннемари, которая в дни фашистской оккупации Эстонии так горячо верила в конечную победу Советской Армии, что взамен вырубаемого оккупантами леса производила новые посадки. Таков председатель колхоза «Тулевик» Ханс Тамм, озабоченный одной мыслью: осушить побольше болот и расширить колхозные посевы.

Такова прямая и резкая Хельми Кирика, участковый мастер лесопункта. Она встретила было в штыки предложение нового лесничего о переносе лесоразработок на отдаленные участки. Однако, преданная своему делу, Кирика скоро поняла правильность позиции Реммелгаса, думающего не только о выполнении текущего плана лесозаготовок, но и об умножении лесных богатств республики.

Подобно тому как в «Новых людях» писатель избрал фигуру маркшейдера Тоома для показа преобразующей силы социалистического труда, так в «Зеленом золоте» для той же цели им выведена фигура слабого, но честного Питкасте. Саботажники и вредители, вроде Осмуса, для которых появление Реммелгаса было помехой, так как грозило сорвать их коварные планы, надеялись, что Питкасте окажется покорным орудием в их руках и поможет им дискредитировать лесничего. Но они просчитались. И не только потому, что Питкасте сумел проявить и прозорливость и честность, став союзником и помощником Реммелгаса. Враги просчитались и потому, что Реммелгас не одинок. За его плечами стояли честные люди, любящие свою республику и желающие ей счастья. Бесценно «зеленое золото» Эстонии, ее леса, говорит автор своей книгой, но во много раз ценнее главное богатство страны — советские люди.

Книги О. Тооминга написаны поэтично и правдиво. Жаль только, что сюжетное построение их несколько однообразно. В обоих произведениях враг, надевший личину советского специалиста (в «Новых людях» Келлик, Осмус в «Зеленом золоте»), задумал диверсию, чтобы сорвать план, ведущий к укреплению хозяйства республики. И честный, хоть и слабый человек, имевший в прошлом ошибки (П[illegible] золоте», Тоом в «Новых людях»), помогает разоблачить врага.

Хотелось бы и большей полноты в обрисовке отдельных персонажей. В развитии действия «Зеленого золота» парторг Рястас должен играть гораздо более значительную роль, чем ему отвел автор.

Все же мы вправе отнести обе разбираемые книги к достижениям молодой советской литературы Эстонии. В повестях и романах О. Тооминга, так же, как в драматургии А. Якобсона, как в романе Ганса Леберехта «Свет в Коорди», торжествует социалистическая идея, показан нынешний, счастливый день Эстонской республики.

Петр СКОСЫРЕВ

«НОВЫЕ ЛЮДИ». «Дружба народов» № 18. Москва. 1948.

«ЗЕЛЕНОЕ ЗОЛОТО». Эстонское Государственное издательство. Таллин 1950. 366 стр.

Пирровы победы генерала Макартура

Хотя американский писатель Джон Уивер в своем романе «Пиррова победа» рассказывает о событиях 1932 года, книга его злободневна. Ее герой — нынешний кумир американского империализма генерал Макартур, бомбами насаждающий «демократию» в Корее.

Автор описал события, взятые из самой жизни: поход безработных ветеранов, участников первой мировой войны, в Вашингтон летом 1932 года и кровавую расправу, какую учинил над ними Макартур. Сила романа — в обличении этого гнусного преступления американских империалистов, в документальной точности повествования. Слабость романа — в том, что автор смягчил остроту и напряженность политической борьбы между ветеранами и правительством Гувера. Но, несмотря на эти недостатки, роман дает яркую картину противоречий между «конституционными правами» американских граждан и действительной «конституцией доллара» США.

«Согласно конституции, мы, как американские граждане, имеем полное право собраться и мирно просить наше правительство, чтобы оно удовлетворило нашу просьбу», — так обосновывали ветераны свой поход в Вашингтон за пособием. Еще в 1924 году конгресс решил выдать это пособие всем демобилизованным участникам первой мировой войны, но отсрочил выплату до... 1945 года. И вот измученные страшным кризисом, разразившимся в 1932 году, безработные и голодные ветераны потребовали, чтобы пособие было выдано им немедленно. А так как сенат и президент Гувер решительно возражали против этого, то ветераны организованными отрядами двинулись со всех концов страны в столицу, чтобы поддержать свое требование мирными, законными средствами.

С одним из таких отрядов прибыл в Вашингтон и центральный герой романа — безработный журналист Парк Хойт с женой и маленькой дочерью. «За восемь дней они проделали шестьсот миль: ехали в товарных вагонах, шли пешком, тряслись на битком набитых грузовиках». Пыль пяти штатов покрывает их, когда они попадают в так называемый «гуверавилль»[1] — в лагерь из землянок, фанерных хижин, дырявых палаток, расположенный на окраине Вашингтона, рядом с городской свалкой. Это искусно выбранная полицией западня: лагерь окружен рекой Анакостией, дренажной канавой, высокой земляной стенкой и холмом, откуда все пространство отлично простреливается.

Хойт ответил это, взобравшись на холм: оттуда ему «были видны две свалки: одна, та, что впереди, предназначалась для всякого хлама, другая, позади, — для людей».

Десять тысяч ветеранов устроили шествие по улицам Вашингтона, чтобы оказать давление на сенат и Гувера. Шли те же самые люди, которые проходили парадом по той же широкой Пенсильвания-авеню тринадцать лет назад. Тогда они были национальными героями», вернувшимися с войны, и для них не скупились на цветы, приветствия и обещания... А теперь это были «старые, усталые и забитые» люди со свалки, «куча нищих», выстроившихся в очереди за бесплатной похлебкой.

Шествие не произвело, конечно, никакого впечатления на сенат. Ветераны прибегли тогда к другим средствам конституционной борьбы за свои законные права.

Вот один из ветеранов вырыл могилу и лег в нее, решив выйти оттуда лишь тогда, когда сенат постановит выдать пособие. Сквозь опущенную в могилу трубу можно с ним разговаривать, и расфранченные дамы из города наслаждаются небывалым ощущением: за несколько центов они беседуют с обитателем могилы. Наслаждение во вкусе американской буржуазии...

Вот «марш смерти»: вокруг здания Капитолия (где помещается конгресс) безостановочно шагает вереница изможденных, похожих на скелеты людей. «Это были остатки отряда, проделавшего четырехнедельный поход из Калифорнии через всю страну: из трех тысяч участников этого похода до места добралось только пятьсот... Тех, кто падал от истощения, увозили в дежуривших поодаль санитарных машинах. Все они, казалось, едва держались на ногах, но медленное, упорное движение не прекращалось».

На Уолл-стрит процессия не оказала никакого действия: сенат, ассигновавший 2,5 миллиарда долларов на «пособия» банкам и концернам, отверг предложение об отпуске 2,4 миллиарда на выдачу пособий ветеранам.

Гуверу этого мало. Перед президентскими выборами (в ноябре 1932 года) ему потребовалось эффектное, импонирующее Уолл-стриту проявление силы. Ему нужна была кровавая баня для ветеранов... Он призывает в Белый дом министра юстиции Митчелла, военного министра Харли и начальника генерального штаба армии Макартура.

«Мы не можем терпеть попрания конституционных прав со стороны тех, кто готов ниспровергнуть правительство», — заявляет Гувер, сам попирая конституцию... Он предписывает подавить «мятеж» вооруженной силой, и в действие вступает Макартур.

Джон Уивер рисует этого генерала таким, каков он есть на деле: «храбрым победителем» безоружных людей, лгуном, хвастающимся «подвигами», каких не было. В 1945 году американская печать писала, что Макартур окружает себя «пропагандистским цирком» и, сообщая о военных действиях против японцев, дурачит общественное мнение «фантастическими преувеличениями».

Так было и в 1932 году. Макартур обставил гнусную расправу с безоружными людьми, как эффектный спектакль. Он сосредоточил в Вашингтоне батальон пехоты, эскадрон кавалерии, танковый взвод, пулеметную роту, разведывательную авиацию и стянул крупные резервы вблизи Вашингтона. В июльское утро «операция» началась на углу Пенсильвания-авеню и Третьей улицы, где ветераны занимали, с разрешения полиции, полуразрушенные правительственные здания.

Сперва полиция спровоцировала столкновение, убив одного и смертельно ранив другого ветерана. После кровавой прелюдии в действие вступил Макартур со своим воинством... Он ехал в лимузине. На нем был роскошный мундир, пестревший орденскими ленточками.

«Военные действия, — рассказывает в своем романе Джон Уивер, — развертывались строго по плану, по всем правилам высшей стратегии; это была классическая учебно-показательная операция: пехота наступала с востока, кавалерия — с запада. Кавалеристам предстояло разметать бунтовщиков, загнать их в боковые улицы, после чего гигантские клещи должны были сомкнуться: подоспевшая пехота, преследуя неприятеля по пятам, изгоняла его из города».

А корреспондент Ассошиэйтед пресс непосредственно «с поля боя» телеграфировал:

«Разыгрываются сцены, напоминающие поля сражений в 1918 году, когда солдаты шеренгами проходили через разрушенные здания».

Они штыками, прикладами, слезоточивыми бомбами выгоняли ветеранов из развалин, поджигали дома и теснили голодных, измученных людей все дальше и дальше на окраины города.

Храбрый Макартур послал в Белый дом реляцию о том, что «бой в своей первоначальной стадии протекает вполне успешно и исход его не вызывает больше сомнений». Действительно, битва на Пенсильвания-авеню была быстро и без потерь выиграна Макартуром, и он доносил в излюбленном стиле хвастуна-фанфарона: «Бунтовщики... дрогнули перед сокрушительной мощью наших сил, несмотря на то, что численное превосходство противника равнялось пяти—шести к одному». Этот новоявленный Мальбрук забыл прибавить, что против танков и бомб «противник» располагал лишь кулаками и кирпичами.

Ночью Макартур лично «возглавил» вторую, и последнюю, операцию — против лагеря ветеранов на берегу Анакостии. Солдаты подожгли палатки и хижины, в которых находились женщины и дети, штыками и бомбами выгнали их на дорогу и погнали во тьму, вон из столицы.

«Языки пламени еще полыхали, тревожа полночный мрак, и толпы бездомных людей текли по улицам Анакостии, по отлогим холмам Мэриленда, а генерал Макартур и министр Харли уже позировали перед фотоаппаратами корреспондентов, и репортеру одного из еженедельников довелось услышать восторженные восклицания военного министра:

— Это величайшая победа! Мак славно поработал! Сегодня он герой дня»

Вот такие же точно победы над мирными людьми одерживает теперь «герой дня» Макартур в Корее: его бомбы падают на дома отдыха, больницы, поликлиники, школы, убивают детей и женщин, стариков и больных. Правда, на полях сражения Макартур и его воинство терпят поражения, бегут, зачастую бросая свои мундиры и даже штаны... Но это не в диковинку для Макартура: ведь и в 1941—1942 годах он был разбит на Филиппинах и, бросив остатки своей армии на произвол судьбы, поспешно бежал...

Эпиграфом к роману Джон Уивер поставил известные слова полководца Пирра после битвы при Аускуле в 279 году до нашей эры: «Еще одна такая победа — и мы погибли»

«Победы» Макартура в 1932 году в Вашингтоне, бомбардировка мирных городов и сел Кореи в 1950 году — это единственные «победы», на которые способен американский империализм. Они предвещают его неизбежную гибель.

М. ГУС

Джон Уивер. ПИРРОВА ПОБЕДА. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. Москва 1950. 274 стр.

[1] Иронически — город Гувера.

В Сокольническом парке культуры и отдыха (Москва).

Фото В. Жилина

Ваятель Горда

Ваятель Горда — народный артист Грузинской ССР, лауреат Сталинской премии В. Чабукиани.

Ирема (артистка В. Цигнадзе) с сыном Бадри (Л. Холозов).

Фото М. Квирикашвили

Визирь Мамия (заслуженный артист Грузинской ССР, лауреат Сталинской премии З. Кикалейшвили) и царевна Ирема (лауреат Сталинской премии артистка В. Цигнадзе).

Одной из самых интересных постановок в нынешнем году в Тбилиси был балетный спектакль «Горда» на сцене Театра имени З. Палиашвили.

Все содействовало удаче этого спектакля: мелодичная музыка молодого композитора Д. Торадзе, сюжетно-насыщенное либретто, написанное О. Эгадзе и В. Чабукиани, высокое мастерство постановщика В. Чабукиани, богатое красками оформление художника П. Лапиашвили, слаженный ансамбль исполнителей.

Тема либретто, заимствованная из легенд средневековья, получила на сцене театра почти современное звучание. «Прекрасно оружие, когда справедлива цель, во имя которой оно обнажено» — эти шекспировские строки могли бы послужить эпиграфом к спектаклю «Горда», в котором люди отважно борются во имя любви и верности, за независимость и честь народа.

Молодой скульптор Горда с увлечением высекает в скале образ любимой им грузинской царевны Иремы. Для нее он подстреливает на лету орла, унесшего в когтях сокола. Ирема отдает свое сердце художнику и смелому воину.

Девушка Джавара, оскорбленная и отвергнутая Гордой, становится смертельным врагом ваятеля и его избранницы.

Так начинается спектакль.

Дальше история трех становится историей народа. Послы арабского халифа являются требовать Ирему в жены своему господину. Горду отправляют к халифу, чтобы сообщить ему об отказе. Разгневанный властелин приказывает убить посла, но в завязавшейся схватке сам смертельно поражен. Арабы начинают готовиться к походу на Грузию.

Вернувшись в родной край, Горда становится счастливым мужем Иремы. Но радость их недолгая. Обрушилась крепость — оплот страны. Ставшая прорицательницей, Джавара требует замуровать в стену вновь возводимой крепости ребенка Горды и Иремы, маленького Бадри, утверждая, что это сделает цитадель несокрушимой.

Использовав внезапное вторжение арабов и растерянность горожан, Джавара пытается сама замуровать ребенка в крепостную стену. Горда в жестоком бою побеждает арабов, которые складывают оружие. Не удалась и месть Джавары. Ликующий народ снова возвращается к мирной жизни.

Центральную роль в спектакле исполняет В. Чабукиани. Выдающийся артист и постановщик, он отлично владеет искусством сценического действия. Характер своего героя, его чувства, мужество и преданность родине, он убедительно выявляет в танце и пантомиме.

В. Чабукиани вырастил талантливую молодежь. Много прелести в Ireме (В. Цигнадзе) — хрупкой и нежной девушке. В ее танцах, в каждом движении тонкий и выразительный рисунок, чистота формы.

Сложную роль Джавары, сначала пылко влюбленной, беззаботной и юной, затем прославленной вещуньи, подчиняющей своей воле людей, с успехом проводит молодая артистка И. Алексидзе. Яркий образ Мамия — соперника Горды — создал артист З. Кикалейшвили. Тщательно отделаны все эпизодические роли. Трогателен маленький Бадри (Л. Холозов). Великолепны в спектакле массовые сцены.

В музыке балета широко использованы национальные мотивы. В этом заслуга композитора Д. Торадзе. Композитору одинаково удались и героические и лирические темы.

Художник П. Лапиашвили хорошо владеет культурой оформления; его декорации и костюмы гармонируют с общим тоном постановки, красочной и нарядной.

Спектакль «Горда» показывает большие возможности нашего советского балетного искусства, стремящегося создавать реалистически правдивые музыкальные и хореографические образы.

Следует пожелать чудесному художнику В. Чабукиани и талантливому балетному коллективу Театра имени Палиашвили новых работ, непосредственно отражающих жизнь нашей великой эпохи.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ,
народная артистка Грузинской ССР,
лауреат Сталинской премии.

НОВОЕ в жизни театра

Премьера в Куйбышевском театре имени Горького

Куйбышевский государственный драматический театр имени Горького недавно показал премьеру пьесы С. Маранча «Путь в грядущее». В прошлом году этот театр был удостоен Сталинской премии за спектакль «Крепость на Волге» И. Кремлева, в котором впервые в истории советской сцены воссоздан образ Сергея Мироновича Кирова. Ныне здесь снова поставлена пьеса, родившаяся в тесном содружестве автора с театром и впервые увидевшая свет рампы в Куйбышеве. Это пьеса на значительнейшую тему нашего времени — тему стахановского движения. И в ней получил воплощение образ Серго Орджоникидзе, сталинского наркома, одного из крупнейших деятелей партии.

В репертуаре театра Шекспир и Горький, Франко и Островский, Симонов и Суров. В труппе театра опытные, известные мастера З. Чекмасова, В. Бурэ, Н. Колесников, Г. Шебуев, В. Кузнецов, А. Чалый, способные молодые артисты А. Дерябина, Н. Кузьмин, Л. Сергеева, Н. Озеров, А. Кулагин и другие. Главный режиссер театра, лауреат Сталинской премии М. Гершт, — вдумчивый и взыскательный руководитель. Но главное достоинство театра — это его инициатива в создании нового репертуара.

Пьеса Маранча «Путь в грядущее» рассказывает о прошлом. Ее события относятся к годам гражданской войны, а финал — к концу второй сталинской пятилетки. И, тем не менее, спектакль смотрится как сценическая повесть о людях наших дней.

Как достигли этого драматург и театр? Лучшие образы спектакля дают на это исчерпывающий ответ.

Образ Серго Орджоникидзе — самая большая удача постановки. Поразительно портретное сходство, которого достигает артист В. Бурэ. Но еще более значительно глубокое проникновение актера в духовный мир человека, мудрого и энергичного, уверенного и волевого, беспредельно преданного партии, народу, Сталину, человека, каким знали Серго все советские люди. Веско, убежденно и просто звучит каждая реплика артиста. Орлиный взор проницателен и ясен. Жесты сдержанны и выразительны, движения свободны и легки. Кажется, что перед нами живой Серго, вдохновенный и страстный, прозорливый, полный неиссякаемой энергии, непримиримый в идейной борьбе, верный соратник великого Сталина, человек светлой души и сильной мысли.

В центре пьесы — судьба шахтера Ивана Кузнецова. Эту роль играет Н. Кузьмин. Деревенский подросток Иван Кузнецов, явившийся на шахту с единственной целью накопить деньги и приобрести коня, постепенно втягивается в шахтерскую жизнь. Мелкособственнические мечты уступают место сознательному, творческому отношению к труду. И вот уже недавний «лошадник», полуграмотный, неотесанный тяжелодум, становится передовым, культурным, инициативным рабочим, одним из зачинателей стахановского движения на шахте.

Артист правдиво и подкупающе просто показывает становление характера Кузнецова. Мы чувствуем пробуждение богатого от природы ума, видим, как высвобождается и находит себе применение большая творческая сила, заключенная в этом человеке.

Роль Серафимы, подруги, а затем жены Кузнецова, играет артистка А. Дерябина. Созданный ею сценический образ проникнут сердечностью, чистотой, свежестью.

Важное значение имеет в пьесе фигура парторга шахты Гремякина (А. Чалый), боевого товарища и личного друга Серго. Именно Гремякин уверенной рукой воспитателя-большевика ведет Ивана Кузнецова.

Во всех этих образах спектакля автор, постановщик и артисты сумели передать главное: сильную волю, целеустремленность своих героев, их движение к будущему, к коммунизму. Именно в этом секрет подлинной актуальности спектакля.

Однако в пьесе остался ряд сырых, недоработанных картин, уводящих внимание зрителей от главной темы спектакля. Чрезмерно много внимания отдано персонажам из лагеря врагов революции, и, тем не менее, персонажи эти изображены вяло и бесстрастно. Интересно намеченные в начале спектакля образы друзей и подруг Кузнецова и Серафимы также не получают необходимого развития. Их жизненная история вдруг обрывается, и поэтому в финале спектакля нет наглядного подтверждения знаменательных слов Серго о Кузнецове: «Это — делегат... неисчислимых тысяч».

«Путь в грядущее» С. Маранча в Куйбышевском драматическом театре имени А. М. Горького. В роли Серго Орджоникидзе — заслуженный артист РСФСР В. Бурэ, Ваня Кузнецова — Вадим Кривенко.

Фото А. Тихомирова

«Зыковы» А. М. Горького. Софья, сестра Зыкова, — заслуженная артистка РСФСР З. Чекмасова, Зыков Антипа — заслуженный артист РСФСР Н. Колесников, лесничий Муратов — лауреат Сталинской премии В. Кузнецов.

Молодой режиссер Л. Тепляков поставил в Куйбышевском театре «Зыковых» Максима Горького. «Зыковы» ставятся сравнительно редко. Давно уже разбитая жизнью нелепая версия о мнимой «несценичности» горьковских драм еще дает свои рецидивы в применении к «Зыковым». Иные постановщики поныне относятся к этой пьесе с некоторым предубеждением. Глубоко драматичный спектакль Куйбышевского театра показывает всю несостоятельность подобных сомнений.

Антипу Зыкова играет Н. Колесников. Подобно щукинскому Булычеву, его Антипа родился «не на той улице», но в отличие от Булычова сам этого не сознает. Это один из тех людей, которые, по меткому замечанию самого Алексея Максимовича, становятся к своему классу «боком», ведут себя «несообразно традициям своего класса» и более того — выступают против этих традиций.

Всей своей судьбой Антипа Зыков принадлежит к буржуазии, и в то же время всем своим существом он протестует против буржуазного уклада жизни. Это парадокс трагический, и трагедию Антипы Колесников раскрывает до конца. Хочется Антипе «порадоваться чему-нибудь хорошему, прислониться душой к доброму». Верит он, что «человек познает себя в борьбе и радость находит в деятельности, в трудах». Силы, энергии в нем — край непочатый. Но он знает только один путь к счастью — путь захвата, грубой силы, он все еще верит во власть денег. И вот все рушится вокруг Антипы.

Павла, жена, дерзко отнятая Антипой у сына, которая была его надеждой, становится его мукой и проклятием. Вековая пошлость мещанства сконцентрирована в этом горьковском образе, верно понятом актрисой З. Броварской. Сын — безвольный алкоголик, пописывающий декадентские стишки, пытается покончить с собой. Компаньон ворует у Антипы деньги. Жизнеутверждающая сила Антипы не выдерживает этого потока бед, порожденных его богатством. Безысходное отчаяние охватывает Зыкова.

Софья — сестра Антипы не только по крови. Она, как и брат, верит в жизнь, умеет ценить в ней все настоящее. Есть в Софье много силы, много подлинной духовной красоты. З. Чекмасова показывает это с ясностью, присущей способной артистке. Но и Софья не находит применения своим духовным силам. Пристально приглядывается она к людям, ищет человека, товарища.

Однако такого человека нет рядом с Софьей. Она быстро убеждается в духовной нищете лесничего Муратова (артист В. Кузнецов), в стяжательском цинизме дельца Хеврина (артист Г. Шебуев). Как и Антипа, Софья не знает, что делать ей в жизни, чему отдать свои силы.

Но то, что неведомо ни Софье, ни Антипе, хорошо известно автору пьесы. Мощно звучит в ней тема ненависти к буржуазному укладу жизни, тема веры в народ.

Почти все пьесы Максима Горького уже поставлены в Куйбышевском театре. Намечаются к постановке «Варвары». Театр, который носит имя великого писателя, деятельно разрабатывает его драматургическое наследие. У Горького актеры театра учатся искусству сценического портрета, искусству яркой и глубокой характеристики персонажей. Эти «уроки Горького» позволяют труппе уверенно приступать к работе над современным репертуаром.

К. РУДНИЦКИЙ

г. Куйбышев

Музыка в быту

НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КИТАЯ

В тот день, когда над Китаем взвились алые знамена победы и залпы салюта отметили провозглашение Народной республики, ликующие толпы заполнили улицы. Песни звенели над городами и селами, люди пели о новой жизни, о светлом будущем.

Песен в этой стране много, чудесных, неповторимо-своеобразных! Китайский народ очень музыкален, ему свойственно тонкое чувство ритма, и музыка занимает большое место в его быту. Ни одно торжество не обходится без участия народных инструментов.

Музыкальная культура Китая четырехтысячелетней давности, и до сих пор в ходу древнейшие музыкальные инструменты. Самые старинные из них — это ударные: барабан, гонг и «тарелки» различных конструкций.

Своеобразный ритмический бой барабанов и гонгов можно услышать и в шумной толпе веселого празднества «Янге», и на торжественной церемонии, и во время траурного шествия. Ударные инструменты — непременные участники оркестра, сопровождающего танцы, выступления фокусников, сценическое действие.

В Китае есть много превосходных мастеров игры на народных инструментах. Здесь исстари славятся музыканты-сказители. Их песенные сказы раньше всегда были печальны, и столь же заунывно вторила им старинная двухструнная скрипка. Ху-цинь — называют в Китае этот инструмент.

Мастерят ху-цинь часто сами сказители: тонкий бамбуковый прут вставляют в небольшой цилиндр с донышками, обтянутыми змеиной кожей. Струны натягивают так, чтобы одна была короче другой. Певец ставит ху-цинь на колено, и смычок извлекает тонкий и мелодичный звук, хорошо сочетающийся с песнями. Народные музыканты знают секрет исполнения старинных китайских песен, и никто другой не смог бы так тонко передать поэтическую прелесть напевов.

В быту китайского народа сохранились от давних времен и музыкальные инструменты пи-па, ди-цзы и цинь-цзы.

Пи-па имеет грушевидное плоское тело, короткий, полый гриф, внутри которого вставлена металлическая пластинка, высокие лады и необычайные колки. Ди-цзы — бамбуковая флейта с боковыми отверстиями. Нет лучшего сопровождения для певца, чем эта флейта. Любопытно, что ею можно пользоваться и в качестве измерительного прибора: боковые отверстия и начертанные на ней поперечные полосы соответствуют единицам китайской меры длины.

Любим в народе и инструмент цинь-цзы, родственный банджо. Четыре струны и туго натянутая упругая змеиная кожа дают возможность музыканту сопровождать игру ритмическими ударами.

Как правило, народные инструменты любовно украшены тщательной полировкой, инкрустацией, резьбой. Чехлы для них делаются из пестрой и нарядной ткани.

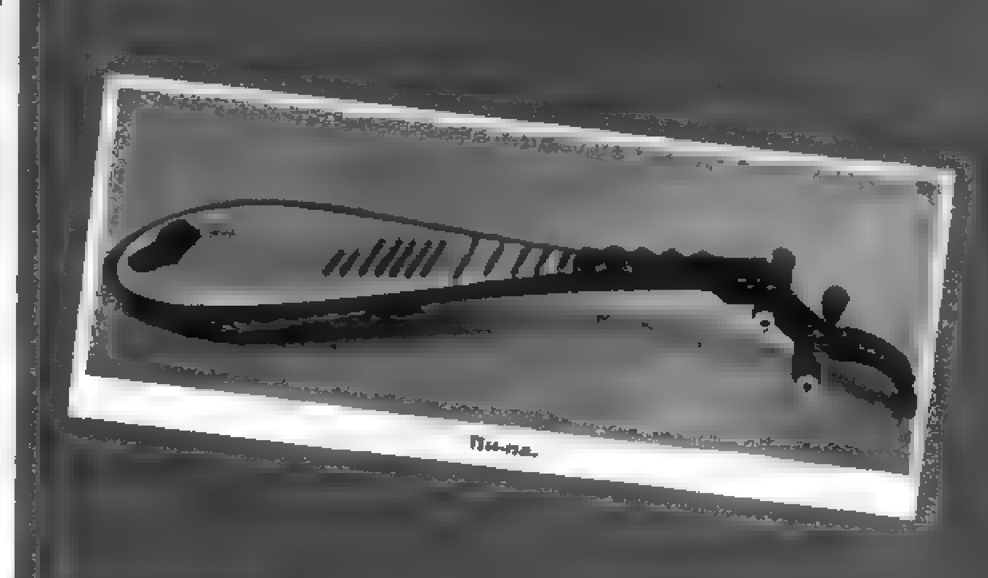
Музыкальная культура Китая веками оставалась неизученной. Буржуазные ученые старались всячески принизить ее роль в развитии мировой культуры. Только теперь могут раскрыться полностью неисчерпаемые богатства музыки китайского народа. На основе национальных традиций создается новое, революционное искусство, рождаются новые прекрасные песни.

...И старые сказители, забыв о горестных песнях прошлого, поют о славных героях освободительной войны, о патриотах республики, прославляют героический труд народа, ставшего хозяином своей судьбы.

Н. АНТОШИНА

Скрипка ху-цинь (вверху) и флейты ди-цзы.

Пи-па.

«Музыканты» — народная резьба по дереву. Музей восточных культур.

Чехлы для музыкальных инструментов.

Гриф, украшенный резьбой.

Мастер спорта В. Чудинов (справа) провел показательный бой с перворазрядником К. Семиным

Приедем обязательно!

В. ПУШКИН,
мастер спорта

Они с минуту помолчали, задумчиво глядя в синее небо. Рядом ходили стреноженные лошади и жевали сочную траву. Где-то высоко, высоко заливался жаворонок. Набегающий ветерок доносил густой аромат цветов.

Уже полчаса, как председатель колхозного спортивного коллектива табунщик Николай Савельев и секретарь комсомольской организации Евгений Селезнев, лежа на траве перед листком бумаги, решали нелегкую задачу, кого поставить в сборную команду села?

Сегодня на колхозном стадионе в честь приезда шефов, бригады мастеров спорта столичного общества «Пищевик», состоится волейбольный матч. Из соседних сел и деревень съедутся гости, на стадионе будет шумно и торжественно.

Сначала шефы покажут собравшимся свое мастерство в гимнастике, акробатике, боксе, а потом встретятся на волейбольной площадке со сборной командой колхоза имени Калинина. Об этом вещали афиши, расклеенные по селу, и трижды было объявлено по местному радио.

И Савельев, и Селезнев, и все остальные физкультурники села отлично понимали, что предстоящий матч будет своего рода отчетом о проделанной ими работе, поэтому каждая кандидатура в сборную команду обсуждалась подробно и придирчиво.

Год назад, когда шефы впервые приехали в колхоз, составить сборную команду не было ничего проще: умеющих играть было немного, выбор невелик. Колхозные волейболисты терялись всякий раз, когда мяч стремительно летел в их сторону, и не умели сделать даже самой простой подачи с угла. Во всех трех играх победили тогда москвичи со счетом 10 : 0. Но сейчас в колхозном спортивном коллективе много способных игроков, научившихся и «гасить», и «блокировать», и понимать друг друга без слов.

— Нам важно сдержать их первый натиск! — сказал Селезнев, когда команда наконец была укомплектована.

— Бьет у них один здорово! — вздохнул Савельев. — Помнишь, под вторым номером играл?

— А чем плохо бьет Грибанов наш? Или Козлов, Каминский?.. Теперь это нам не новость — хорошо ударить!

Савельев подошел к стадиону как раз в тот момент, когда председатель колхоза Алексей Алексеевич Иванов, председатель сельсовета Василий Иванович Громыхалов и заведующий клубом секретарь колхозной партийной организации Алексей Алексеевич Козлов приветствовали гостей.

Табунщик еще издали узнал среди приехавших боксеров Василия Чудинова и Михаила Серегина. Узнал он и широкоплечего, плотного Владимира Андреева, лыжника и волейболиста. Андреев был здесь минувшей зимой, когда физкультурники колхоза имени Калинина готовились к районным лыжным соревнованиям, и помощь его оказалась как нельзя кстати. Приезжал Андреев в село и весной — помочь в организации спортивного общества «Колхозная нива».

— А вот и сам председатель коллектива! — весело сказал Андреев, здороваясь с Савельевым. — Как? Все еще жалуешься, что спортом не хотят заниматься?

— Теперь нет, — ответил Савельев. — После ваших показательных выступлений народ во все секции идет. Вот сегодня не знали, кого в сборную поставить: все хороши!

— Так, значит, готовите нам сегодня бесславный конец?

— А что ж вы думаете: как в прошлом году? — улыбнулся табунщик.

Из-за деревьев, которые естественной оградой окружали стадион, послышались дружные аплодисменты. Зрители давно уже собрались и напоминали, что пора начинать.

...Бригада мастеров спорта общества «Пищевик» отправилась из Москвы в подшефный Рузский район всего на два дня. Но уже пошли четвертые сутки, а конца поездке не видно. Пришлось выступать в поле и в селах по нескольку раз в день. Но москвичи были рады этому. Приятно сознавать, что благодаря шефству над районом теперь в Рузе работает секция бокса, а во многих колхозах повысились достижения по легкой атлетике, по лыжам, по шахматам. В колхоз имени Калинина бригада приехала, исколесив уже почти весь район. Спортсмены умылись, переоделись, баянист занял свое место, и показательное выступление началось.

С интересом следили колхозники за отточенными комбинациями гимнастов Леонида Кондрашева и Леонида Лавренева, изумляясь гибкости их тел и силе мышц.

— Неужели и наши ребята так смогут! — говорили зрители.

А когда на ковер вышла участница Всесокольского слета в Праге Валентина Баранова и начала свои легкие, красивые вольные движения, стадион дрогнул от аплодисментов.

— Ребята — те еще ладно! — говорил, усердно колотя в ладоши, пожилой колхозник с обветренным лицом. — А эта вся хрупкая, тоненькая, и вот, смотри, как у нее ловко получается!

— От тренировки все зависит, Михей Андреевич! — степенно заметил сидевший рядом Савельев.

Продемонстрировала свое мастерство и Валентина Баранова

Фото Н. Маторина

— Да вот вы сколько ни тренируетесь, а так не умеете! — подзадорил пожилой колхозник.

— Придет время, и мы научимся! — спокойно отвечал табунщик.

Потом на ковер вышел Владимир Сдобников, победитель в соревновании акробатов первого разряда на первенство СССР. Стадион замер, следя за взлетами сильного тела спортсмена. Затем Сдобников выступал в паре с Лавреневым, удивляя всех еще более сложными номерами.

Акробатов сменили боксеры: мастер спорта чемпион ВЦСПС Михаил Серегин и Владимир Захаров. Когда начался первый раунд, Михей Андреевич не выдержал и толкнул Савельева в бок:

— Да неужели и наши ребята научатся этому? А?

— Конечно! — убежденно ответил Савельев.— Вот в Рузе-то уже работает боксерская секция. А чем мы хуже?

После первого показательного боя на ринг вышел мастер спорта В. Чудинов и рассказал, как и он когда-то не верил, что сумеет хорошо боксировать. Мастерство пришло постепенно, с годами упорной работы.

Затем Чудинов продемонстрировал отдельные приемы бокса. Они казались не такими уж сложными. Со всех сторон раздались голоса:

— Позвольте нам! Ну дайте нам попробовать!

— Нет, друзья мои,— ответил Чудинов,— надевать перчатки вам рано! Чтобы бокс не принес вреда, надо изучать его постепенно, тщательно, упорно...

— Так приезжайте почаще! — раздалось со всех сторон.— Научите нас!

— Приеду. Вот окончатся у нас соревнования, и я обязательно приеду снова,— ответил Чудинов.

Василий Чудинов рассказал колхозникам о пользе, которую приносит бокс, о бурном развитии этого спорта в нашей стране, о победах советских боксеров за рубежом. Закончив беседу, мастер спорта вместе со своим партнером Константином Семкиным провел показательный бой.

Наконец пришло время и волейбольному матчу. Зрители тесным кольцом окружили площадку.

При первом же прикосновении к мячу Савельев почувствовал, как к нему возвращается его обычное спокойствие и уверенность. Быстро взглянув на товарищей по команде, он с радостью отметил, что и они готовы к упорной борьбе.

Вот уже дважды москвичи, подбросив мяч высоко над сеткой, с огромной силой направляли его затем почти отвесно вниз. Год назад это верные два очка! Но сейчас мяч, звонко ударившись о во-время подставленные руки, свечкой взвивался вверх. Рассерженные неудачей москвичи подбросили мяч в третий раз. Снова сильная рука нападающего направила бы его вниз, но над сеткой подпрыгнул колхозный игрок Виктор Грибанов, и отброшенный им мяч приземлился на площадке противников...

Первая встреча окончилась с минимальным счетом 16 : 14 в пользу москвичей. Всем стало ясно, насколько выросла команда колхоза имени Калинина. Гордостью наполнялись сердца калининцев, когда в следующей игре победили уже их односельчане со счетом 15 : 13. Третью игру провести не удалось. В наступившей темноте мяча уж совершенно не было видно.

— Нам, конечно, очень приятно, что вы наши недавние ученики,— говорили смущенные шефы, отирая пот с лица,— но, признаться, такого роста мы никак не ожидали!

Председатель колхоза отвечал, стараясь скрыть волнение:

— Вам за помощь спасибо! Растем понемногу. Да, не успокаивается народ-то наш на достигнутом. Бокс, сами слышали, теперь хотят... Акробатика понравилась...

— Боксеры уже обещали снова приехать, и акробаты приедут! — заверил руководитель шефской бригады.— Приедут к вам еще не раз, обязательно! Помогать колхозным физкультурникам — долг каждого советского спортсмена.

Отдохнули

хорошо!

Небольшая узкая дощечка. На обоих концах ее закреплены барельефы пионерского значка, а посредине вырезана надпись: «За победу по многоборью на звездном сборе».

Такой приз получили недавно пионеры городского пионерского лагеря при 545-й мужской школе Москворецкого района Москвы. В этом лагере отдыхали учащиеся и соседних мужских и женских школ.

В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького собралась детвора всех городских лагерей. Это и был звездный сбор, на котором пионеры померялись своими достижениями за лето. Кто стал лучше бегать и выше прыгать? Кто овладел мячом и шахматами? А кто прочитал больше книг?

Разыгрались соревнования Они были, пожалуй, самыми разнообразными из всех, какие проводились когда-либо в парках столицы. Пионеры решали задачи литературной и географической викторины, отгадывали загадки, плясали и пели, разыгрывали сложные бои на шашечном и шахматном полях, ловко отбивали маленький звонкий мяч настольного тенниса. Но больше всего соревнующихся привлекли беговая дорожка и гимнастическое поле. Еще бы! Здесь можно было сдать нормы на значок «БГТО» и «ГТО» первой ступени!

На старте — Мила Филатова. Спортивные навыки она получила в школе, но особенных успехов добилась нынешним летом в лагере. Девочка очень любит физкультуру.

В соревнованиях Мила участвует впервые и, конечно, немного волнуется. Но кругом такие же школьники, как она сама, а случайно пойманный взгляд преподавателя физкультуры Анатолия Сергеевича Волкова окончательно успокаивает. Девочка бежит легко. Финиша Мила достигает первой, выполнив норму «БГТО».

— Ну, а как у тебя прыжки? — спрашивает Волков.

Оказалось, что прыгает Мила не хуже, чем бегает. В шестой класс она придет уже значкистой.

— Запомни сегодняшний день! — говорит девочке Анатолий Сергеевич. — И, вернувшись в школу, обязательно занимайся в спортивной секции. Ты теперь уже большая. Тебя примут. А пока я буду с тобой заниматься. Хочешь?

Мила согласна: будет заниматься спортом не только она, но и другие ее товарищи по лагерю. Вон бегут по дорожке Гена Гилеров и Валерий Корнилов из 545-й школы. Давно мечтает Валерий вступить в одну из школьных спортивных секций, однако, пока мальчик учился в начальных классах, его не принимали. Но теперь-то уж примут, тем более, что в лагере Валерий стал заправским физкультурником.

Любовь к спорту прививается детям со дня их вступления в школу. Ежедневно за десять минут до начала занятий в 545-й школе раздается предварительный, или, как в шутку его называют мальчики, «зарядный», звонок. У дверей классов выстраиваются ученики.

— Подровняйсь! Направо! Шагом ма-арш! — командует старшеклассник, прошедший специальный инструктаж у преподавателя физкультуры.

Гулко и четко отбивая шаг мальчики входят в классы. Начинается зарядка. Только после гимнастики малыши приступают к занятиям.

На перемене первоклассники могут поиграть в несложные спортивные игры. На уроках физкультуры эти игры постепенно усложняются. Так из года в год мальчики приучаются к спорту, начинают его любить, и в пятом классе хороший ученик может уже вступить в одну из спортивных секций. Плохих не принимают. Развитие ребенка в школе должно быть гармоничным и потому хорошая успеваемость — обязательное условие приема в спортивные секции. А вступивший в секцию уже ни за что не бросит в ней заниматься.

Любовь ребят к спорту во многом определила и работу городского пионерского лагеря. Здесь в значительно большей степени, чем в школе, можно было дать возможность детям окрепнуть физически. Почти все время ребята проводили на воздухе. Они начинали день традиционной зарядкой, которая сменялась спортивными играми.

В лагере отдыхали главным образом ученики начальных, пятых и шестых классов. Поэтому физкультурная работа имела особый, игровой характер. Только к концу лета Анатолий Сергеевич начал вводить в занятия спортивный бег, прыжки в высоту и длину, упражнения на турнике. Но первое время приходилось думать о другом: пусть дети научатся свободнее владеть руками и ногами, лучше координировать свои движения, разовьют меткость и глазомер.

Вот в лагере у баскетбольного щита собралась группа ребят. Анатолий Сергеевич подкинул мяч. Его поймал мальчик и попытался забросить в кольцо. Но мяч ударился о щит и отлетел в сторону. Ребята кинулись за ним. Кто окажется теперь самым ловким? Мяч в руках у Насти Березневой. Девочка быстро бежит к щиту и, размахнувшись, бросает мяч. Есть! Попала! Вот и получила Настя первые навыки игры в баскетбол.

Пока Настя с подругами и товарищами учится играть в баскетбол, Мила и Валерий бегают по дорожке, огибающей физкультурную площадку. Они занимаются упорно, с твердым желанием принести в школу спортивные достижения.

Когда небо заволакивалось тучами и шел дождь, скучать тоже не приходилось. В пионерской комнате лагеря в такие дни разыгрывались настоящие шахматные чемпионаты. Затаив дыхание, следили мальчики за каждой фигурой, составляли и решали в уме сложные комбинации. Но все расчеты обычно рушились под ударами смелых и обдуманных ходов Виталия Козюлина. Это и не удивительно: Виталий одержал недавно первенство даже на районном чемпионате городских пионерских лагерей!

Впереди у Виталия Козюлина, как и у его товарищей по лагерю, новые спортивные встречи за шахматными досками, в гимнастических залах, на физкультурных площадках.

Бодрыми, веселыми, окрепшими вернулись ребята в школу За лето они хорошо отдохнули!

Г. ДРОБОТ

К финишу Мила Филатова прибежала первой

Фото А. Бочинина

КИОСК НА ПЛОЩАДИ

Я. АРКАДЬЕВ

Сквозь маленькое окошко киоска виднеются пышная зелень нового сквера, омоложенное здание Большого театра и остроглавая башенка Центрального универмага. Легко догадаться, что стоит этот справочный киоск на площади Свердлова — в самом людном месте столицы.

Мы сидим в будке вместе с Еленой Петровной Финисовой — сотрудницей справочного бюро, вооруженной справочниками и телефонами. За какими справками обращаются сюда сотни людей, чем они интересуются?

Елена Петровна с профессиональной быстротой схватывает сущность вопроса и тут же дает письменные ответы. Изредка она заглядывает в лежащие перед ней книжки, а в особых случаях звонит по телефону в свой «штаб» — контору «Мосгорсправки».

— Есть ли воздушное сообщение с Алма-Атой?

— Есть! Билет можете купить вот тут недалеко, в Лубянском пассаже.

В окошке — миловидное девичье личико. Туго заплетенные черные косички. На голове тюбе-[redacted]

— Где находится Московский юридический институт?

— Вы из Узбекистана? Приехали на учебу? — Елена Петровна разговаривает и одновременно пишет на бланке точный адрес института и номер троллейбуса, который можно туда проехать.

Не одна сотня людей обратится за день за разными справками к Финисовой. В течение месяца справочные киоски Москвы выдают до одного миллиона справок...

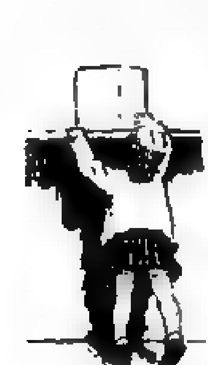
— Можно с вашей помощью разыскать приятеля? — спрашивает средних лет мужчина в кителе военного моряка. Он берет бланк, заполняет графы и вдруг приходит в смятение.

— Где находится общество перелетных птиц?

— Вот уж, где он родился, право, не знаю... Где-то в Сибири. А какая область, район — не помню. И года рождения не скажу. Примерно моих лет: сорок — сорок пять. Он моряк — это точно. Вместе на Северном флоте служили, на одном корабле. Жаль, если не найду, а точно знаю, что в Москве живет. Помогите, пожалуйста...

И моряк стал терпеливо ждать, пока в адресном бюро находили справку о Николае Петровиче Новикове, родившемся где-то в Сибири, сорока — сорока пяти лет от роду...

Тем временем Елена Петровна объясняла людям, как проехать в Министерство высшего образования, где найти граверную мастерскую, купить огнетушитель, в каком учебном заведении обучают коротковолновику. А моряк все стоял и приговаривал: «Вот здорово будет, если отыщете!»

— Где находится комиссия по проведению солнечного затмения?

Наконец по телефону пришел ответ. В Москве — десятки Новиковых, родившихся в Сибири. По возрасту, имени и отчеству подходят пять человек. Можно дать пять [redacted]

— Устраивает вас?

— Да, вполне. Поезжу по Москве, поищу.

И, захватив адреса и точные маршруты, он уходит.

...Забежим немного вперед: позже моряк снова появился у окошка, но уже не один, а с товарищем.

— Нашел! — радостно крикнул он.— Вот Новиков настоящий, полюбуйтесь! Второй адрес оказался правильным. Дома, конечно, его не застал. Я к нему на службу поехал. Он тут рядом, в министерстве работает. Решили зайти поблагодарить.

— Нашел! Вот Новиков настоящий, полюбуйтесь!

А у киоска уже образовалась небольшая очередь. Вихрастый подросток, проявляя явное нетерпение, несколько раз порывался обратиться с вопросом к Е. П. Финисовой и косо поглядывал на моряков: нашли, мол, друг друга — ну и радуйтесь, а людям не мешайте; есть дела посерьезнее.

— Где находится общество перелетных птиц? — скороговоркой спрашивает наконец нетерпеливый [redacted]

— Перелетные птицы еще не зарегистрировали у нас своего общества,— с трудом сдерживая улыбку, отвечает Елена Петровна.

— Как! — возмутился подросток.— Такое общество давно существует. Я поймал птицу с кольцом на лапке. Мне нужно снести туда кольцо.

— Теперь все ясно, молодой человек,— говорит Елена Петровна и дает нужный адрес.

Попадаются изредка вопросы, ставящие втупик даже Финисову.

— Где находится комиссия по проведению солнечного затмения? — настойчиво добивалась девочка, категорически настаивавшая, что затмением руководит некая специальная ко-[redacted]

К справочному киоску подходит молодой, элегантно одетый мужчина.

— Здравствуйте! — здоровается он с Еленой Петровной. — Нет ли сегодня требования на начальника административно-хозяйственного отдела?

— Нет. Но трест один ищет начальника снабжения. Интересная работа. Советую зайти туда поговорить. Это недалеко отсюда...

— Не подходит. Слишком много ответственности. Боюсь, не справлюсь.

— А вы зайдите, может быть, понравится,— уговаривает Елена Петровна.

Человек берет адрес, но, прощаясь, предупреждает: «Возможно, еще наведаюсь к вам».

Сегодня в киоск поступили требования на 35 работников различных специальностей. Нужны токари, слесари, экспедиторы, кладовщики, бухгалтеры, инженеры, секретари-машинистки, монтажники — всех не перечислишь. Заявки удалось удовлетворить едва на одну треть...

Элегантного мужчину сменяет шустрый курносый паренек. Оказалось, что он принадлежит к числу давнишних знакомых Елены Петровны.

— Еще одного земляка хочу найти, помогите, пожалуйста.

— А вчерашнего нашел?

— Нашел.

Мальчик приехал в Москву к брату из деревни, где живет с родителями и учится в седьмом классе. Он задался целью разыскать в столице всех земляков, выходцев из родной Касимовки. Пятеро уже найдены: тут и мастер с завода «Манометр», и аптекарь на Таганке, и слесарь домоуправления, и полковник милиции, и, наконец, инженер на высотной стройке у Красных ворот. Теперь разыскивается еще один земляк: в деревне говорили, он стал генералом и будто бы живет в Москве.

Время клонится к вечеру. Закончился трудовой день в учреждениях столицы. На площади становится все многолюднее. И здесь, в справочном киоске, ощущаешь эти часы «пик». Елена Петровна работает быстро, точно, не допуская очереди у окна. Она сообщает, когда прибывают и отправляются поезда дальнего следования, дает адреса министерств и жителей Москвы, советует, где провести выходной день, где достать хрустальный лак, к кому обратиться, чтобы вылечиться от заикания, как устроить сына в ремесленное училище, где разыскать потерявшуюся девочку.

— Не подходит. Боюсь, не справлюсь.

Но вот совсем неожиданный вопрос:

— Куда можно сдать кость мамонта?

На нас пытливо смотрит бородатый человек. Светлые глаза его выражают сомнение: «Скажет ли?»

— Откуда у вас такая кость? — невольно вырывается вопрос.

— Нашел.

Человек работал землекопом на песчаном карьере возле станции Тучково по Белорусской железной дороге и на большой глубине обнаружил огромную кость. Много людей осматривали находку. Кто-то высказал мнение,— не мамонт ли.

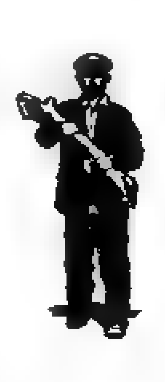
— Хочу сдать для науки,— заключил рабочий свой рассказ.

Ему дали адрес Музея [redacted]

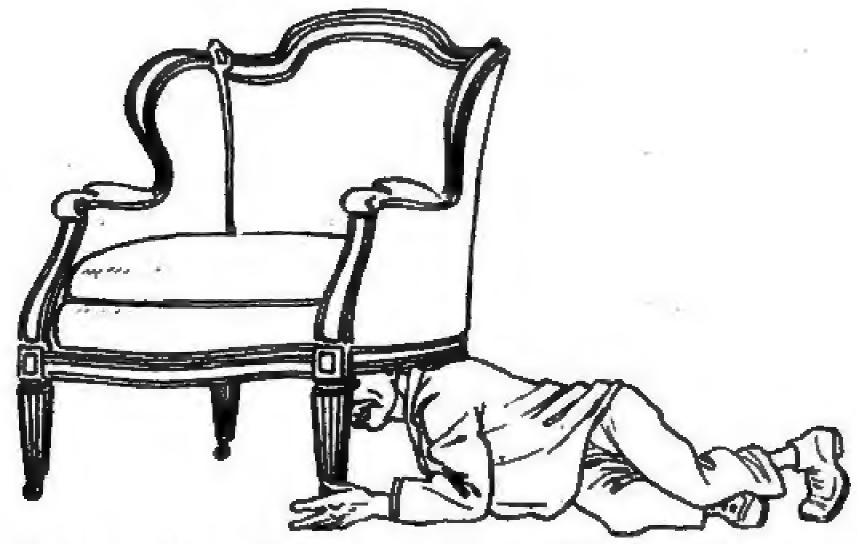
И снова от женщины, сидящей в киоске, требуют ответов: где изготовляют зеркала для комнат смеха, какой день недели был шестого декабря 1936 года, как достать водолазный костюм?

Вскоре Финисову стали донимать болельщики футбола. Их интересовало только одно: результат последнего матча на стадионе «Динамо».

Трудовой день в справочном киоске шел к [redacted]

— Куда можно сдать кость мамонта?

ЧЕЛОВЕК ПОД КРЕСЛОМ

Петер ВИПП

Обойщику Эугену Перфунде было 53 года, когда он впервые предпринял путешествие в мир сказок. Началось с руки... с того, что, когда он находился в экскурсионном бюро профсоюза, его рука нерешительно протянулась по столу к цветастой обложке курортной книжки. Рука эта, как и вся его жизнь, была сера, узловата, вся в царапинах и шрамах. Каждый палец ее напоминал о десятилетиях, полных труда, хлопот, голода и грошовых забот, и к тому же ему легко было признаться, что из этих грошей толку получалось мало. Их не хватало ни на хлеб насущный, ни на оплату квартиры и тем более для цветастой книжки, которая содержит в себе, как в ней указано, четырнадцать дней беззаботной жизни, с настоящей природой и хорошим питанием включительно.

«Включительно! — спрашивает Эуген Перфунде и подозрительно обнюхивает со всех сторон это малознакомое слово — «включительно». — Как же это? С харчами и всем прочим?»

«Все вместе! — говорит работник профсоюза. — Счастливого пути, герр Перфунде!»

Счастливого пути, герр Перфунде! И это пожелание долго обдумывает седовласый обойщик. Он сидит уже в поезде, прикладывает свой старый, многострадальный череп к прохладному оконному стеклу и закрывает глаза от ландшафта, мелькающего зелеными и бурыми пятнами. Счастливой дороги, герр Перфунде!.. Значит, он и есть этот самый герр?.. А тут кругом, куда ни кинь, Тюрингия, а не берлинская улица Борзига. Чертовски трудно все это охватить умом!.. И узловатые, кривые пальцы хотят уловить мысли, но те мелькают и кружатся вместе со всем ландшафтом. А небо такое голубое, будто его обтянули дорогим шелком!

Перед зáмком домик привратника, небольшой домик, весь заросший шиповником, словно кто-то извлек его из детской сказки. Перфунде долго и растерянно стоит перед домиком, держа наготове в руке цветастую книжку с тем самым... «включительно»... Порой он искоса поглядывает на зáмок, который величественно отражает в своих блестящих окнах небо, но...

— Да, да, все в порядке!.. Вам теперь надо пройти в зáмок...

Обойщик смотрит на полную женщину в белом халате и покачивает головой.

— В зáмок? — переспрашивает он, и в его голосе слышится раздражение: не для того же он сюда ехал, чтобы над ним издевались!

— Ну, да, конечно! Дом отдыха находится ведь в зáмке...

Ладно... Обойный мастер Эуген Перфунде с улицы Борзига должен собраться с мыслями. Он в зáмке. В настоящем зáмке. С паркетными полами, точеными колоннами, мраморными стенами. В зáмке хорошо обставленные комнаты с видом на парк, пруд и небо, с широкими и пухлыми кроватями, с коврами. Из кранов течет горячая вода или холодная, смотря по тому, какой кран повернуть. Одна из этих комнат принадлежит в течение двух недель герру Перфунде из Берлина — вот это и есть «включительно»!.. Перфунде становится легко на душе.

— Обед через час, в зеркальном зале! — предупреждает провожающий его в комнату человек.

— Где? — переспрашивает с тревогой в душе обойщик.

— В зеркальном зале! — повторяет человек и уходит.

Значит, в зеркальном зале и в самом натуральном виде!.. А?.. У гостя спирает дыхание, и он на цыпочках пробирается к окну.

На дворе липы в цвету, полно ароматов и солнца, и блики играют на сонном пруду. Перфунде опять легко дышать. Глубоко вбирает он ароматы цветов в свои пыльные легкие. Впервые в своей жизни, кажется ему, он заглядывает так глубоко в самое нутро природы.

Зеркальный зал находится направо от большого салона. Перфунде приходит туда раньше времени и уже с некоторым любопытством разглядывает богатую обстановку. И тут случилось событие, от которого у него второй раз за день перехватило дыхание и задрожали колени.

Не нарисованные на потолке херувимы потрясли его, не три дюжины окружавших его зеркал, не выложенный мозаикой пол — обойщик Эуген Перфунде увидел в углу зала кресло. Тут было еще несколько кресел, но это, крытое камчаткой и со знаком на спинке, — особое кресло! С подкашивающимися ногами идет к нему Перфунде через весь зал. Он останавливается, нагибается немного вперед, у него мутится в глазах, и он быстро и сердито протирает их.

— Да! — произносит он так громко, что его голос отдается в пустом зале. — Да! — и опять эхо откликается: «Да!»

Он протягивает вперед руку, и она, слегка дрожа, ложится на спинку кресла ласковым, как бы поглаживающим движением.

«Моя работа! — думает про себя старик. — Моя работа! — думает он. — Тридцать пять лет... Для кого же это?.. Для графа фон... фон...» Он вновь нагибается вперед. Где-то на планке он вырезал тогда искусными, вычурными буквами это имя — не по обязанности, а просто так, забавы ради...

Обойщик Перфунде опускается на колени и лезет под кресло... Тут где-то...

И в этой позе нашли его люди, явившиеся шумной, веселой гурьбой к обеду. Сперва они удивились, а потом их хохот брызнул во все зеркала:

— Эй, кто это туда залез?

Перфунде подымается с багровым лицом. Его глаза широко раскрыты и влажны от чувств, которыми его переполнила эта встреча. Он заикается, его руки бессильно падают на спинку кресла.

— Моя работа!.. Моя!.. Тридцать пять лет тому назад...

— Хо! — воскликнули отдыхающие, узнав, в чем дело. — Хо-хо! Вот это встреча!.. — И, глубоко усадив Перфунде в мягкие подушки, они в кресле повезли его к обеденному столу.

— Тут и будешь ты в нем сидеть, в твоем кресле, товарищ! Ну, ну, не хныкать, папаша!..

А Перфунде закрывает глаза от смущения и большой, светлой радости. Легкая дрожь появляется у него в углах рта и пробегает по губам. Значит, все это правда! И зáмок, и комната, и деревья, и небо, и кресло... Все — правда! Жизнь, новая жизнь — тоже правда?..

— Выходит, я и в самом деле могу сидеть в одном из моих кресел?.. Сидеть в самом деле? Не для пробы?.. — произносит он.

И старик Перфунде затевает длинный разговор на своем берлинском диалекте...

Перевод с немецкого

Достойный преемник

Совсем еще недавно явные и тайные правители США удручались тем обстоятельством, что Томас «засыпался».

Собственно, в Америке, где ловкое жульничество почитается доблестью, немало таких томасов-мазуриков, крупных и мелких. Но этот Томас был пройдоха особенный: он занимал пост председателя пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, чинящей расправу над борцами за мир и демократию.

Реакция приложила немало сил, чтобы вызволить своего ставленника из беды. Но под давлением общественного мнения казнокрада все же пришлось посадить за решетку.

Однако Томас Томасом, а комиссия комиссией. И пока Томас отдыхает в тюрьме, кто-то должен же занять освободившееся председательское место. Выбор пал на Вуда.

Вуд, конечно, был вполне достойным преемником Томаса по части шельмования и свирепого преследования каждого честного американца. Вуд не ударил лицом в грязь и доказал, что он, как и Томас, соответствует занимаемой должности по всем статьям.

Установлено, что Вуд замазал одно скандальное дело, получив за это от кинопромышленника Луиса Мейера взятку в 25 тысяч долларов. Мзду вручил Вуду прокурор штата Георгия Данлап, через которого бизнесмен Мейер неоднократно до того уже «оказывал воздействие» на блюстителя общественной нравственности в США.

Вуд не посрамил томасовских традиций: «Хапай и клади в карман». Охрана «американского образа жизни» в надежных руках.

А. З.

Рис. Л. Бродаты

«ЛУЧШИЕ» КНИГИ В США

Американский журнал «Паблишерс уикли» опубликовал этот снимок как рекламу выходящих в свет в этом году книг «лучших» американских писателей.

Название книг, их оформление и реклама сами говорят за себя. Вот эти книги:

Рейнгарт «Случай с блуждающим ножом»; Додд, Мэд «Убийство раскрыто»; Даттон «Лучшие детективные рассказы 1949 года»; Рандом Хаус «Ночь у притворной вдовы»; Говард Мак Кэнн «Проказа», «Зло» и др.; Морроу «Случай с музыкальной коровой»...

Почему мы так говорим

МУЗЕЙ

В течение нескольких столетий Александрия была крупнейшим промышленным и торговым центром древности. Александр Македонский построил ее при устье Нила, на путях, соединяющих Европу, Азию и Африку. Сюда ввозили мрамор для дворцов и общественных зданий, древесину, дорогие вина, пурпур, лошадей. Александрия снабжала Грецию и Рим пшеницей, полотном, шерстяными тканями, папирусом для письма, стеклом, благовониями, слоновой костью...

В пору своего расцвета этот город многих народов, языков, вер, обычаев и культур стал и средоточием тогдашней мировой культуры.

Знаменитая александрийская библиотека насчитывала 700 тысяч свитков. Около 2200 лет назад не жалевшие средств египетские цари Птолемеи создали в Александрии «Музейон», музей, то есть «Храм Муз», девяти богинь — покровительниц искусств и науки.

Верховным жрецом этого, в буквальном смысле, «Храма Науки» был назначен ученый. В музей стекались редкости мира. Корабли привозили в Александрию свитки рукописей и произведения искусства. Ботанический сад с диковинными растениями и зверинец были связаны с музеем. При нем были астрономическая обсерватория, химическая лаборатория, анатомический театр. Музей выдвинул крупнейших математиков, географов, грамматиков, оказавших громадное влияние на развитие наук.

По имени этого музея мы называем теперь музеями хранилища памятников истории и культуры и научных коллекций, где ведется научная и культурно-просветительная работа.

ДОЛОЙ

Дол означает низ, нижний край. Долина — низина вдоль реки, впадина между горами. В одежде подол — нижний край. Во многих городах (в Киеве, Могилеве и других) Подолы — низовые районы.

Одолеть врага — значит сразить его, повергнуть вниз, долу. Сейчас связь наречия долой с долом уже не ощущается. Долой и значит примерно вниз.

Долой образовалось от слова «дол», подобно тому, как от слова «дом» получилось домой.

И. УРАЗОВ

Обо всем

ВЕЧНЫЕ КРАСКИ

Античные художники писали восковыми красками. Так как при этом воск выжигался, то такая живопись называлась энкаустикой (от греческого слова «энкаио» — выжигаю). Работы, исполненные энкаустикой, поражают своей исключительной сохранностью и пережили тысячелетия. Примером могут служить фаюмские портреты I века н. э., находящиеся в московском Музее изобразительных искусств.

Восковые краски имеют ряд преимуществ перед масляными, и основное из них — долговечность. Техника живописи ими была забыта. Над раскрытием ее секретов немало потрудился художник Е. В. Кудрявцев, который нашел способы письма как горячими, так и холодными восковыми красками.

Эти способы оправдали себя при реставрации картин Третьяковской галереи. В качестве связующего краску вещества употребляется русский пчелиный воск. При письме на полотне горячим способом краски вместо выжигания подогреваются на электропалитре, а кисти — воздуходувкой; при письме холодным способом воск разводится скипидаром или очищенной нефтью.

Б. М.

ВЫНОСЛИВОЕ ДЕРЕВО

На одной из улиц Майкопа (Краснодарский край) растет пирамидальный тополь. Его возраст — 60 лет, высота — 16 метров, диаметр у земли — свыше метра.

Во время гражданской войны, а затем нашествия фашистских варваров дерево было сильно повреждено. Оно с двух сторон обтесано топором. Вначале в дереве появилось дупло. В нем разводили костры, и в результате образовалось сквозное отверстие такого размера, что сквозь него свободно проходит человек среднего роста. Вершина дерева несколько раз обрубалась.

Однако, несмотря на все это, тополь не засох и продолжает зеленеть, хотя в 1949 году была засуха, а

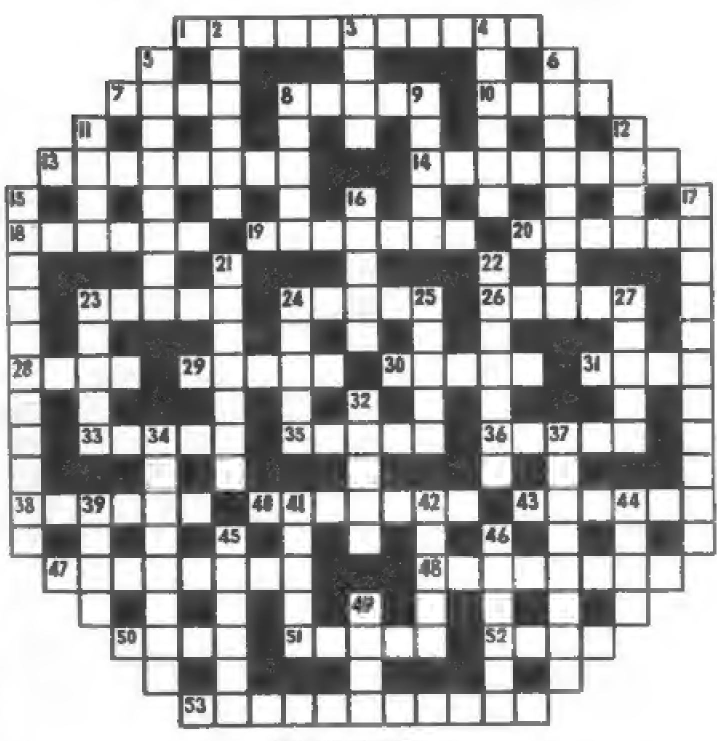

зима 1950 года была на редкость суровой.

Издавна известно, что пирамидальный тополь — порода засухоустойчивая и морозостойкая. Приведенный факт говорит также и о том, что тополю пирамидальному не страшны и сильные механические повреждения.

Г. АДАМЯНЦ

КРОССВОРД

По горизонтали

1. Советская республика. 7. Основа. 8. Человек, дающий кровь. 10. Раскатистые звуки, грохотанье. 13. Отличительные черты деятельности. 14. Советская оперетта. 16. Персонаж поэмы Твардовского. 19. Советский художник. 20. Птица. 23. Спортивная обувь. 24. Провинция в Китае. 26. Советский спортсмен. 28. Один из видов атмосферных осадков. 29. Рыба. 30. В древнегреческой мифологии чудесный певец. 31. Минеральная краска. 33. Древние обитатели Причерноморья. 35. Сырость, испарения. 36. Птица. 38. Французский писатель. 40. Строительство. 43. Лицо, произносящее речь. 47. Ядовитое животное из класса паукообразных. 48. Русский композитор. 50. Сорное растение. 51. Одна из стран света. 52. Близкий родственник. 53. Совершенная убежденность.

По вертикали

2. Обладание сведениями о чем-нибудь. 3. Советский писатель. 4. Угольный район Узбекистана. 5. Художник, рисующий морские виды. 6. Советский писатель. 8. Землечерпательная машина. 9. Часть электромашины. 11. Животное из породы грызунов. 12. Вулкан в Европе. 15. Речь, записанная посредством особых знаков. 16. Город в Японии. 17. Одна из систем подготовки научных кадров. 21. Победа в игре. 22. Народности, являющиеся первоначальным населением Америки. 23. Стиль плавания. 24. Русский художник. 25. Город в Эстонской ССР. 27. Роман Тынянова. 32. Смазка для машин. 34. Мелкий дождь. 37. Южная овощь. 39. Водоем. 41. Степень жизнедеятельности. 42. Название вина. 44. Канат. 45. Советский композитор. 46. Шахматный термин. 49. Американский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 35

По горизонтали:

1. Барбюс. 4. Корпус. 7. Донбасс. 11. Болотников. 12. Терриконик. 13. Конус. 14. Направник. 16. Сдоба. 19. Кессон. 22. Гормон. 24. Частота. 25. Шляпа. 26. Пенка. 27. Рига. 28. Лето. 29. Лотос. 31. Сетка. 33. Дискант. 35. Клавиш. 36. Лебеда. 39. Марка. 40. Воззвание. 43. Шилка. 47. Наконечник. 48. Полководец. 49. Козерог. 50. Тысяча. 51. Плакат.

По вертикали:

1. Бамбук. 2. Белоруссия. 3. Стенд. 4. Канин. 5. Рекордсмен. 6. Свекла. 7. Доклад. 8. Навар. 9. Актив. 10. Сервиз. 15. Азот. 17. Пожарский. 18. Компостер. 19. Кошелек. 20. Наварин. 21. Штольня. 23. Ниагара. 30. Траектория. 32. Тренировка. 34. Клюв. 37. Родник. 38. Диалог. 39. Мандат. 41. Заказ. 42. Ампер. 44. Акцент. 45. Нерпа. 46. Полип.

ТРИ ЗАДАЧИ

После лекции студенты собрались в одном из залов вечернего университета и, разбившись на группы, вели оживленные беседы. Когда я проходил по залу, до меня долетели отрывочные фразы, заинтересовавшие меня своим неожиданным, необычным содержанием.

I

...Мы видели ее не такой, какая она сейчас, а такой, какой она была 750 тысяч лет тому назад. Мы наблюдали ее невооруженным глазом...

...а их такими, какими они были примерно полмиллиарда лет назад. К сожалению, мы никогда не увидим, как они выглядят сейчас...

— Да, но промежуток в несколько сот миллионов лет не такой большой...

II

— ...вы не смейтесь, Павел Алексеевич абсолютно серьезно говорил: «Завтра мы будем находиться в каком-то совершенно новом месте, в новой области... никогда она не вернется в точку, которую прошла ...следовательно, никогда и мы с вами не попадем в то место, где были когда-либо ранее»...

III

— ...что же тут удивительного? Кусок такой «планеты» я сама держала в руках...

Не поможете ли вы расшифровать содержание услышанного мною?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана

А 04388. Подписано к печати 29/VIII 1950 г. Изд. № 576. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2272. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ТРУДОВЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ
В СБЕРКАССУ
НА ХРАНЕНИЕ!
Приходный ордер
Прошу ПРИНЯТЬ вклад
СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КНИЖКА
SÄÄSTÖKIRJA
ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!

Цена 3 руб.